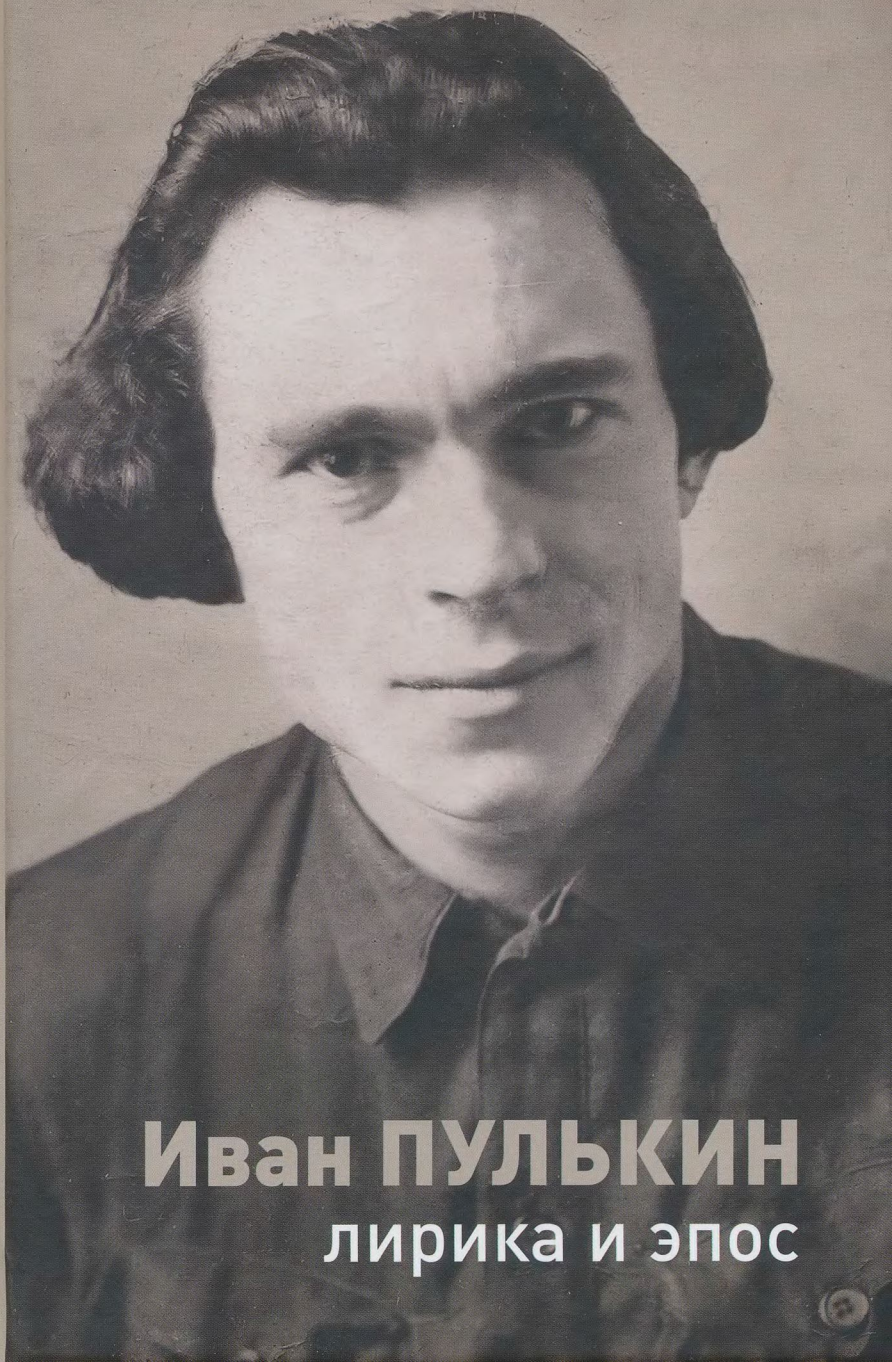


**Иван
ПУЛЬКИН**
ЛИРИКА И ЭПОС



Иван ПУЛЬКИН
лирика и эпос



Иван ПУЛЬКИН

лирика и эпос

Москва, 2018



УДК 82-31
ББК 84(2)
П88

Пулькин Иван

П88 Лирика и эпос / Сост., подг. текста и комментарии
И. А. Ахметьева. — М.: Виртуальная галерея, 2018. —
608 с.: ил.

Иван Иванович Пулькин (1903–1941) начинал как комсомольский поэт, в конце 1920-х участвовал в «Союзе приблизительно равных» (И. Аксенов, Г. Оболдуев и др.), в 1934–1936 находился в заключении в Западной Сибири, с 1939 работал библиографом в ИФЛИ; в конце 1941 рядовой Пулькин, находясь на фронте, пропал без вести под Москвой.

Так сложилось, что это первая книга замечательного русского поэта. Большинство произведений публикуются впервые.

ISBN 978-5-98181-120-3

На 1 с. обложки: Иван Пулькин

На 4 с. обложки: К. Юон. Портрет Ивана Пулькина. 1930

© И. И. Пулькин (наследники) Текст, 2018

© Е. Н. Емельянова. Предисловие, 2018

© И. А. Ахметьев. Составление, комментарии, 2018

© В. В. Португалов (наследники). Поэт Иван Пулькин, 2018

© ООО «Виртуальная галерея». Оформление, 2018

Иван ПУЛЬКИН (1903–1941?) — поэт мало кому известный, печатали его неохотно при жизни, нечасто — после смерти, по случаю — к годовщинам Победы. Творчество его никак не вписывалось в каноны соцреализма ни формой, ни содержанием, хотя писал поэт с восторгом и о переменах в деревне, и об индустриализации, и о том прекрасно-новом, что принесла в жизнь современников революция. Кто-то даже видел в его стихах попытки подражать Маяковскому — «лесенкой», неожиданными способами рифмовки, самим звучанием стиха. Но что-то отпугивало критиков и цензоров, наверное, как раз то, что отличает «стихи по случаю» от настоящей Поэзии. Поэтому, должно быть, стихи Ивана Пулькина прошли главное испытание — временем. В них ведь — живая жизнь, живая история, живой человек с его чувствами и судьбой.

Талант и судьба роднят поэтов разных эпох. Талант — в строчках этой книги. А судьба Ивана Ивановича Пулькина вмещает в себя те события, которые отражены в биографиях и творчестве всех стоящих поэтов. Попытки найти себя, свое место, желание писать о том, что волнует и требует выхода и исчезновение почти в пушкинском возрасте — в 38 лет. Неизвестно место последнего упокоения... Он разделил в этом трагедию своего учителя Мандельштама, Марины Цветаевой и других поэтов, на могилы которых не ходят читатели, почитатели, родные и близкие, потому что нет этих могил...

А сама его жизнь — она тоже в стихах, как и подобает поэту. В них — веселое и трудное деревенское детство, купания в безымянном притоке речки Ламы, ловля карасей в пруду, сбор подрябинников и клюквы — нехитрые и увлекательные развлечения

мальчишки, дающие возможность научиться радоваться жизни. Не осознавать, но воспринимать красоту голубых полей цветущего льна, дальнего горизонта, изрезанного контурами темных елок, пестрых мальв в палисаднике, сверкающих в небе бесчисленных звезд... «Лама туманом заткала луг/ — Душистым прозрачным дымом». Но знал он и цену тяжелого крестьянского труда: когда отец ушел на Первую мировую и оказался в австрийском плену, Иван занял место старшего мужчины в семье, а было ему чуть побольше 10 годков. Пахать, сеять, жать, косить — все это он умел, особенно любил косить. Уже взрослым, приезжая в родную деревню летом, радостно брался за косу и шел на луг.

А еще — книги. В доме они были. Огромного формата, с яркими иллюстрациями, переложеными шуршащей калькой, «Война и мир», томики стихов Некрасова, Лермонтова, А. К. Толстого, «Слово о полку Игореве», миниатюрное четвероевангелие, черное, с золотым обрезом, в коробочке, которое единственным уцелеет после пожара осенью 1941 года... Читать Иван научился рано.

А дальше — юность, азарт глобальных переделок мира. Ярополец, Волоколамск, увлечение театром, сотрудничество с местными газетами, первые публикации. Пушкин, чья тень, как для Ахматовой в Царском Селе, гуляла здесь, по аллеям старой усадьбы Гончаровых. «Пушкин в Яропольце действительно был, /Подтверждено историей, /Что очень приятно. /Хотя бы для автора». Это были годы учения, вернее, самоучения. Двое из пяти детей Пулькиных так и остались малограмотными, едва способными поставить подпись под документом, только самая младшая из сестер получила высшее образование. У Ивана за плечами — 3 класса сельской школы, но теперь уже поздно было тратить годы на школы и вузы. Однако он учился постоянно, все время, до самого конца. Сохранился выцветший талончик по поводу сдачи в ИФЛИ экзамена по современному русскому литературному языку от 17 февраля 1940 года. Экзамен сдан «на отлично». И сколько же он всего знал, этот деревенский мальчишка! В его стихах — и бетховенские сонаты, и русская история, и старославянский тяжеловесный язык, и мысли европейских философов, и латынь, и восточный фольклор. У него «за пазухой/ целый арсенал свиста/ разного калибра»... Так отразились 20-е в упругих, громких строчках молодого поэта, который махнул в 1924-м в Москву и был готов завоевать ее. Он жил, спеша все успеть, ничего не упустить, наслаждаясь безумной быстротой и бешеным течением лет, захлебываясь звуками,

из которых рождается стих. И эта гонка чувствуется в рваном ритме, в поиске новых рифм, в смелых аллитерациях и неожиданных метафорах. «Пусто.../Цветной капустой/Курчавятся облака...» В «Ярополецкой волости», «Волхове» так страстно выражено желание поведать миру о красках жизни, которая будет так коротка... А еще в эти годы создается нежнейшая любовная лирика «Семи серенад», смелая, полная страсти: «Когда же сумерки синеть/Начнут, любви таясь,/Ты будешь песнею моей,/О, милая моя!..».

Тридцатые — череда горестей, бед и напастей. Смерть сына-младенца. Арест по несправедливому и оскорбительному навету. Двухлетняя ссылка в далекий Мариинск, которого и на карте-то не найдешь. «Стал соловей лошадкой...» Сколько тоски и злости в «Лагерных тетрадах», сколько горечи и боли, страха и безысходности, отчаяния и надежды! Жизнь остановилась: осталась в Москве любимая женщина, друзья, родные. Ему всего-то 30 лет! В грязи, голоде, унижении только стихи дают возможность дышать. Кажется, что в ссылке он думал стихами, складывал строчку к строчке, шептал, как молитву, чтобы потом в письме, разбрызгивая чернила и проклиная ржавое перо, не заботясь о каллиграфии, записать их и отправить по адресу: «Москва, Большой Знаменский...». Хрупкие, истонченные временем листы бумаги, совсем тонкие на сгибах, уже 80 лет хранят его страданья так прочно, что их воспринимаешь на ощупь. «В три метра слой тишины/лежит над моей могилой./Три тысячи дней тишины/Отделяют меня от милой».

Короткие месяцы личного счастья — в конце тридцатых. Лето в Паулине, еще не затопленном Большой Волгой. Тихий среднерусский пейзаж, рядом семья, долгие разговоры — нельзя не наслаждаться этими часами счастья! «По самой по стрелени/Серебряное копьё/Лунного луча...». Сколько глубины, искренности и силы в каждой строфе «Колыбельных песен», «Требника атеиста»! Поездка с женой на Кавказ. Должно быть, ему понравились горы, дикие и прекрасные, древние легенды, гордые герои — это была его стихия, это вошло в его стихи, как и мечта увидеть море: «Я никогда не видел моря,/А тем более цветущего парусами». На фотографиях этого времени он улыбается открытой широкой улыбкой доброго и счастливого человека. Прекрасные планы, мечты, будущее...

41-ый. Иван Пулькин никогда не служил ни в каких армиях, да и возраст уже непризывной — ему 38. На его военном счету — только потушенные пожары на московских крышах и полученное

на тех же крышах осколочное ранение в лицо. Он уходит в ополчение осенью 41-ого, когда враг уже в его родной Ярополецкой волости. Грустный вечер прощания, заранее, еще в июле описанный им в стихотворении «Говорит мать»: «Мать сына провожала в облака.../Горела материнская рука...». Только было все не совсем так. По воспоминаниям его младшей сестры, отъезд на фронт был таким быстрым, что «мама даже не смогла с ним проститься». На несколько часов Иван Пулькин прибыл в Москву, увиделся с сестрами, женой, несколькими друзьями. «Прощание было очень грустным, так как все чувствовали, что это последняя встреча с Ваней», — вспоминает сестра Антонина. А потом — эшелон и коротенькая записка жене с дороги, датированная 13 октября. На письма времени не будет, но, думаю, было время на стихи. Только нет их... Пропали без вести вместе с автором, ушедшим «в облака», разделили его судьбу.

А остальные, уцелевшие, лежали в шкафу и ждали своего часа. Час настал.

*И когда надоест лежать
В сгустившейся темноте,
Я стану весело свистать
И развлекаться тем!*

Екатерина Емельянова

I

СТИХИ И ПОЭМЫ

ПОЛДЕНЬ

ВОЛХОВ

Будучи не из тех,
Что, высоко котируясь,
Отказались от прошлого,
Весь день я
Безжалостно цитирую
Любимейшее произведение.

О Баяне, соловью старого времени,
— Хорошо поёшь, где-то сядешь?! —
Рыщешь в тропу Трояню
с романтикой у стремени,
А люблю < — > лелеешь Святослави насады.

Садись, старик,
Побеседуем
На тему:
Нечего о прошлом сетовать!

Нам под жизнь отведён замечательный век,
Нам вручены силы
Недр, ветров, пара, солнца и рек, —
Словом,
век
Изумительно милый.

Незачем ходить далеко —
Сверяться в исторических толках,
Скажи мне,
Сколько веков
Валялась без дел такая река, как Волхов?

С гусель яровчатых веселого Садка
Медом сычёным песнь текла,
И будто бы с рукавов бобровых Волховны
Катились Волхова волны...

А косматые бородачи,
Надевши красные рубахи,
Подпоясывали мечи
И, как бесстрашные рубаки,
Для потехи, на досуге
Оседлав ладьи да струги,
Плыли к стойбищам Полян
Грابتь мирных поселян...

Лелеял Волхов белорунный
Корму высокую ладьи,
И запевал Садко,
Перебирая струны,
Про то, как плавали они.

Рассказывал под гуслирный звон,
Как вздорил с Новгородом он:

Эх, я ли тебя, ты ли меня!
От славного города
Новгорода,
От славного озера
Ильменя
Выбегали,
Выгребали
Тридцать кораблей,
Тридцать кораблей —
Един корабь.

Базарь, ушкуйники, да грабь,
Мы здесь погуливали летось!

А после,
Именем культуры,

Историки литературы
Про это самое —
Про «летось» —
Сказали каменное:
— «Эпос!»

Я не считаю пустяком
Наш Эпос, слаженный на диво,
В нем мастера речитатива
Сдружили слово со стихом.
Но думается, что
Нелепо-с
Увесистое слово
«Эпос».

Зачем лирическую песню,
Где отразились век и класс,
Прозвали эпосом у нас?!

С их-то руки,
То есть с тех пор,
В сонных томах на книжных полках
И на губах у рифмачей —
Играет пряной брагой Волхов,
Неся лихих бородачей.

А между тем
Он уяснил,
Что он
Не «эпос»,
Что он молод
И чувствует машинный голод
Всей
Массой лошадиных сил,
Бушующей в его валах.
Что «эпос» — тесно и старо,
Что зря лелеять гусяров.

Пришел мускулистый галах —
Другой, не пьяница Буслаев,
Что Новгороду нагрубил...

.....
И вот,
На Ленина ссылаясь,
Всей тяжестью, сгущённой в вóлнах,
Торжественно клокочет Волхов,
Вращая лопасти турбин.

Я видел тысячи
Ручьев,
Речушек,
Речек,
Рек
 Неудержимого бега, —
Попавший к ним в оборот человек
Делался прозрачней снега.
У них с весны работы по горло:
Питать рыб,
Носить суда, —
Но только Волхов
По-настоящему гордо
Несет красное знамя труда.

Судите:
Мало ли Волхову дел,
Легка ли валам
Работа,
Ежели
Вал Волхова
Бел —
В белой кипени пота.
Седобород и гриваст,
Вал Волхова
Идет вприсядки,
Гроном обдаст
Как пить даст

И...
Мимо! —
Без пересадки!

У Волхова —
Восемь турбин, —
В каждую — воду неси!
Я слышал:
Волхов трубил
Тревогу
От нехватки сил,
Но чтобы накалить кабелей
Всё заглушающий звон,
Он падал
Последней каплей,
Равной тысячам тонн!
Я спрашиваю,
Каждому ли вдомак
Такое самосвержение? —
Волхов,
Как сердце, сжимается в комок
Неопровержимого напряжения,

Когда нарушается связь
Узкоограниченной зоны
И материя, раздробясь,
Превращается в электроны,
Когда в грохоте
И в кипенье
Стали,
В сплошном пенье
Гудков
Сплошь нарушено сердцебиение
(И столько лет не сдались,
Неуклонно стройны!),
Когда строится социализм
Силами одной страны!

1931–1932

ПОЛУДЕННЫЙ СОН

Огромные гроздья сирени,
Белые, вперемешку с лиловыми...

Курослеп, увеличенный в миллион раз,
Жжет мои глаза злым — взбесившимся солнцем.

Я ходил между трав
И я видел, как двигались соки под нежную кожицу.

Травы шумели над головой —
И это была буря,
Которой я не ощущал,
И не ощущал потому лишь,
Что сам был частицей ее!

В чашечку незабудки
Я мог бы сложить мой багаж —
Все наследие предков:
Все, что вычитал в книгах,
Что собрал по лугам по дорогам,
Все, что спели певцы,
И все то, что осталось невысказанным
Певцами, поэтами, птицами, лесом,
Лугами, долинами, полем и небом;
Все, чем владею, и все,
Что не будет моим никогда!

Это был мир,
В котором мне было просторно,
В котором я не был чахоточным карликом,
Несущим в груди
Все, присущее дряблему роду двуногих.
В каплю росы
Я входил, словно в зал,
Переполненный солнцем.

Я трубил на заре
В коленчатый стебель былинки,
И огромная тля травяная
Смотрела на меня
Огромным, удивленным взглядом...

Однажды, когда я
Пересекал лес лютиков,
Мне на голову
Упал огромный
Сверкающий солнечный шар
И рассыпался золотом...

И долго
Окрестность сверкала
Осколками солнца, —
Искорками пылинок лютика,
Задетого крылом шмеля.

Май — август — октябрь 1935, Мариинск

* * *

Я ни разу не видел моря,
А тем более — цветущего парусами,
Распустившегося полотнищами парусов —
Лепестки лилий, срезанные наискосок...
Цветок отрывается и летит
И где-то за темно-синей линией горизонта
Превращается в чайку...
Чайка летит обратно и синева —
становится лодкой.

Если же паруса не белые,
А лиловые или оранжевые,
Бордовые, золотистые или фиалковые —

Они становятся бабочками...
Тысячи разнокрылых —
Алых, лиловых, оранжевых,
Серебристых, фиалковых...
Трепещущие — летят в бесконечность,
Горя, переливаясь, тая
В золотисто-прозрачной
Искристой синеве...

1937

ОТПЛЫТИЕ

*Жизнь моя как-то раздвоилась, или как будто мне
дали две жизни, отвели квартиру в двух мирах.*

И.А. Гончаров

I

От юности остались пыль и дым,
Гербарий вёсен, семена арбузов,
Тетрадей связки — шальные следы
Заносчивой приятельницы музыки;
Бесценный мусор книжек записных,
Куски мелодий песен запоздалых,
По-детски зарифмованные сны,
Обрывки зорь, полуночей и алых
Закатов отцветающей весны!..

Все это упакую в чемодан,
Покрытый просмолённой парусиной,
Незыблемый, — наперекор годам,
Непромокаемый и, может, некрасивый,
Но в нем, как в сейфе, память бережет,
Что не истлело под открытым небом,

Что согревает, мучает и жжет,
Что стало больше, чем насущным хлебом, —
И на корабль!..

Крепите паруса! —
Я в плаванье — вдоль памяти просторной!
Пушкой кипят лирические волны,
Пусть новых песен крепнут голоса!..

II

Море!..
И.А. Гончаров

В лицо ударил ветер молодой
Прозрачным воздухом крылатых песнопений
И разливанной розовой водой,
Клокочущей в кудрявой белой пене,
За горизонт раскинувшей края...
Сверкает море — молодость моя!

Встают вдоль побережья отраженья
Полей и рощ — цветенье детских лет,
Растущих сил капризное брожение
И счастья ясного неизреченный след!

Гори, гори, сиятельная юность,
Ты нежной памяти любимое дитя!
Пусть мачты в три погубели согнулись, —
Мы всё с тобой переживем шутя!

1938

ПРОЛИВ ДЕТСТВА

I

*Это не слегка сверху окрашенная вода,
а густая, яхонтовая масса, одинаково синяя
на солнце и в тени...*

И.А. Гончаров

Его никто не величает необъятным,
Его кроют, как бога по себе!
Как листья осенью, оранжевые пятна
Разостланы по звонкой синеве!..

От солнца резь в глазах, — прищур зрачков трепещущ,
С утра в бегах — на дальних островах, —
Где всё фантастика, — буруны блещут, плещут,
И оглушает шепотом трава...

На розовом песке разостланные сети
Переплелись с игрой лучей и трав,
И рыбы засветло, как звезды, в море светят,
И волны солонь, и соль остра!

Не зная тяжести стесняющего платья,
Учась у рыб держаться под водой,
Бросались взапуски в лиловые объятия,
Что открывал нам молодой прибор!..

Но время за полдень!.. Рассыпчатым горошком
К костру скатившись, горды новизной,
Хрустя и чавкая, печеною картошкой
Мы утоляли голод неземной!..

Потом опять купаться, — до вечерен плавать,
Бортами сердца чёрпать свежесть вод:
Плескаться и нырять, и погружаться в алый
Горячий, сумеречный небосвод!..

Ночь — смесь: блеск золота и сумрак синий, синий
И... тишина — основа всех основ!..
Огромная луна — серебряной корзиной —
Полным-полна гостинцев, слез и снов...

II

*Будто у этой ночи есть свое темное, невидимо
греющее солнце...*

И.А. Гончаров

Ты спишь — щенок щенком, — уткнувши нос
в ладошки,
Прижмутив взгляда омут голубой...
Ты спишь и видишь: за ночным окошком
К большой луне, мурлыча словно кошка,
Разнежась, ластится недремлющий прибой...

Вдоль побережья трав безбрежное кипенье,
Ласкающее спящие зрачки, —
В них, будто в море, мира отраженье
Плывет торжественно... задвижки и крючки
Не в силах воспретить ему плескаться в спальне,
Запорам не смирить неукротимый бег, —
Сквозь камень стен, сквозь древесину ставней
Оно проникло в комнату к тебе!
Тебя невидимо ночное солнце греет —
На лбу солоноватая роса...
И шумный мир не для тебя стареет;
Ты дышишь глубже, чище и острее,
Ты видишь белые, как сахар, паруса,
Ты твердою ногой на палубу ступаешь,
Ты бродишь в зарослях, ты покоряешь мир;
Старуха жизнь, на радости скупая,
С тобой щедра, боец и командир!
Я вижу, ты осёдливаешь ветер, —

Он крутится, виляя и юля,
Но он тебе и лучший друг на свете,
Он ветер времени, — у ног твоих земля!

Ты мне не сын, ты мне чужой ребенок,
Я имени не знаю твоего,
Но голос твой знаком, он золотист и звонок, —
Нежней, пожалуй, солнца самого!
Ты мне не сын, но чувствую, как дышишь, —
Чужого счастья любимая слеза, —
Я не встречал тебя и имени не слышал,
Но снам твоим заглядывал в глаза!
Я знаю, что лицом ты в наше время вышел,
Что не рожден ты для обид и бед,
И что для матери нет в мире счастья выше,
Чем заглянуть в твой розовый расцвет,
Наполненный весенним жарким соком,
Что в мире выше нет звезды твоей высокой!..

С реальностью такое детство в ссоре, —
Мне скажут, — влаги розовой стакан!..
Но я ж не говорил, что детство — это море, —
Оно лишь только путь в просторный океан!..

СЕМЬ СЕРЕНАД

*Яко денница пред светом,
Яко заря пред солнцем...
Летописец Нестор*

ВСТУПЛЕНИЕ

Когда настанет день и час,
Пробьет любовь отбой,
Я выйду с громом на плечах
И следом за тобой!..
Я буду следовать по всем
Проселкам и тропам,
По вымытым дождем шоссе,
Как верный твой драбант!

Замрет команда, прозвучав:
Любить и целовать!
Не обнажив удар меча,
Я обнажу слова. —
Я встану горла поперек,
Как самый звучный хрип,
Такой, какого не берет
Ни взрыв чумы, ни грипп!..
И ты, перешагнувши боль,
Не отклонив плеча,
Заставишь барабанный бой
Канцоною звучать...

СЕРЕНАДА ПЕРВАЯ

(романтическая)

*И будешь ты царицей мира,
Подруга вечная моя!..*

Лермонтов

Ты будешь жить в ночной глуши,
В плену и под замком, —
Так привыкай и не туши
Ласкающих зрачков.
Ты будешь пленницей моей,
И сохнуть, как трава,
Не будет светом фонарей
Тебе мешать Арбат!
Моя любовь тебя доймет
И сделает бледней,
Чем это звонкое тканье
Первых декабрьских дней...
Дни страсти будут тяжелы,
А ночи оттого
В моих покоях нежилых
Будут полны тобой;
Когда же сумерки синеть
Начнут, любви таясь,
Ты будешь песнею моей,
О, милая моя!..

СЕРЕНАДА ВТОРАЯ

(сентиментальная)

*Под душистою веткой сирени
Мы сидели с тобою вдвоем...*

Романс

Опасаясь выступлений
Беззастенчивой луны,
Мчится ветер вдоль сирени
С грузом пухлой тишины...
Подготовленная встреча
Обожгла как в первый раз —
Друг, расплываться нечем
За прохладу ваших глаз!..
Тонкий пламень незабудок,
Осенив небес откос,
Мерно скатываясь к пруду,
Оттеняет темень кос...
Тонок вод прозрачный звон
Под навесом плавным клена...
Ах! как нежен неба склон,
Вашим вздохом окрыленный!

СЕРЕНАДА ТРЕТЬЯ

(патетическая)

*Звезда любви золотая
Взошла на небеса.*

А.С. Пушкин

Взойди возлюбленной звездой,
Пересекая площадь,
На цементовый небосвод
Густой московской ночи,
Чтоб каплей ветреной росы
На лаковом носке —
Очарованный застыл
В твоём величьи сквер!..
Взойди, — с моих открытых губ
Сиянье потечет,
Лишь вспыхнет на сухом снегу
Точеный каблучок...

Я отрешаюсь от тоски
За первенство гореть,
Но выше, выше, выше вскинь
Лучи твоих бровей!..

СЕРЕНАДА ЧЕТВЕРТАЯ

(сельская)

*Абажаю я слегка
Машеньку голубку, —
У портного из Торжка
Заказал ей юбку...*

Частушка

Зазвенели пятаки
Милой на подсолнушки!..
Зубки резче остроги,
Блещущей на солнышке!
Любимая, — лучше нет, —
Юбка шелком строчена, —
Куплено в Лотошине,
Три рубля за метр заплочено!
Зубы — сахар, губы — мед, —
Не пристало кукситься, —
Слышишь, милая поет
На лугу, за кузницей?

Вечно бы не закрываться
Глазкам ее —
Сквозь рубашку рвется грудь
Шелковая, ласковая...

СЕРЕНАДА ПЯТАЯ

(лирическая)

Собачка верная моя

Залает у ворот...

Лорд Байрон

Пересекая вечер вброд,
Нездешним заревом пылаю...
Встречает сумрак у ворот,
Приветствуя домашним лаем...
Треплю приятельской рукой
Его густую шерсть, —
Ты спрашиваешь: — Дорогой,
Ужели ровно шесть?..
Но вот я за дверной чертой,
Моей любви оплот,
И поглощаю полным ртом
Уют твой и тепло...
Густою ставши точно шаль
(О ней еще поют!),
Ты проплываешь не дыша
Сквозь занавесей кисею...
И только шлейф твоей души,
Свернувшийся в комок,
Восторг тревожный притушив, —
Цепляет за комод...

СЕРЕНАДА ШЕСТАЯ

(скромная)

*Не для меня,
не для меня!..
Романс*

Цветочной опылен пылью
Заката дымный трен, —
Твое высокое крыльцо
Не для моих колен!..
И эта песенка не та ж,
Что пелася другим,
Всходил я на седьмой этаж,
Но не бродил под ним...
И сердце мимо проплыло
У самых возле стен, —
Высок для вздохов потолок,
Для сна низка постель...

СЕРЕНАДА СЕДЬМАЯ (галантерейная)

*Как завиху черноокою,
Все товары разложу...
Н.А. Некрасов*

Стая легких междометий
Плавню взмыла в облака!..
Ты у сердца на примете
От виска до каблука!..
Выйди, точно на показ,
Из застенчивой сирени,
Весь лирический багаж
Разложу для обозрений, —
Шелк мечтательности — на!
Бархат нежности — в отделку!
Тонких вздохов по стенам
Рассыпаю бисер мелкий...
Не смутить чтоб — удаляюсь,
Удаляюсь и пою,
Взглядов ласковый стеклярус
Нанизав на грудь твою!..

СЕРЕНАДА ВОСЬМАЯ

(единственная)

*Ми велерець в белопеве!
Надпись на статуе Аполлона*

Высокой прелести ручей
Скользит в твоих глазах,
И ниспадает на плечо
Хрустальный взмах косы.
Ложится, ластясь, на откос
Твоя густая тень,
Лучи восторженно гася
Трепещущего полдня!
Ты как весна о трех сердцах,
Вздымаясь до небес,
Роняешь изумленный блеск
На иглы звонких кварцев...
Ты застилаешь горизонт
Просторной тьмой ресниц,
Ты плещешь розовой росой,
Ты требуешь: «Взгляни
На все, что движется окрест,
На все, что мной живет,
На звезд рассыпанную горсть,
На неба голубую жечь...»

А вечером, всего таясь, —
Сиятельней твоя краса...
Впадает солнце в океан,
И я — в твои глаза!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(рассвет)

Горизонт пахуч и свеж.
Приподнявшись с мостовой,
Словно ситный — режь и ешь —
Запивая синевою!..
Восемь лунных серенад
Ночь сыграла мне в ответ,
Во весь рост на стременах
Подымается рассвет!..
Восемь лунных небылиц
Я выслушивал, пока
Стадом белых кобылиц
Пролетели облака...
Чтоб обрезать поводка
Обаятельному пенью,
Я прощаюсь навсегда
С романтической тенью. —

Впредь я занят на сто лет!
Настежь растворяю стены —
Предо мною на столе
Дня малиновая пена!..

1927-1928

ЛИРИЧЕСКИЕ ЗАПИСОЧКИ

* * *

Не за себя прошу, — за́ ночь,
Ей душно без твоего голоса,
Как без глаз!..
Ведь ты должна знать,
Ты знаешь,
Как она прислушивается к бегущей
С ветвей, с волос твоих
Влажной соловьиной песне...

Клен, вяз, ясень, граб —
Охраняют ближайшую тишину,
Ольха в стороне, чтоб гуще
Стояла тень, чтобы ясней
Было твое дорогое отсутствие...

Милая, как не понять,
На память
Звучат твои слова,
Важные, нежные теплотой, —
Обойденные целую
Вечностью: Постой,
Дай поцелую...

* * *

В версте от твоих губ
Меня перегнал ветер, —
В версте от твоих рук —
ночь,
За версту от твоих глаз жгут
Тихие огоньки веток...

Ласковая ночь. Темно.
Каково-то одной,
Милая? Стерегут
Отовсюду душистые шорохи
Ночных бабочек,
Впархивающих в окно шепотом.

С того, полагаю, — не даром
В густой тишине, в поточном
Безмолвии возникает угаром
Разорванный ряд ассоциаций...

Чтобы не спать, осыпаться
Строка за строкой —
Крылышками стрекоз,
Пыльцой мотыльков на белую скатерть террасы,
Чтобы утром, пока еще бестолков
От бессонницы — первым приветствовать тебя:
Здравствуй!

* * *

Не велика птица,
Да о твой коготок
Оцарапал сердце...
Вот и поныне не спится,
Снится твой шелковый поток,
Твои ресницы...

Я знаю: обо мне вспоминает весна,
Грустят дубы,
Тоскует сосна,
Реки...
А я насвистываю, — дабы
Забывать, — в кои-то веки
Встречающиеся
твои губы...

* * *

Слушай-ка, ты, — девочка, мне хочется тебе сказать,
Именно тебе, у которой глаза
Нарастёжь: Знаешь ли ты,
Как приятно, прочно стоять на земле,
Крепко покаясь на четырех ногах,
Переступать ими — расчетливо, не наугад,
Как по палубе, по плавно плывущей земле?

А знаешь, здорово было бы, еще вернее,
Прочнее, опираясь о всемирное дно —
О спину кита, стоять с тобой рядом.

* * *

Трепетный малинник — заря,
Теплый влажный рассвет,
Пышная пена облаков,
Сдобренная слегка
Загаром цветущего подсолнечника —
Вот и все!..

При этих-то обстоятельствах
И было сказано: До свиданья!
То есть — прощай, любимый мой,
Жив будешь — не пиши,
Умрешь — вспоминать буду!
Именно так, а не иначе
Навёртывался и ответ...
Сморгнул, смолчал,
Приберег на эпитафию...
Теперь полюбуйся!
Несмотря на кажущуюся неактуальность,
Он жив, как мы с тобой,
Как бьющееся о карниз соловьиное щелканье!
Трехсаженной волной
Клокочет в горле,
Поет: Чтоб те пусто было, любимая!

ТРЕБНИК АТЕИСТА

*Отверзу уста моя,
И наполнятся духа,
И слово отрыгну Царице Матери.*

Иван Дамаскин

*Нам не распятый в небосклонах
Бог! Не свастика, не чалма:
Замирает наш стон в поклонах,
Венера, у твоего холма!*

Иван Аксенов

*Мир праху моему у твоих ног,
Сердцу моему в твоих руках!*

Иван Пулькин

I

Снова, отрываясь на́ильно,
Ухожу в ночь.

Воздух горчайшим па́сленом
Саднит горло.

Снова на́век, на трое суток,
Один как перст.

Прислушиваюсь чутко
К шагам в переулке.

*

Жизнь моя, кровь моя!
Всё в одном имени:
Вера, Надежда, Любовь!..
Время седым инеем
Холодит приподнятую бровь...

Одна любовь — одна жизнь —
Один свет светлый — одна ты, —
Одно сердце за тебя дрожит,
Обрываясь с песенной высоты...

*

Взглядом звеня в твоё окно,
Говорю через жизнь, измену, любовь, века:
Мир праху моему у твоих ног,
Сердцу моему в твоих руках!

17-18/IV 1930

II

Через окно — в форточку:
В сад, в тишину, в звезды, в ночь,
В твои объятия, как в омут!

Не поминай лихом,
Москва!
Из столицы — на воздух,
Сердце из груди — на воздух,
Из комнаты — в ночь, в сад, в звезды,
В душистый горошек, в завитой дождь,
В очумелую перебранку птиц с зеленью!

Один на один с собой —
С глазу на глаз с любимой...
Как небо над головой — одна,
Как смерть на всю жизнь — одна,
Как сердце!..

Весь до дна,
Нáчисто —

В глазах — в небе,
На сердце!
Снова и снова в зелени душевной
В руки твои предаю дух мой!

25-26/IV 1930

III

Тихо-тихо приближаются небеса
(Это твои глаза!),
Тихо-тихо опускаются твои руки,
Тихо-тихо опускаюсь я
На бледное побережье трав,
В лепет полуденного ручья...
Еще день — около тебя,
Еще час — с тобой рядом,
Еще мгновенье — у твоих губ...

*

Двадцать пять километров воздуха,
Миллионы гектаров небес,
Ночь, закрытая со всех сторон от посторонних
взглядов,
Сад, прущий в открытую форточку,
Сердце, бьющее тысячу ударов в секунду, —
Все это было, я этого не выдумывал,
Этого никто не посмеет оспаривать!
Значит, есть ты — живешь, дышишь, смотришь
На этот лес, слушаешь этот ручей,
Значит, любишь!
Значит, простирая руки, взываю:
Да будет воля твоя,
Ныне, присно, и впредь,
Дондеже не поставишь предела, —

Твоей груди
чающим движенья
Вод, еже блаженные напоят!

Короче: под твой покров склоняюсь в самозабвеньи,
Чтоб отдохнуть: от сердца, от стихов, от вдохновенья!

V

Должен оговориться:
Как говорится,
Доказано документально —
В лирическом забытии
Забыл о трансцендентальном
Небытии.
Что уж, куда уж, где уж...
Стосковался по теплomu запаху девушки,
По сытному уюту плеч, груди, бедер,
По теплу, что из души в душу
Льется непосредственно, беря за душу,
За сердце,
Будто за уши...
Вроде
Как и не касаясь прочих органов.

Как же не проговориться, как же тут
Не покаяться
В том, что и сердце-то спотыкается,
Хотя оно и не конь, что о четырех ногах...

Лежит она в объятьях,
Что в облаках — тепла, светла и нага —
Очищенная от греха и от платья
Святейшим сердцебиеньем,
Усталая после грехопаденья

(Так ведь, кажется, квалифицируется
любовь святыми отцами!).
К ее-то очистительному лону склоняюсь нежно,
Ибо чиста она, светла, бела, неизбежна,
Неопровержима, необходима, бесценна,
Как единственная абсолютная ценность...
Загаром обожжена!
Посему возглашаю пространно и высоко:
Благословенна ты в женах,
Ныне и присно и вовеки веков.

1-2/X 1930

VI

Я еще не говорил о том,
В припадке самозабвенья,
О том, как робко снижается тон
При одном твоём приближеньи;
О том, как, очи возведя горé,
От робости чуть дыша,
Густую медь звонарей
Заглуша, возглашал:
— Да не яростию твоею облечёшь меня,
Нижé гневом твоим накажешь меня!

Мирно текут мои дни
С голубых небесных верхов,
И не за что меня небесам казнить,
Ибо не грешен я ни одним
Из смертных семи грехов:
Я не сравнивал тебя с лилией,
Не обзывал розой,
Не величал лебедью,
Не оплетал сетью

Метафор и тропов,
Не сулил тебе горы золота
Азии и Европы;
Я просто считал тебя женщиной
И любил
По мере возможностей сердца моего
И моих сил.

Ты для меня была —
Сила моя и слава,
Обетовáние и похвала,
И крепкая моя держава,
И вовсе не одой текло
С хребта моего поклона:
Трижды благословен плод
Твоего благословенного лона.

VII

Упокой, господи, тело раба твоего,
Да и душу тоже, в сладчайших
Изо всех, что знаю, объятьях!..
Об остальных и забыть не грех.

Многие, бродя по миру
За выслугой чинов и лет,
Отошли в лоно твое, то есть померли,
Шумный оставив свет..
Многие меня забыли,
Да и я-то их помню едва-едва —
Расплылись их лица в двадцатипятилетней пыли,
А то ведь и воспоминаний некуда девать!
Пусть одним земля будет пухом,
Более нежным, чем мое вниманье,
Пусть соловей над их ирреальным ухом

РОМАНСЫ И ЭЛЕГИИ

* * *

Когда-то друг друга любили,
Должно быть, мы с тобой, —
Мы молодыми были
Под веселой луной...

Как на волнах качались,
Ласковую ведя игру,
И наши сердца встречались
Словно в бою — грудь на грудь!

Потом мы перестали встречаться, —
Должно быть, пришла пора, —
И незачем стало сердцам стучаться
Друг к другу по вечерам...

Но мы еще встретимся однажды,
Без горечи в крови,
Без сухости во рту, без жажды
Мучительной любви...

Мы не будем ни петь, ни плакать,
Ни играть огоньками глаз, —
Мы просто будем калякать
И вспоминать про нас:

Мы, мол, были моложе, чем звезды
Над нашей головой,
И теперь уже, пожалуй, поздно
Расстраиваться нам с тобой!

Мы будем без ревности и без подозренья
Друг другу в глаза глядеть,
Будем пить чай с вареньем
И от чаю потеть...

Потом мы попросаемся, и каждый
Ляжет в свою кровать
Без ослепительной жажды
Друг друга поцеловать!

1933

* * *

Грач усаживается на сосну,
Вдохновенный и крылатый,
Дворник делает весну
Из проталинок и из лопаты;
Он высасывает ее как из пальца —
Из рукоятки метлы,
И скачут солнечные зайцы —
Мохнатые — влажны и теплы;
Они бегут по дорогам,
Вперегонки с водой,
Облизываясь на недотрогу
Почку — березы молодой...
Все солнечней и все теплей
Грачей боевые клики.
На радужном стекле апрель
Рассаживает гущу бликов...

А март, отходя ко сну,
Усаживается на сосну...

Апрель-май 1933, Москва – Перловка

* * *

По проводам бежит огонь,
Течет по жилам кровь, —
Догонь ее, догонь, догонь
Бегущую любовь!

Верни, верни ее назад,
Даже из-за ста лет,
Чтобы хоть раз взглянуть в глаза —
В любимый карий свет...

Иначе небо загрузит,
Замолкнет песня, спета...
И небу уж не обрасти
Пушистым синим светом...

* * *

Ночь окрашена милой,
И тиха и ясна,
Плещет веточкой длинной
Молодая весна;

Пышные ее вершины
Шумят сквозь ночь и мглу,
Заращивает плешины
Отдохнувший за зиму луг...

К рассвету холодеет
Горячая печаль,
И сердце мое молодеет
Не по дням — по ночам...

Апрель 1933, Москва – Перловка

* * *

Февраль. Неба хрустящий асбест
Поблескивает меж кленов...
О, сколь возвышенно словопренье звезд
И сколь низменно лепетанье влюбленных!

И я, проходя мимо,
Вслушиваюсь, потакая, —
Она говорит:
 — Любимый!..
Он отвечает:
 — Сама такая!..

II 1932, Перловка

* * *

Плывет веселая луна,
Дрожит речная гладь, —
У берега на валунах
Искорки бегают и блестят...

Качается небесный свод,
Пасутся рыб стада;
В ласковый водоворот
Заманивает вода...

Как ночь густая тишина
Осела на поля...
Кругла, любовна и нежна —
Летит вперед земля...

Июль 1933, Шишково

* * *

Выпущенную ветром праздным
Мысль повторяют все за ним:
Этот, мол, красочный и разнообразный
Мир смертному незаменим!

А мне — одним-одна картина:
У синей осени в очах
Стоит красотка Прозерпина
С улыбкой черной на плечах...

Она берет меня то справа, то слева,
Прямо за грудки
Красой и горечью напева
За упокой моей души...

Ей сын мой уведён из зыбки —
Древесная пуста кровать,
Мой дом без дорогой улыбки
Стал тих, как мел, мертв, как трава!..

А вот и море мне не пишет,
Не радуется, шумя волной,
И море, словно сын, не дышит,
Покрыто тенью голубой!..

ДИКИЕ ПЕСНИ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Я тысячу ночей не спал,
Я тысячу дней дня не видал,
Не видел ни солнца, ни дня, —
Я дикие песни мои распевал,
Песни мои про тебя и меня.

Когда ты пойдешь сквозь песни эти, —
Словно лесом большой дорогой,
К тебе будут наклоняться ветви,
Чтоб тихонько тебя потрогать.

Слушай, когда ты сквозь эти песни пойдешь,
Влажную поляну пересекая,
На тебя ласково упадет дождь,
Нежно тебя обтекая.

Когда ты пойдешь сквозь песни мои,
Большая и ласковая такая,
Тебе под ноги побегут ручьи
И будут звенеть, словно песни, не умолкая.

Но когда ты презрительно или свысока
Рукой отведешь их струйки-звуки,
На тебя глянет моя тоска
Большими глазами муки!

Боготол, 1934

ВСТУПЛЕНИЕ

О, как давно я не пил за белую скатертью чаю,
Как давно мой каблук не стучал об асфальт и торец,
И песни мои дичают,
И я дичаю, их веселый отец.

Где слова мои — быстрые рыбки,
Пересекавшие звонкий поток, —
Возьмешь книгу и прошлогодней улыбки
Найдешь засушенный на память цветок.

Он ласково твой взор повстречает
И тихонько запоеет,
И ты увидишь, как песни мои дичают
И как дичает сердце мое.

Возьми и перелистай, если можешь,
Эти засушенные цветы,
И ты найдешь под их мертвой кожей
Живые сны мои и мечты.

Боготол, 1934

* * *

Дело было к весне,
Накануне мая,
Шел, как полагается, снег —
По улице пыль подымая.

И я тишины тише,
Той, что, грустя, поет,
Прислушивался, как бьется выше
Веселое сердце мое.

Шел снег в густой оправе
Филигранного серебра,
Я думал: а разве вправе
Сердце вырваться из-под ребра?

Разве вправе оно на свободу
Проситься, памятуя о том,
Что, как воду, горячий воздух
Ловлю обгоревшим ртом?

Воздух обжигал губы,
Как и всякому, кто поет,
И шло постепенно на убыль
Веселое сердце мое.

Конец апреля 1934, Мариинск

* * *

Над моей головой
Стынет синий лед,
А под ним молодой
Жаворонок поет...

Он вплетается в провода
Тихим своим голоском,
Он струится, словно вода,
С огненных волосков

Звонкого луча
В зенит...
А знаешь, это моя печаль
В небе барахтается и звенит...

Май 1934, дорога из Калининска в Мариинск

* * *

Милые, как-то все вы
Живете там, где гудит Москва?

Утки летят на север,
Гуси летят на север,
И журавли — на север,
Меня лишь тянет на запад — к вам!..

Боготол, 1934

Город съеден травой, —
Зеленым, влажным огнем,
Солнца зрачок слепой
Заволокло сединой...

Мне холодно, мне тоска,
Мне нужен уверенный под ногой камень
Или нежно-мягкий асфальт,
Выглаженный человеческими ступнями.

Нужна нежная твоя рука,
Баюкающая мои веки,
Всепоглощающая сила твоего зрачка,
Вобравшая меня навеки.

И ты приходишь ко мне во сне,
Тронешь холодный висок...
Вот ты наклоняешься ко мне,
Обжигая дыханьем щек...

Ласково шелестя
Веточкой тихих слов,
Ты навеваешь на меня
Почти что детский сон...

Почти что детское сердцебиенье
Нежно качает кровь,
И тогда лирическое самозабвенье
Опускается на мое окно.

Опускается тишина по лучу
Взгляда твоего такая,
Что ревность склоняется к моему плечу
И временно засыпает.

Мариинск, 1934

* * *

Мое пожилое несчастье
Не спит по ночам, —
Оно бродит по городу,
Немного прихрамывая и спотыкаясь.

Оно обнюхивает чужие пороги,
Заглядывает в чужие окна —
От чужих порогов
Пахнет холодом и одиночеством.

За чужими окнами —
Чужое счастье,
Подверженное чахотке
И обнищавшее...

И я не нахожу ни одного следа
Единственно милой,
Единственно нужной —
Нежной твоей ступни.

Мне холодно, мне неуютно, —
Я недоволен:
Небо подвешено здесь
Слишком высоко и недоступно,

Горы поставлены криво,
А леса убежали далёко —
Одни на восток,
А другие на север.

Здесь нет любимых цветов,
Кроме обидно желтых,
А трава —
Неуютно жесткая.

И мне холодно,
Мне
не уютно...

Мариинск, 1934

* * *

Когда над городом взойдет заря
И сады поникнут, намокнув,
Моя пожилая тоска
Стучится в чужие окна...

Она бродит, качаясь,
Опираясь на подожок, —
Стукнет: — не отвечают?
Стукнет — и подождет...

Она отойдет и встанет
Наискось, невдалеке, —
Но прижмурены хмуρο ставни
И двери на крюке...

А где-то скупой уют
Живет, пережив беду,
И на задворках где-то поют
И любовные речи ведут...

Луной залиты холм и дол,
Луч зари сквозь деревья сочится,
И только я — одинокий волк
Грущу о моей волчице.

1935

* * *

Оно живет по-птичьи —
Счастье мое,
То соловьем свищет,
То петухом поет...

То вдруг, взмахнув крылами,
Слезой затуманив взор,
Скроется за горами,
За каменным поясом гор.

И вот в лощине впалой
Пью терпкой разлуки йод...
Медленно и устало
Бьется сердце мое.

1935

Лес под осень обдряб и замок,
Соловей посвистал, посвистал и замолк,
Только галочий гомон висит в вышине,
Да лещи проплывают рекой в тишине;
Молчаливая рыба карась
От безделья на самое дно подалась,
В сей забытой навеки глуши
Чая отдых найти для бессмертной души...

Словом, в мире покой и порядок.
Люди свозят домой бураки с огорода
и прочие овощи с грядок.
Намолולי колхозы муки на оладьи,
на хлеб, на блины;
Дни утратили четверть своей непомерной длины,
Дни совсем посерели и стали короче;
На вершине осины усевшись, ворона пророчит,
Что, мол, будут дожди и опять, и опять, и опять, —
Значит, осень пришла, и медведи готовятся спать...
Только я, желторотый птенец,
Не умею, как птицы, замолкнуть вконец, —
Оттого ль, что тоскуется очень,
Я сажу и пощелкиваю между прочим.

Октябрь 1934

НОЧЬ 2-3 ФЕВРАЛЯ 1934 ГОДА

Я пил эту ночь по глотку, осторожно и бережно,
Как самую ценную влагу, как твой поцелуй на рассвете...
Прислуживал месяц спокойно, холодный и вежливый,
И нет никого собеседников, будто один я на свете.

И не с кем о песне поспорить иль горем померяться,
Настой тишины необычен и вкус непревзойденно горек!..
Ночь режется надвое острым косым полумесяцем,
И камеру всклень заполняет мое одинокое горе.

Июнь 1935, Мариинск

* * *

Муза, бросим валять дурака,
Отзвенел ветер юности в поле,
Песня манит издалека,
Песня в горле першит, но не боле.
Песня сном будоражит в ночи,
Я встаю, вдохновением болен,
Песня ястребом в небе кричит,
Но ведь это болезнь, и не боле.
Но однажды жизнь станет прозрачно-легка,
Горлом хлынут потоки неведомой боли,
Муза, бросим валять дурака,
Это только ведь смерть...
и не боле!

Июнь 1935, Мариинск

* * *

Вот так откроют сиплый кран —
Смочить платок,
А хлынет жизнь, и — через край —
Хлебай, браток!

Пойдешь в поля: роскошно и богато
Стоят хлеба,
А у тебя потери и утраты, —
Ну что ж, хлебай!

Начнешь подсчет утрат, потерь, обид —
Сплошной поток!
Уж от подсчетов голова болит,
А где ж итог?

Не перечесть утрат, потерь и слез, —
Уж день погас...
Я ими словно бородой оброс
До самых глаз!

Октябрь 1934, Мариинск

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ

I

Любимая ложится спать,
Ей ночь стлала постель.
Любимая ложится спать,
И лень луне блеснуть...

Чуть светит бледный луч, дрожа,
Колеблем, тонок, кос...
Вот-вот, за тучку забежав,
Луна покинет пост...

Не стоит землю освещать,
И надобности нет, —
Любимая ложится спать —
Зачем же лунный свет?..

Август 1937. Паулино

II

Спокойной ночи... Ночь... Темно...
Луны беззвучен шаг, —
Спокойно спит давным-давно
Трава, росой дыша...
Поют чуть слышно... Вдалеке,
Замедлив звонкий бег,
Чуть плещут волны на реке,
Тоскуя о тебе...

Спокойной ночи... Ночь давно...
У звезд далекий путь...
Печаль заволокла окно,
И не могу уснуть...
Сочатся звезды сквозь ветвей,
По капле, словно мед...
Крылья над головой твоей,
Мой тихий стих поет...

Спокойной ночи! Лес шумит...
Слегка плеща волной,
Река безмолвная лежит
Под ласковой луной...
Спокойной ночи... В шелест трав
Повита ночь твоя,
Спокойной ночи... До утра
Спи, милая моя...

Август 1937 Паулино

III

Спи спокойно, дорогая,
Наступает тихо ночь,
Полумесяц, догорая,
Уплывает плавно прочь;
Уплывает полумесяц, —
В палисаднике темно, —
Дремлют ветки вишен, свесясь
На затухшее окно...

Спи, любимая, погода
Начинает холодать, —
Вышли звезды хороводом
Из ворот небес гадать;

Вышли звезды... Много, много...
Пятиалых звезд полно!
У дремучего порога
Стало тихо и темно...

Спи, подруга, ночь на смену
Дню ушедшему спешит,
Млечный путь молочной пеной
В синей плавает тиши...
Тишина вокруг, как в сказках,
Завтра будет солнца пир —
День проснется, тих и ласков,
А пока что — спи!

Август 1937. Паулино

IV

Спи, глазок, спи, другой...
Золотисто-коричневый взгляд дорогой,
Спать пора, спать пора, спать пора...
Вышли звезды гулять со двора...
Полон звезд небосвод голубой, —
Золотистые, яркой собрались гурьбой,
Чтобы ночь была тихой и ясной, как ты...
Звезды вышили в небе большие, большие цветы...
Спи, глазок — золотисто-коричневый взгляд —
Спи, подруга, уснула земля...

Спи, глазок, спи, другой,
Ночь торжественной тихой рукой
Обняла и баюкает мир... Тишина...
Ночь прохладой и влагой прозрачной полна...
На траве золотая роса,
Тихо, тихо плывут небеса,

Сонный лес чуть колышет ветвями,
Облака золотые застыли над нами,
Сонный месяц плывет над рекой...
Спи, глазок...

Спи, — другой...

Август 1937. Паулино

V

Ты спишь, любимая? Пора...
Струится дождь.
Темно... не выйдешь со двора
Струится дождь...

Ни звездочки на небесах —
Струится дождь...
Я ночи поглядел в глаза —
Струится дождь

И больше ничего!.. Темно, —
Струится дождь...
Уж я не помню, как давно
Струится дождь!..

Сентябрь 1937. Паулино

ЗАБАВНЫЕ ПЕСНИ

«Забавно!..»

Любимое восклицание Дельвига

I

Памяти Пушкина

Поэт отщелкал, отсвистал, —
Пришла пора — умолк...
Покинув гордый пьедестал,
Переселился в морг...

Безжизненно плывут слова,
Без смысла, как туман...
Лежишь, и слава в головах
Стоит, как истукан!..

На низком цинковом столе,
Подбив делам итог, —
Ты стал бессмертным на сто лет,
Хрестоматийный бог!

Октябрь 1937

II

Памяти И. Пущина и В. Кюхельбекера

Два друга уезжали
В дáли, в туманы, в муть
И третьему кричали:
Товарищ, не забудь!

Мы, может быть, не вернемся,
Дорога нам далека, —
На братство и на разлуку
Вот тебе наша рука!..

Крепко пожав им руки
И поглядев в глаза:
И в братстве, и в разлуке
Я с вами, — я им сказал...

И путь у нас одинаков —
Зовущая песен медь;
Нам вместе любить и плакать
И вместе о родине петь...

Конец октября 1937

III

Памяти М.Ю. Лермонтова

Обычно короток рассказ:
Искать следы судьбы
Поэт собрался на Кавказ —
Послали — как же быть?

В кибитку сел... В последний раз
Взглянул: — Все тишь да гладь:
Прощай, Россия, на Кавказ
Поеду умирать!

Поэт приехал на Кавказ —
Чирикай, как скворец, —
Недаром подписал приказ
Сердитый царь-отец!

Гляди, — насколько глянет глаз —
(Ну как же не запеть!)
Кругом погибельный Кавказ:
Ущелья, горы, смерть...

Ноябрь 1937

ПОЕТ СОЛОВЕЙ

* * *

На родине просторный лес,
Как он любил меня и как нежил!..
Под большим покровом небес,
В тихом шелесте побережий.

На родине течет река,
Серебряным блестя оскалом,
Прохладная ее рука
Меня ласкала!

На родине — глубокий сад,
Раскинувшийся богато,
Над садом облака крылят,
Знавшие меня когда-то!

И в том саду соловей
Поет на рассвете
О горестной жизни моей,
Попавшей под северный ветер.

Он меня не забудет,
Он будет грустить и петь,
И в песне его будет
Имя мое звенеть!

Он сам меня песням учил,
И в памяти крепко остались
Ночи, когда в черемуховой тиши
Мы песнями перекликались.

15/IX – 21/X 1935, Мариинск

* * *

Ползет поземка, тихая как тать,
Пурге сегодня на ноги не встать,
Не загудеть ей по седым просторам,
Она крадется вдоль забора вором,
Она юлит и ерзает, пыля!..
Насквозь промерзла милая земля...
Звенит полозьями и бьется о копыл
Зимы еще не отгоревший пыл...
Промозглый воздух. Мерзлая вода.
Висит над городом далекая звезда.
Густая тишина. Тяжелый сон
Под паровозным жестким колесом.

6/II 1936

* * *

Лирический ветерок
Причесывает на лету
Опрыснутую апрелем
Весеннюю красоту.
— Позвольте, мы в лучшем виде!
Ишь ты, какая румяная,
Розовая — крепыш!
Такая, какой любимую — спишь
И во сне видишь!

5/V 1939 Москва

ПАМЯТЬ

* * *

Одни скончались в постели —
 Около жены,
Дотащив еле-еле
 Груз ночной тишины;
Другие — на большой дороге,
 Ветру подставив щеку,
Успевши лишь крикнуть: Трогай!
 Задремавшему ямщику;
Третьи умерли просто —
 В сутолоке бытия,
Не добредя до погоста, —
 Так, верно, умру и я...

Осень 1938, Паулино

* * *

Наполовину сед,
Наполовину слеп,
Наполовину глух
Мой обнищавший дух!

Он бродит по миру у горя на виду,
И на свою беду
Я рядом с ним бреду...

А кто является из нас поводырем,
Ни он, ни я в бреду не разберем.

Сентябрь-Ноябрь 1940

МЕЖДУ ПРОЧИМ

*Однажды заходит ко мне Алексей Степаныч
Молчалин и говорит:*

— Нужно, голубчик, погодить...

М. Салтыков-Щедрин

Забавно, что не стал обузой,
А тянется немало лет,
Моя седеющая муза,
Безрадостный наш tête à tête!

Не стоит вспоминать, что было, —
Судьба не баловала нас!
Наш слава адресок забыла,
Забыла и не кажет глаз!..

Лениво маятник качая,
Осенним медленным дождем
Стучат минуты... Мы скучаем...
Сидим, молчим, скучаем, ждем...

Сидим и ждем... Одна утеха:
Позлить сутяг, дельцов и док.
Мы говорим: а нам не к спеху,
Мы можем погодить годок...

Мы можем погодить, покуда
Не истечет весь счет годам,
Авось склероз или простуда
Бессмертие приблизят к нам.

Март 1939, Москва

Ослепла память — ласковая мать,
Не знает — где ей сына отыскать;
Плетется ощупью по улицам и тупикам,
С вопросом тычется к юнцам и старикам:
Не знаете ли вы, где мой ребенок, —
Он взглядом был лучист и голосом был звонок,
Высокой песни был он много выше, —
Я больше голоса его не слышу,
Его тепла не ощущаю я,
Холодной стала милая земля...
Вздыхает память — горестная мать,
Ей нежность больше некуда девать.

1939

МИФЫ

I

Роняет муза слезы
В бассейн одну за другой;
Гнутся тонкие лозы
Серебряною дугой...

Теряют листья клены,
Сизый над лугом дым,
На травах еще зеленых
Осени рыжей следы.

Розовая листва березы
В снежно-белой росе...
Муза роняет слезы
Одну за другой в бассейн.

II

Крылатый бог барахтается в луже
(Не радуйся чужой беде, юнец!), —
Каррарский мрамор от российской стужи
Синеет; парк, ощипанный вконец,
Уже не в силах защитить Эрота, —
Четыре ветра, встав вполоборота,
Остервеневши свищут, — бог озяб...
Бог думает: как холодно, однако, —
Собачья жизнь! Так больше жить нельзя!..
И умирает просто, как собака...

Ноябрь 1937, Москва

* * *

Стучится муза в низкое окно:
— Вставай, поэт, ты спишь давным-давно!
Спросонья музе отвечаю: Баста!
Отщёлкал, отсвистал, отхвастал —
Мне песня, кажется, уже не по плечу,
И, наконец, я просто спать хочу!..

7/V 1939

ТЕБЕ

ПАН

I

Она его спрашивала:

— Ты доволен?

Ты поёшь...

И он отвечал ей:

— Мне хорошо, я доволен, пою...

— А как же ты узнаёшь,

Хорошо мне иль плохо, —

Ведь я не пою никогда!

—

Я слушаю ночь,

И я ее не слышу;

Бабочка ночная, летя на огонь,

Слепо стучится в окно...

О чем же петь?

Не о бабочке ли,

Которую манит пламя?

—

Соснам тихо и сонно.

Трава шуршит.

Падают звезды... —

Я слушаю ночь...

—

Ночь ни слова не скажет,

Как ты не спишь,

А я ведь знаю, что ты не спишь,

Я все равно знаю, что ты не спишь,

Ты ждешь меня.

И я это знаю...

—

Ночь молчит, —

Что она может сказать?!

II

Великий Пан,
Ты бродил с лейтенантом Глан
По тихому ночному лесу, —
Почему ты не хочешь побыть со мной?

Сколько вокруг болот,
И ни одной души!..
Сосны оглохли от сна и тоски, —
Я тоже глохну.

Без тебя мне не найти тропки
Через непролазную топь,
К тому же не поют птицы
И не благоухают цветы.

III

Нет, ты не уйдешь, ты не захлопнешь двери.
Тоска не будет биться до утра
У ног твоих, у твоего порога...
Ты не закроешь дверь, мне некуда идти.

Лес молчалив, он позабыл мой голос,
И пенье птиц не скажет «здравствуй» мне.
Ты не закроешь дверь, ты не пошлешь бродяжить, —
Куда идти, — меня не помнит лес.

IV

Я целовал тебя —
Твою грудь, твои руки —
И мне этого не забыть.

Об этом знает лес...
Знает зеленоглазый
Пан —
 мне не забыть тебя!

V

Мне ничего не скажет
Мой старый приятель лес,
И ни букашка, ни ветка
Не улыбнутся мне.

Какое им дело до сердца
И до моих раздумий, —
Моя Эдварда далёко,
И им непонятна грусть.

VI

Люль, люль!
Звучат колокольчики
Голубые, лиловые...
Сердце тихо вздыхает,
Протягивая к тебе руки, —
Две бледных, тонких руки...

Руки изгнанника дрожат от грусти,
И сердце хлопнуло дверцу,
Чтоб не коснулось дыханье ветра
Памяти о тебе...

VII

Ильза, — Брунгильда, — Эдварда,
Ну что тебе попугай
(Как бы его не звали!),
Говорящий жалкие слова.
Что из того, что он плачет
Тихими песнями по ночам!

Самые яркие перья
Из моего хвоста
Я отдаю тебе.
Я очень тебя прошу:
Не посылай их обратно,
Не надо их возвращать мне!

VIII

Я слушаю на восток...
И молчу...
Я слушаю на запад...
И опять молчу...
Бездонно мое молчанье...
И никого, — только мое молчанье!

Если ты меня ударишь
Иль причинишь мне боль, —
Я поцелую след,
Оставленный твоей ногой,
Я буду любить и нежить
Причиненную тобой боль,
Ибо я буду знать,
Что я еще не один!

Апрель 1936, Мариинск

УПРАЖНЕНИЕ НА ГЛАГОЛ

*Условное наклонение глагола выражает возможность при известных условиях или желательность действия и т.д. Условное наклонение образуется из формы прошедшего времени и частицы **бы** или **б**.*

Когда б я не был сам собой,
Я был бы ветром иль звездой,
Рекою в берегах крутых,
Куда бы приходила ты
Купаться жаркою порой...
Ты б раздевалась под горой,
Потом бросалась бы в меня
С разбегу, будто из огня
Да в полымя, а я любя —
Сумел бы приласкать тебя!..
Я б день и ночь тебя качал
На волнах, словно на плечах,
И плечи нежные твои
Под нежной ласкою струи
Еще б нежней, любимей стали...
Потом, когда бы мы устали,
Когда б зарозовел восток,
Тебя б я вынес на песок,
Песок неповторимо чистый,
Похрустывающий, золотистый,
И здесь бы лег у ног твоих,
Как вышедший из сердца стих,
Как на смерть истомленный зверь,
Как это делаю...
теперь!..

1938

* * *

Я обошел весь лес,
Я обыскал полянки,
Любимые тобой и солнцем...
И, представь себе, я не встретил
Там ни тебя, ни солнца...
Я решил, что солнце зашло за тучу,
А ты, вероятно, дома,
Лежишь себе и читаешь
Или ждешь меня за столом...

Дул ветер неторопливо,
Шумели вершины сосен,
Бежала пыль по дороге,
И плыли медленно облака...

Дома открыты окна,
Дверь на замке беззубом,
В комнате беспорядок
И тусклая тишина.
На столе сердитые книги,
Молчаливые, как покойник,
Листочки бумаги, спички,
Недокуренная папираса
В пепельнице лежит;
В кувшине букет засохший,
В углу обожженная палка,
Похожая на собаку,
И ходит из угла в угол
Сосредоточенная печаль...

1937

Обидчиво похрустывал песок...
Какая масса горьких оскорблений:
Прошлись колеса грузной колымаги,
И протянулись шрамы-колеи;
Прошел угрюмый грязный нелюдим,
Прошел и плюнул и растер тяжелым
Подкованным гвоздями сапогом;
Мальчишка высморкался, пальцами прищелкнув,
И на песок швырнул густой шлепок мокроты...
Песчаная проезжая дорога...
Следы обид, ожогов, оскорблений...

Так я горя-горю от горечи сердечной:
Как на песке следы колес тяжелых,
На сердце незакрывшиеся шрамы,
От слов, как от ожогов, кожа
В болезненных нарывах волдырей,
И полные глаза плевков прохожих и проезжих...
И вот еще рубец: за редкой кромкой сосен
Ты скрылась, не взглянув, не бросив: до свиданья! —
Не оглянулась...

 Потерпи немного,
Быть может, дождь пройдет и смоев колеи,
Промоев незакрывшиеся шрамы
И освежит ожогов пузыри...
Вот так, махнув рукой, уйдешь, не оглянувшись,
Прости-прощай. — И даль тебя закроет...
Останется одно: угрюмый собеседник,
Давнишний спутник боли и обид, —
Товарищ одиночества, который
Готов со мной делить и скуку и вино...
Песчаная проезжая дорога.
Следы обид и горьких оскорблений.

Август 1939, Паулино

* * *

Дай на прощанье поцелую в лоб,
Чтоб грустью память не томила,
Чтоб все забылось, все прошло,
Прошедшее чтоб стало милым,
 Дай на прощанье поцелую в лоб...

Дай руку поцелую, — будь здорова,
Вновь окунуть в задумчивый покой,
Разбавленный прохладною тоской,
 Дай поцелую руку, — будь здорова!

Теперь последний поцелуй — в глаза
За их задумчивое, теплое сиянье,
Чтоб снова улыбнулись при свиданьи,
 Один последний поцелуй — в глаза!

1938

* * *

Ты не приехала, — а жалко —
Тебя готовились встречать
Рябины в сарафанах жарких
И в штофных шалях на плечах...
Гадали: конной или пешей
Прибудешь ты... А день горел...
Чем их печаль теперь утетишь?
Тем, что приедешь в декабре?..

Лес, выслав встречу, выслал тропы
Коврами... День был тих и синь...
Чем успокоить горький ропот
Грустящих о тебе осин?

Как приглашать тебя?.. Какую
Всесильной песнью заманить?..
Здесь все насыщено тоскою,
Все ждет тебя, считая дни!

1938

* * *

Пробьют часы... Окончен день рабочий...
Погаснет солнце... Смеркнут небеса...
Кто пожелает мне спокойной ночи?..
Закроет кто потухшие глаза?..

Кто из друзей дотащит жизни бремя?..
В могиле будут и отец и мать...
Где будешь ты, любимая, в то время,
Проводишь ли?.. Иль выбежишь встречать?!

15/VIII 1940, Москва

ОСТРОВА

* * *

Живешь и проходишь мимо
Тысячи людей,
А ведь прямо-таки необходимо
Вглядеться в глаза друзей!
Не постарел, не скис ли,
Все так ли рука упруга?
Но особенно верно мысли
Отражаются в глазах друга...

Как в зеркало полжизни вхож, —
День изо дня одно и то же!
И вдруг, сам на себя не похож, —
Совсем посторонний прохожий!..
Куда ж девался блеск глаз голубой,
Любимой и другу желанный?..
И друг, покачивая головой:
— Да, — говорит, — забавно!..

1939

Рассыпано в пустоте,
Бессонными ночами!

Было, было похожено —
Тысячи километров!
Сколько было надежд возложено
На ненадежные крылья ветра...
Было посмотрено в синие небеса,
Пóпито-поедено и попéто,
Поцеловано и в уста, и в глаза и за глаза,
И полюблено без ответа...
Было поговорено о том – о сем,
И о том,
О чем
Не выговоришь:
О единственном в мире лице,
О выеденном яйце,
И о звездах начисто выгоревших...

ЗАСТОЛЬНАЯ

В моем стакане шип и звон —
Веселый месяц май!
Кипит вино и рвется вон
И льется через край!

Хрусталь дымится и слеза
Тяжелая на нем, —
Она глядит в мои глаза
Недобрым огоньком!

Проходит молодость моя —
Веселая на вид,
В ней, как в объятьях хрусталя,
Любовь моя горит!

Течет апрельская вода.
Сухой огонь в крови.
Гори, высокая звезда
Моей большой любви!

Когда ж покров полночной тьмы
Нависнет, густ и тих, —
— Стаканы пусты! — скажем мы
И опрокинем их.

Март 1937, Москва – Перловка

* * *

В далекий путь уходят корабли;
Надолго от любви и от земли
Их отлучит воды просторной гладь,
Чтобы нести, лелеять и качать
Оставивших заводы, пашни, села,
Парней простых, кудрявых и веселых...

Им распахнет объяття горизонт,
Соленый ветер, смешанный с грозой,
Сдружит с огнем тревоги и борьбы
И выучит устойчивыми быть;
По-дружески встречаться с непогодой
Приучит их ворчун белобородый...

Над головой — высокая звезда,
Вокруг веселая, зеленая вода;
Горит луна, как топовый огонь,
Поет на баке милая гармонь,
Поет матрос протяжное «страданье»,
Совсем как в тихих селах под Рязанью...

В Рязани девушка любимая живет,
Она по вечерам задумчиво поет
О море синем, о крутой волне,
О по морю плывущей тишине,
О корабле, что по морю кочует,
О милом, что под звездами ночует...

Поет матрос, и девушка поет.
Корабль, качаясь, по морю плывет.
Над ним луна, как топовый огонь.
На баке заливается гармонь, —
Течет вода, текут воспоминанья
Под тихое и плавное «страданье»...

И вот далёко, далекó Рязань...
Вода привычной сделалась глазам,
Куда стал шире синий горизонт,
Соленый ветер, смешанный с грозой,
Стал верным, неразлучным другом...
Машина дышит жарко и упруго.

Горит пятиконечная звезда,
И за кормой курчавится вода...

Март-апрель 1937, Москва – Перловка

* * *

От жары, от едкой пыли
Захотелось очень мне,
Облака чтоб тихо плыли
Надо мною в вышине,
Чтоб трава стеной стояла,
Чтоб шумел зеленый бор,
Чтоб река журча бежала,

Огибая косогор;
Чтобы по бору сияньем
Разбегались сотни троп...
С этим вежливым желаньем
Опускаюсь я в метро...

Пять минут — и у вокзала
Я на площадь выхожу,
И торжественно по залам
Прямо к кассе прохожу...
Я сказал кассирше прямо:
— За червонец дайте мне
Право в рай проехать прямо
На железном скакуне!

Поезд мчал меня, как дьявол,
Вдоль лесов, полей и гор,
И, в конце концов, доставил
На зеленый косогор...

На помост сошел досчатый,
Да как глянул с высоты;
— Это ж угол непочатый
Непочатой красоты!

В голубую вправлен раму
Драгоценной кисти вид, —
На холме, легко и прямо,
Лес как вкопанный стоит.
Рядом залежи просторов
Луговины и полей,
Прямо под носом у бора
Пляшет бешеный ручей.
Чешуей бежит, блистая,
Выводя за кругом круг,
Как цепочка золотая
По зеленому ковру.

Поворот — и вырастает
В реку бешеный ручей:
— Расступись, трава густая,
 Чтобы мне бежать ловчей!
В пене волн, блее снега,
Своенравна и легка,
В воздух прядает с разбега
Худощавая река.
За рекою встали хаты,
А за ними стая риг.
Вдруг как ласточкой крылатой
Девушка с обрыва — прыг!
И стоит в кудрявом смехе, —
Лучше нету, выбирай!
Тут я понял, что приехал
И на самом деле в рай!

Я спросил ее: — откуда?
Отчего так весела?
И ответила: — оттуда,
Вон из этого села!
Взгляд вонзила как занозу:
— Что, а разве плохо жить?
 Это ж нашему колхозу
 Все вокруг принадлежит!

1936—1937, Москва – Паулино

* * *

Жил-был бродяга серый волк,
Красавец серый волк,
Он поступил в пехотный полк,
Простым солдатом в полк...
 Простым бойцом в пехотный полк
 Зачислен наш бродяга волк
 На целых десять лет!

Вот тянет ляжку серый волк,
Красавец серый волк;
В поход пошел пехотный полк,
В поход пехотный полк...
 И прокликает службу волк,
 И службу и пехотный полк
 Все целых десять лет...

Жену оставил дома волк,
Красотку, серый волк, —
Чтоб черт побрал пехотный полк,
Ах, весь пехотный полк!
 Устал в походе серый волк,
 И надоел пехотный полк,
 Ведь целых десять лет!

И дезертировал наш волк,
Красавец серый волк,
Он бросил свой пехотный полк,
Навеки бросил полк.
 И вот, забыв пехотный полк,
 С женой гуляет серый волк,
 Забыв про десять лет.

26/VIII 1936, Паулино

ЛИРИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Пусть эта стайка нежных и пушистых,
Как голуби крылатых строк,
Спокойным вечером прозрачным и душистым
Опустится на твой порог.
И пусть всю ночь воркуют до утра
Согретые дыханьем сердца птицы
О сладости любви, о горечи утрат...
Пусть на кустарниках, на травах, на ресницах
Блестит роса...
Пускай воркуют ласковые птицы
О том, что сумерки не вечность будут длиться,
И что восток рассветом озарится,
И расцветут цветы и небеса.*

I

Все замерло. Время застыло...
Глядись в этот мир, — торжествуй!..
Луна с высоты наклонилась
И в Волге купает листву...

Чего же глядишь нелюдимым,
Укутавшись в тусклую муть,
Ведь тысяча глаз у любимой,
Чтоб в сердце к тебе заглянуть!

1938–1941

II

Немного застенчивый вечер,
Он мягок и ласково тих...
Любимая, слышишь, кузнечик,
На скрипке играя, грустит!

Он сердцем забылся, играя,
О милый, наивный сверчок!..
Не наша ли жизнь, дорогая,
Ложится под нежный смычок?

14-21/VII 1939, Горячеводск

III

Целое полугодье душно
И сердцу и глазам...
Март открывает отдушину
Ветру и небесам, —

Пусть льются без перерыва,
Пусть заливают дождем
Стоящий непрочно и криво
Ветхий и шаткий дом!

Выветрен устоявшийся за год
Настой тишины обжитой и потной...
Пахнет предвкушеньем ягод
Воздух влажный и плотный;

В окно глядятся звезды
Сквозь синий вечерний занавес, —
Снова весна и снова не поздно
Жить начинать заново!

1939

IV

Должно быть, к хорошей погоде:
И солнце ночное печет,
И звонкую песню заводит
Забавная птица — сверчок...

Он зелен и нежен, как травы, —
Поет и поет, и поет...
И льется, и льется отрава
В оглохшее сердце мое!..

Роса у травы на ресницах...
Пой, милый, впадай в забытья!
Пусть в песню твою погрузится
Твое и мое бытие!

Пой, милый, забавный и нежный,
Ни смеха, ни слез не тая, —
Пусть станет как жизнь неизбежной
Тревожная песня твоя!

Пусть снова и снова не спится,
Пусть полночи солнце печет!
Пой, памяти певчая птица, —
В беспмятство впавший сверчок!

Конец мая 1939, Москва, ст. Сокол

V

Гори, гори, моя звезда...

Романс

Ни ветка не хрустнет, ни птица
Не прошумит крылом,
Под опущенными ресницами,
Опушёнными серебром...

Ни колеи, ни следа...
Недвижим покой декабря...
Лежит пышнокрылым бредом
Закат, на снегах горя...

Лишь издали... шалой погудкой
Пересвистнутся поезда...

.....
Печальной незабудкой
Восходит моя звезда...

1938

VI

Беспомощные ветки верб — робкие руки весны —
Цепляются за каждый лучик —
утопающий за соломинку...

Лежат золотые сны —
Блики на снегу... Тоненьким
Голосочком поет капель,
Будто соловей уставший...
И я, от сна восставши,
Сразу догадываюсь — апрель!..

1939–1941

VII

*Но разве я узнаю
(Ах, нет — никогда!)
Зачем так горько плачет
Далекая звезда..*

С.П. Бобров

Сквозь дождик втекает Бах
В мое окно.
Шумит развешанное на деревьях
Воздуха суровое полотно...

Тихие струятся звуки
В сумеречной тишине,
Будто протягивает руки
Сам Иоганн-Себастьян ко мне...

Но я не знаю, почему печальны
Дали земли и небес просторы,
Почему погружены в молчанье
Звезд далекие хоры?

И почему плутают
Звезды в немой дали,
И слеза луны золотая
Дрожит на ресницах лип?..

28/V 1939, Москва

VIII

С.П.Б.

С веткой в клюве золотая птица
Вновь летит на мой огонек...
Друг мечтаний юношеских, не спится
Мне от ваших беспокойных строк!

Сколько певчих поколений
Собралось на этот нежный пир!
Полн лирическим недоуменьем
В розовом тумане мир.

Он глаза раскрыл в самозабвеньи,
Слушает, забыв о злобах дней, —
Соловиное сердцебиенье
Песнью разрешается вполне...

1939

IX

День распускается ярким
Венчиком лютика. Зной
Сияющий и жаркий
Над задремавшей рекой!..
Ласточка крылом режет
Тонкий шелк вышины;
Цветет над побережьем
Воздушный лес тишины...
Стрекозы зеленокрылой трепет,
Дробя стекло синевы,
Легко уплывает в лепет,
В шелест и в лепет листвы...
Ив полупрозрачные ветви,

Склонившись на грудь воды,
Будто читают ветром
Оставленные следы...
И ты стоишь, не дыша внимая
Мелодии сладостного молчанья,
Все видя, все слыша, все понимая
Всеведением печали.
Вставай же из мглы безвестной
На солнечный светлый пир, —
С высокого берега песни
Еще необъятней мир!

1939

XI

Лес — он бархатный, зелен и свеж,
Меховыми сугробами мха
Густо выслан промеж
Елями...
 Ветками опахал
Еле-еле колыша,
Лес будто спит и не спит,
И медленно, будто сквозь сон, дышит...
По настилу голубых плит
Восходят к небу вершины сосен,
И плавно плывут, качаясь,
Словно журавли под осень,
В голубом молчаньи...
Лес — он певучий,
Он мелодичнее, чем
Приглушенно-ласковая виолончель,
Поет,
Баякая сердце мое...

1937

XII

Вот только ветер бил крылом
По напряженной груди Волги,
И вдруг затишье проплыло
Дыханьем медленным и долгим...

Над скользким зеркалом воды,
С волной не чувствуя разлада,
Душистая, как майский дым,
Течет глубокая прохлада...

1937

XIII

Над Волгой синий звон повис,
Кольшась в небесах безбрежных,
Как будто в звонкий солнца диск
Ударил кто-то нежно-нежно...

1937

XIV

Лежит на подоконнике тень невысокой горы,
Стрекочут кузнечики и звенят комары,
Бежит беспокойное время вперед, вперед, вперед...
В ветвях акации иволга, ни с чем не считаясь, поет, —
Всхлипнет и успокоится, и сызнова начнет,
Да солнце неугомонное безжалостно печет.

1939

XV

Луна плыла по Каме,
Волна о берег билась,
Луна, наскочив на камень,
Ударилась и разбилась...
И поплыли луны обломки,
Поблескивая, далеко,
И ночь осталась в потемках
Над безлунной рекой...
Что скажешь ей в утешенье,
Что она не одна, — я с ней?
И что луны крушение,
Может быть, мне больней?

1938

XVI

Ночь... Романтика... Нет отбою, —
Она на каждом шагу:
В лесу шелестит листвою,
Травой шуршит на лугу,
В Волге плещет о камень
Волной, поднявшейся из глубины,
Тянется прозрачными руками —
Тоненькими ветками луны;
Смотрит взглядом подруги
(Поэтому светло и тепло!),
Каплей охлаждающей и упругой
Падает на разгорячённый лоб...

.....
Висит тишина голубая:
Пей, вдыхай ее, на нее гляди,
И песня теплая и живая
Заплещется в груди!

1938

ЯРОПОЛЬСКАЯ ВОЛОСТЬ

(МОНОГРАФИЯ)

Геorgию Николаевичу Оболдуеву

*Я уступил ему тогда самый ничтожный
и крохотный округ Ляндау.*

Жан Жироду

ВСТУПЛЕНИЕ

*На тротуарах мёрзенько,
Снежок внатруску —
Скользкие...*

*Остановили окриком:
— Вы русские?
— Нет, мы — яропольские!*

*У нас о весне небеса цветут,
Травкой вью —
Тся по бережку,
На каждом кусту —
По соловью,
У каждой березы — по девушке.
Самые длинные бороды у стариков —
В Яропольце,
Самые умные головы у мужиков —
В Яропольце.
Самые толстые кулаки —
У нас,
Самые тощие бедняки —
У нас.
Словом, ни для кого не новость,
Что мы — образцовая волость.*

*Наш говор экспортируется в столицы,
У нас лучшие по округу невесты
(Высокие, круглолицые);
Наш кооперативный центр
По борьбе за снижение цен
Занял первое место.
Климат влажный, воздух чудесный
(Стоит обследовать!),
Прелестная местность,
И недалеко отседова.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

(десятая пятница)

*Десятая пятница не из тех, что
бывает семь на неделе...*

Борщом закипает базар.
Боржом из открытого неба.
Взъерошена Лама загаром, — глаза
Трепещут, как ноздри. Хлебом
Пропахшая площадь
Сама не своя
От горячего сердцебиения.

Холщовый небелёный простор — палатки...
Густая, что каша, толпа топорщит
Упругую улицу. Не стоят
На ногах дома и прилавки, —
Ветер плавает в разымчивой пене:
Ажурных зонтов, кружевных панталон,
бязевых юбок, в тонах либерти, фай-де-шина,
пикэ, чесучи, сатина и ластика.

Бунтует тарань.
Ерепенится воздух.
С откоса в расплавленную кипень волны
Свергается бронза горячего тела.
От пляски ключом закипает трава
Под ногами.
Ногами до дна
Взбаламучены воды.

Дыханьем выжжено небо дотла.
Пьянство, — окупленное сполна
За год вперед:
Работой, терпеньем, скрипом мускулатуры, —

Не желает вступить в разговор,
Не попятится,
 даже на пядь, —
Гремит во всю широту горизонта...
Борщом закипает десятая пятница.

В дуплянках липовый мед.
В бочках, стянутых вязовыми обручами, — деготь.
Звенит лакированный лед
Фаянса.
Разводит демагогию гармонь.
Шепотом взрываются пугачи.
Щелкают жестяные пистолеты.
Капустой раздувается коричневая рвань
Девятилетней шпаны.
— «Руками не трогать!» —
Гласит кооперативный бас.
Тошнит от головокруженья карусель.
Вне себя шелковое веселье
Парней и девушек;
Где уж там
Запоминать имена и фамилии!
Опасаясь потерять штаны,
Егор Фанасьевич Шкурин беспрестанно
 поддерживает оную принадлежность туалета.
— Дорог не товар — почин,
Каждый выстрел — монета! —
Петушком хорохорится Ив.Ив. Пещериков.
— Что ты, батюшка, молочком поили... —
Крестясь, причитает
Бабушка Лукерья.
Волкодавом щерится
Казанская божья мать.
От пляски пух и перья
Летят по поднёбесью.
— Нюрка, дай пощупаю, —
Не причинаешь ли.

— Дам,
Да не вам,
При тебе,
Да не тебе.
— Ну, как же,
Скажешь
Тоже.
— Не суйся,
Не с твоей рожей.

Более юрко,
Чем выюн,
Бежит говорок, —
Плывет косогор —
Плотная волна: пота, позваниванья и дыханья,
Которую пьют
От мала до велика,
Все.

У кооператива хозяйственные умы
Жадно звереют,
Глазезя,
Торгуясь,
Хлопаясь рука об руку.
— Мы
Не гулять пришли, —
Нам бы
Скорей по домам бы...
— В тэпоры,
— В тупоры,
— В тапоры,
Когда в топоры,
Когда под винтовку, —
Мы не винторга
Ждали,
Али
Мы не понимаем,

Куда идем? —
Мы сами
Столбы
Электрификации
Ставили...
Нам бы трактор,
Нам бы триер,
Нам бы комби —
Нированную молотилку,
Сакк...
Да крестьянскую копилку
Попородистей.
Вот как!..

На полках чисто, как на току,
От зависти слюнки текут.
— Завести бы хозяйство —
Десятин на сто!

Ржет базар!
Пьет базар!
Бьет базар!
Дышит базар!

Ветер свищет,
А покойник вылез...
Не вылезет, земля-то убита,
Утоптана,
Вот она
Гудит под каблуком звончей,
чем барабанный живот.

— Вдарь хорошенько,
Ничего, что рядом часовенка,
Под которой живет
Прах сиятельства-покойника —
Вятский воевода —
Гетман правого побережья — Петро Дорошенко.
Роздыхом на перевале вставало утро.
Андрусовский договор, разорвав Украину,
раздарил по частям Московии и ляхам.
Умер Дрозденко.
Выдан Опара.
Сбрэндил Тетеря.

Чубарый (с прадеда казак)
Из-под Чигирина (гроза под полой), —
Вставал большим, во все глаза
Чубатой головой
Дорошенко —
Полковник Прилуцкий.
Рада —
Вручив клейноди —
Рада,
Что лучший
Лыцарь
Сбивает чубы в полки и курéни,
Порохом выбелена щека.
Степь зыбится густым испареньем
Круто просоленного крымчака.
Ой как залепетали бунчуки:
Подолье, Побужье,

Все Заднепровье,
Вспоминая Богдана*
Разбужены.
Так-то заваривался танец —
На здоровье!

Малиновый огонь кунтушей —
На óпашь,
Нá распашь
Кзакины.

А как горят ковыли
Под копытами,
А монастыри
Сбитые
В сбитень, а села, а хаты,
А посадки...
Крылатый
Пламень кунтушей
Машет
Над Польшей
Подкованным маршем
Кзачьей конницы...
Орды
Овчинные,
Выдубленные
Ветром.
Города — вспороты —
Почин —
Сделан — сабли — вызубрены
Смертью...
Ветер, погуливая в бунчуках,
Грозой ниспадает с удил,
Вписан в историю Бучач
Густым становищем могил.
Бучачским контрактом
Отдается правобережная Украина —
Кзакам,

* Богдан Хмельницкий.

Подолье — Туреччине.
Снова кроили
Степи перемеченные:
Зарубками курганов,
Памятками походов,
Взглядами сокола ловчего...
С севера шли Ромодановский
С Самойловичем...
Будя, побеседовали,
Кончай разговор,
Дорошенко. —
Меняется погода.
(Как говорил Богдан),
Меняй клейноды
На нехитрый убор
Кайдан.
Куда деваться от великокняжеской учтивости
— Буде, брате, ко мне на Москву.
Нам, де, необходим эксперт
По турецкому вопросу —
— Приезжайте, поговорим.
Кланяйся и благодари
Царя на милости.
Езжай в Москву,
Разгуливать тоску,
Дышать огнем сухой зари,
Холодом росным
И ветром, вьющимся у самых скул.
Живи, отсчитывая поклоны
Боярам ближним,
Знакомым и незнакомым,
Дабы не донесли облыжно.

Велик и многомилостив московский царь.
По табельным дням, выступая с речью,
С высоты красного крыльца,
В полных бармах и при оплечьи,

Блистающем, словно закат,
В сто сил — не всякому вынести,
Сплевывает с языка
Высокие и богатые милости.
Должно быть, в одно из таких — мгновенье,
Разойдись, — не остановишь сразу,
Этаким царственным мановеньем
Отколол этакую вот, приблизительно, фразу:

– За долгое повинование
Нашей царской милости,
Решено нами вынести
Следующее постановление:
А быть ему впредь —
Дорошёнку Петру,
По самую смерть
Воеводой на Вятке,
И выехать завтра же поутру...

Коленце с припевом из песни, —
А ежели, мол, тесно
В Москве,

То:

Сыпь-ка, милая, в присядку,
Из Москвы да прямо в Вятку.
Дам тебе я на приглядку
Сапоги и туфли всмятку.

Затем, приказавши оседлать коня,
До следующего дня
Царь отдыхал от вопросов
Важных, любя гостей своих занять —
Травил лисиц.

Меня на слове
Ловить зря,
Михал Васильевич Ломоносов, —
(Ему ль не знать?) —
В известном кратком родословье

По поводу царя
Федора сказал:
– Был телом слаб,
Однако же любил
Охоту и породистых кобыл,
И был
Скакать
Всегда готов,
А умер в двадцать пять
Годов.

Петро с Петра владел поместьем
(Куда же боле?) —
Тыща дворов в Ярополье,
В очаровательном месте.

Теперь живи аристократом,
Пори крестьян, расти живот,
И всяк зеваает да живет,
А хочешь, вспомяни утраты...

...А было ратовал
За автономность Украины...
Думал:
Высокая вольная воля...
И рад бы —
Опять на коня —
Догонять
Молодость...
Выбелен холодом
Чуб,
А был, что смоль —
Лакирован,
Горяч, что глаз
У кровного
Скакуна —
Аргмака...

Смерть у виска,
Нашептывает...
– А было у Чигирина,
С носка
Летела желтая,
Звончатая
Пыль
Гопака:
Жить бы пока,
Пить бы пока,
Бить бы пока
Врага.

Глава III (абзац 1)
(Кое-что о русской поэзии)

Благослови меня.

А.С. Пушкин

*Но такое же счастье
(Пусть погибают цветы),
Писать не совсем как ты –
Совсем не как ты,
Мастер.*

В. Моница

С последним каблуком ушло ночевать
Солнце, с последним всхлипом баяна,
С последней судорогой трензеля начала
Мало-помалу охладевать площадь.
Как омут процеженный бреднем —
Утихомиривается разгул.

Стоящие вдоль тощих плетней,
Расчесанные волосок к волоску,
Вётры
Жмутся плотней
Друг к другу,
Уступая дорогу
Потным, веселым
Плясунам.
Из-за лесу нам
Не видать ночи.
Кто хочет
С нами — в парк.

Еще от подошв, фуражек, платков, кепок
Клубится голубоватый пар пляски.
С веток свешиваются улыбочатые сумерки.
От дальних пашен
Плывут, как по волнам,
Ветренные взмахи.

Не мне вам доказывать
Значение поэтического ряда, —
Я поделюсь впечатлениями —
К какой поэтической масти
Прикажете отнести
Птичью разноголосицу?
Ни с этого, ни с того, здрасьте.
Поют, как бог на душу
Положит. Надо же
Знать, что у стиха законы,
С которыми не все знакомы.
Скажите, по какому праву,
К кому причислить,
Если трактуют стих как бронзовую оправу
Для деревянных мыслей?
Я требую, пусть вызубрят
От сих до сих,
Не исключая избранных,
Что зарифмованная мысль не стих.
И плохо, что стихи текут,
Как ручейки, звеня,
За строчку по пятаку.
Пусть меня извинят,
Но стих не ямб, не трехдольник,
С паузами там и тут...
Ну, кажется, пока что довольно,
А то и этого не прочтут...

И не поверите, как приятно изредка поговорить
С человеком,
Даже прошлого века.

Горит молодая весна
На ветвях тополей.
Пора догонять парней.
По вольному как настезь
Открытому лону,

Пройтись об руки с Настей,
Заносчивому и молодому,
Куда как славно!
Берет без промаха
За нутро за самое.

Хаживал я этой тропкой
Лет шесть назад,
А нынче намокли глаза,
Как вспомнил бывалое,
Впрочем, может, это от алого
Сентября. Поэт субъективен в своих восприятиях,
С низу до вёрху
Измеряет все без изъятия
Лирической меркой.

Лирическая интермедия
(Пейзаж в порядке воспоминаний)

*Невольно к этим грустным берегам
Меня влечет неведомая сила.*

А. С. Пушкин

*Я вел здесь свой невольный след,
Сходился клином свет.
Я брал его на вкус, на цвет...*

Г. Оболдуев

Разжалован.
Снижен.
Выписан в заштат.
Живешь на пенсии.
Привыкаешь брюзжать и шептать.
Грузно ложатся осенние
Тона на твои плечи.
Первый в губернии по занимаемой
Площади — стал неузнаваемым
И помочь
Нечем.

В аллеях спокойно, как ночью, как под одеялом.
Как изморозью — желтизна,
Навзничь укладывая листву,
Сентябрь завяла...

Скучаешь без нас,
Без двух
Радостных одиноко?
Грустишь, старина?
Пусто...

Цветной капустой
Курчавятся облака.

Завиваются осенние лейтмотивы.
Окариной
Поет осыпающийся из-под каблука
Гравий:

Жил-был,
Жила-была,
Жил-был
Любил
Жилу-былу,
Жила-была
Чуть жива была,

Верила:
в чёх,
в чёс,
в чушь,
в сглаз,

Через левое плечо
плевала,
Молилась в чем
мать родила.

Воск жгла,
Слышала шорох —
Чу...

Пряталась под одеяло.
Жила-была —
Бела была,
Белее всех на свете,
Жила-была —
Живой была,
А числилась графиней Бетти.
Жил-был
Хвор был,
Жила-была
Чуть жива была.

Они живут в больших томах
Академических альбомов,
В академических умах,

В сердцах у карточных знакомых.
Их род давным-давно рассеян,
Их славы век неуловим...

Жила-была Рассея,
Великая держава.

Их, помнится, воспел Державин,
И, кажется, благословил...
Их нити оборвали Парки,
Но теней дружная семья
Еще живет в старинном парке...

Печальная музыка
Флейт пасторальных,
Музам узко
В астральных
Лирических тонах.

Здесь некогда гулял и я;
Дорожки парка, коридоры дома —
Мне даже очинно знакомы.

Двойное бемское стекло
Цветет в объятых рамы шатких.
Здесь, в прошлом, доктор Соколов
Обрёл меня ходить без шапки.
Здесь я — любил,
Здесь я — страдал,
Здесь обнимал,
Там целовал,
Здесь — пил,
Тут — спал,
Тут — бил,
А тут вот, помню, был скандал:
Здесь Фокину — милиционеру,
За дразги кляузного свойства,

Воздали парни полной мерой,
Серьезно и совсем по-свойски...

...У липы, вот этой самой,
Что спит, прожевывая тишину,
Ждал тебя,
Целовал — милой была,
Цвела
Весной впроголодь.
Шелковые кудри трогала
Тихонькой, тихой, тишайшей рукой,
Заглядывая в глубину зрачка,
Сердцем беседовала с рекой,
Баюкаемой дальней песней.
Сгоряча
Рвалась надвое —
Водополью вешней
Лилась
И твоя
Песня —
Матовая,
Белокурая,
Милой звалась,
Нюрой...
А было:
В пожар
Крепышом
Проворным
Бежал
Через парк,
Срывая подошвы
О корни...
Было:
Ночь,
Дождь,
Копна вики
(Сухая как порох).

Я,
Ты,
Лялька,
Сергей Христофоров
Встречали зарю.
Ах, как горюч
Был тады
Рассвет.
Уж желтели сады,
Пустели огороды;
В ответ
На твое предложенье отдохнуть в постели
Твоих рук
Укладывался таким вот родом —
Голову под крыло ресниц.
Бархатным шепотом поутру:
— Усни,
Милый...
Было:
У Ламы
Скат
Крут,
От Волоколам-
Ска
Прут
Тучи.
Кто же, как не ты, любовь, учит
Не спать, петь что есть мочи,
Несмотря на то, что тяжелеют веки,
О том, чему не бывать вовеки.

Глава III (абзац 2)

(Кое-что из русской истории)

*На путех сидела еси аки врана
особящаяся, и сквернила еси землю
в любодееянии и в лукавствех твоих.*

Иеремия. Глава III

Ночь.

Органный шепот травы
Течет по стебельчатым трубам
Парка, сочится по капиллярам, травимый
Всей звонкоголосой сворой созвездий.
Плотно слежавшиеся груды
Запахов разложены, как по амбарам поместий,
По плоскостям, смещающимся к реке,
к мельнице, к оранжереям.

Рослая тишина жиреет
От влажной теплоты поцелуев,
Расточаемых в окрестности.
Взглядами иллюминирован парк.
В укромных как подмышки зарослях жимолости
Подслушал я любвеобильное излияние:

— Ты, грит, милая, по зубам пришлась,
Как наглухо присобачила,
Будто босой прошлась
По сердцу, немного прошено, недорого плачено,
А дороже не знай чего,
Так что не сумлевайся, значит,
Ежели что...

В беседке, что некогда прикрывала наготу
Аполлона,
куда интеллигентней

Разговоры разыгрываются на вздохах.

Оба в поту

От стремленья постигнуть причины
Обоюдного взаимодействия.
Она — выдаивает ленты
Кушака.
Он — вглядывается чинно
В округлые окорока.
И некому надоумить, что ясно,
Мол, и ежели вы согласны,
То позволю спросить, к чему
Вздохи огорченья,
И простите, никак не пойму,
Зачем — «не целуй до обрученья»?

Луна, как воздушный поцелуй, совсем близко,
Покачивается картинно
Над трехгранным пальцем обелиска —
Памятником пребывания Екатерины.

Была, говорят, и не раз, —
Объезжая державу.
(Что говорить — объездила и в упряжь и под седло!)

Царица была на ять —
Высокая грудь, черный глаз —
Руки в боки похаживала —
Кусалась и жглась,
А когда злясь
Засучивала рукава,
Все видели, что вдова,
Не в шутку, а всерьез,
Кожаное сырье
Намеревается взять в обработку.

Обратитесь к Радищеву — он скажет:
— Знаем, как же,
Ласковая была —
Ласковый глаз,

Ластиковая рука,
В ежовой рукавице.

Но, понятно, без лирики и тут
Не обходилось, — трудно вдовице,
Когда муж приказал
Долго жить,
А глаза
Цветут
Жаворонком во ржи...
И Ярополец хранит рассказы,
Густо посыпанные перцем,
Про царственные проказы
Любвеобильного сердца.

Ее величество одна
Томятся у окна...

Парк старается, что есть сил,
Цвести, —
Занимается дух. А синь —
То такая, не отвести
Глаз от этакого, как его, черт побери, —
Бельвю.
Сердце как высмоленное горит...
Разовью-
Тся косы
У девушек
От истомы
Раньше, чем ночь придет:
Они счастливы, они босы...

Где уж нам,
Старикам... Стонут
Горлинки
В горнице...
Придет-

Ся холодную ванну,
А тошно...

Но странно,
Что сзади, точно
В тиски
Зажимают волосатые лапы
И бьется в виски,
В шейные позвонки,
В затылок
Дыханье кудлатое.
С тылу,
Тяжелый,
Как космос...

— О, боже,
Кто нас?

Точно, как рапорт, без околичностей,
Чеканит, запахивая кафтан:
— Истопник вашего величества...а!
— Продолжайте, капитан!

Над полем заводят игру
Ястреба.
Над прудом лягушечьих трелей
Разлив. Откосом горбатым
Вздымается грубая грудь.
В доме, что выстроен графом Растрелли,
Трещат половицы. Сирень
Стекает на подоконник.
Сыреет...
— Н-недурно, полковник!...

Парк полон колыхающим, как шторм, ветром,
в честь российского бога.
Грузный сосняк начинает протяжный и важный,
замедленный нарочито хорал,
Когда уж вполне удовлетворенным вздохом

Ложится блаженное:
— Спасибо, генерал!..

Садовник смолк. Обвалом с гор
Хохот:

— Так-то, будешь знать нашего.
Ты бы, Ягор,
Добрался бы, чай, до самогó
фельдмаршала...

Глава IV (Следующий день)

*И се уже рукой багряной
Врата отверзла в мир заря...*

М. Ломоносов

За тишиной больших ворот
Растет кудрявая заря;
За гладью луга поворот
К рассвету. Крыши серебря
Росою, ночь с разбега — бух,
Как в воду. Занимает дух
Горячий холодок разлуки.

Стремясь с огромной широты
Полей и рощ, густые звуки
Готовы заселить рассвет
Семейством дружным и простым.
Ночь сведена на нет...

Доброе утро, день;
Выглядишь породистым производителем,
Широкогруд — строен — превосходителен —
Поцелуемся, кому не лень!

Вот это да!

Небо распластано на миллион гектаров.
Острая рассветная вода
Ламы розовеет...
Дружная парочка, вот она!
Воркует резвее
Говорливой стайки дроздов:
— Проводи, милый, до дому,
И будь здоров.

Аллеи, тропинки, дорожки,
Тропки, стапиночки, стёжки
Цветут любовью...

Так густо лишь рожь зацветет,
Радостно так лишь метелки овса мечутся!

Дышит глубокая грудь земли,
Колышется зелеными.
В небе обломок месяца
Доцветает в непроходимой дали
Над нами...

Дорога еще влажна —
День умывается —
Весело ночь прошла,
Не хочется расставаться.
Утром запоминаются
Особенно отчетливо
Детали.
Девушки раздумывают, тот ли он,
Что вчера, так ли
Он улыбается?
Воздух сух и сернист — порох,
Жизнь пахнет —
Невысохшей краской, как веялка —
Нова!
Уши вслушиваются — жухторят
Издали мельничные жернова.

Взгляд
Налево — простор ремонтных мастерских, —
От напряженности хрустят
Тиски.
Направо, в ворота, как в добрый день,
Вкатываются влюбленные пары,
Упираясь в приветствие:
— Добро пожаловать!

Зерноочистительный гуторит:
Трещотками, сортировками, триерами.
Случной пункт прогуливает производителей
и производительниц:

Золотистый как день Ветерок
Играет нежнейшей иноходью —
Балетмейстер;
Аскольд разминает двухтонную грузоподъемность;
Буйный расцветчивает
Улыбчатую дробь еще не подкованной юности —
Малыш!
Талисман отыгрывается пятнами на солнце —
День становится буланым...
Голубка, умильно складывая уши,
Мечтает о материнстве;
Зорька вглядывается в глаза свежему дню —
Почти ровесники — рысист и горяч;
Лебедка любовно оглядывает сыновей:
— Экий же ты смешной, сынку!

Молочная кооперация, —
Первый удой,
Еще пена не устоялась после прибоя,
Еще жезь полденок выменем пахнет.
Полнокровная улыбка приемщицы
Безошибочно определяет калорийность:
— От Ярославки, от Шведки? —
— Двенадцать, восемьдесят две шесть десятых!*

Влажный как губы сепаратор
Втягивает ведро без остатка...
Первый встречный — первое здравствуй:
— Иван Иванов Пещериков,
Наше вам, дорогой мой!
(Тощий, как вытянутые подтяжки, —
Забыл побриться — колюч, что еж —
Первый комик Яропольских спектаклей.
Должно быть, не выспался.)

* 12 рублей 82,6 копейки.

День заливает верхушки деревьев,
Перекресток расцвечен —
Лучшая молодость каждой деревни
Оканчивает свой вечер
В десять утра...

Солнцем заполнено небо.
Пóлпивом полдня у трав
Обожжены верхушки — невидаль
Образца двадцать первого года.

Завсегдатаи чайной на своих местах,
Молитвенно расстегнуты вóроты:
— Выручай нас, выручай,
О, пахучий, нежный чай!

Братья Додогорские — Виктор и Александр
Беседуют на тему о народовластии.
У первого — дом и сад —
Делец, кооператор,
Культработник,
Глаза всхлипывают — Ах!
Всё в позапрошлом, как ее, в молодости...
Александр — коренаст, речист, —
Жуликоват, — говор не чист —
Мошенничает,
— Ты, брит, гляди, брит,
За дочь в оба.
Без сучка, без задоринки, пророчит
Этакий гриб,
А туда же, свобода
(Которой я, между прочим,
Предан до гроба!),
Подмочит
Девичьи акции!..
Жди неизбежного,
Как его, — белой акации
Запаха нежного...

В Яропольце
В цвету обычный
Полдень, горячий, широкий как бубен.
Бывшие торговцы —
Юрьев, Ипполитов, Смолин и Добычин
Разыгрывают трехчасовую партию в шашки —
Коротенькая, рассчитанная
На буденный
День.
Звонкий жбан
Ламы, наполненный с краями вровень,
Прохладой
Освежает пересохшие гóрла граждан...
— Будь ты неладна.
Колесовские коровы
Каждый
День заходят в огород. —
Жалуются Ершиха. —
Ну и народ!

Тихо...
Дышать нечем...
Ждут, не придет ли вечер
Сегодня, скорей
Чем обычно.
Куда как симпатично
Поудить пискарей,
Плотичек!

Совсем около
Стаями ходят окуни.
Горбатые язи,
Плоские лещи, —
Как на привязи...
Чудо-клев с вечерней зари,
На три уши
Серебряной мелочи.

Сошлись двое глухих,
Сто лет не видались, а поговорить
Не о чем...

— Иван Иванович,
Куда это вы на ночь
Глядя, не рыбку ли удить?
— Нет, я рыбку удить.
— А...

А я думал, вы рыбку удить...
Кто птичек ловит, да рыбку удит,
У того ничего не будет...

Наразговаривались в досталь
И разошлись постно,
Как две уклеи в омуте.

Глава V

(Примечания к 1-ой части)

Читатель, стой...

Н. Асеев

*Прошу почтенного сочлена
обратить особое внимание
на примечание в конце книги.*

Гр. Д.И. Хвостов

Читатель дорогой, прости,
Но ты ведь смотришь свысока
На то, как вырастает стих.
Ты склонен утверждать, что мы
С тобой на разных языках
Изъясняемся, что лучшие умы
Не понимают поэтической речи!
Ну что ж, пожимая плечами,
Отвечу:
Думаю, что будет уместным
Приложить ряд примечаний
К только что прочитанному тобой тексту,
Чтоб не плестись тебе в хвосте
И не гадать по звездам,
Буду говорить прямо.

Примечание 1-ое.

*Яропольская волость — одна из волостей
Волоколамского уезда,
Объединяющая около двадцати деревень:
Алферьево,
Владычино,
Гусево,
Гарутино,
Кашино,*

Козлово,
Львово,
Мусинó,
Мáсленково,
Парфеньково,
Путятино,
Суворово,
Сырково (большое),
Сырково (малое),
Телегино,
Ханево,
Шилово,
Шишково,
Юркино и Ярополец.
Ну-с, этого довольно и за глаза.
В десятую пятницу после пасхи,
То есть, когда дороги с́ухи-на́сухи,
В Яропольце большой базар,
(Теперь, ты, читатель, вроде как на поводú!)
Дальше!

Примечание 2-ое.

Волость электрифицирована
в двадцать первом году,
Кооперирована и того раньше.

Примечание 3-е.

Дорошенко скончался в лето
тысяча шестьсот девяносто восьмое,
Часовня на самом берегу,
того и гляди Лама смочет.

Примечание 4-ое.

*О стихе говорить положительно стоит,
Так как существуют лбы,
Коим сие непонятно;
(Против этого бесполезно спорить!)
Пушкин в Яропольце действительно был,
Подтверждено историей,
Что очень приятно.
(Хотя бы для автора).*

Примечание 5-ое.

*Графини Бетти,
Как таковой, на свете
Не было, но была
Очень на нее похожая,
Так же глупа, так же бела,
Такая же, как она, пригожая.*

Примечание 6-ое.

*Нюра, девушка, которую я очень
Любил с двадцать первого
по двадцать четвертый год
И целовался по целой ночи.*

Примечание 7-ое.

Рассказ об Екатерине — обычный анекдот.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вступление

*Мир слежался, — столько лет
Отрешенный от восторгов,
Высохший его скелет
Тяготили своды морга...
Захирев от роз и слез,
Хищно раздувает ноздри
На клубящийся навоз,
Воздух пробуя на вкус,
Он в подлоге заподозрил
Мир религий и искусств.
Небо рюмит о былом,
Утомились птицы по́рхать,
От дымящихся болот
Пахнет жирной гарью торфа.
Солнце греет мир вдвойне,
Речка плещет влагой синей,
Сосны хвастаются мне
Розоватой древесиной.
Свежий ветер крут и гулок
(Полно, не туманьте глаз).
Мир выходит на прогулку
После смерти в первый раз.*

Глава I

(Первая прогулка по волости)

Всю-то я вселенную проехал...

Песня.

Бойцы вспоминают минувшие дни.

А.С.Пушкин

Рассвет — время пенья птиц,
Время росы и свежего ветра,
Солнце еще на полпути, —
Крупными каплями соловьи текут с веток...
Шоссе, проселки, полевые дороги
Поблескивают щебнем,
Оранжевеют глинами,
Розовеют песками... Не дрогнет
Влажная поверхность трав. Щебетом
Зеленеют кустарники. Воздух липнет
К щекам... Непреложна
Утренняя тишина. Туман
В низинах, в изложинах,
Поросших ольшаником — тьма —
Густое дрожжевое пиво.
Облачко проплыло.
По малинникам, по крапивам
Тропинка, вычерченная крылом
Ласточки.
Ласковая
Даль. Из-за серого
Осинника выплывает курчавое
От дыма ветел Алферьево.
Улица, глаголем,
К реке и к лугу.
Распускается день над полем.
Над будто плугом
Вспаханным берегом Ламы
Разносится сочное шлепанье вальков
По мокрому белью.

Только что проснувшиеся собаки с лаем
Набрасываются на гусей и уток,
Кои шарахаются во все стороны. Легко
Вздывается в высоту небо.

Глухо,
Будто ни разу
Не был здесь.

Деревня, как в забытьи
(Четырехпольем разграфлена округа)
Изредка перекликается с Владычиным
Посредством дружеских зуботычин.
Будто тысячу лет стоят,
Не шелохнутся...

Ни недруга, ни друга

В этих краях —
Мертвы заживо.
Но имеется материал
Для лирического пейзажа.
От рябиновых кущ
На огорке,
От береговых круч,
От запаха махорки
Такое благоденствие,
Что вынь да положь
Мольберт и кисть,
И от бездействия
Хоть всю жизнь
Множь
Поля на пустыри (плюс речка да избышек стан...),
В итоге выйдет такое —
Живой Левитан
Над вечным покоем...
Стоит?

Ну и пусть его!..

Мальчишка на роспусках...

— Чей ты?

Довези до Гусева,
Там собранье ячейки!

Еще издали бьют в глаза,
Упёршись в облака бескрылыми крышами,
Безглазые корпуса,
А выше их —
Лишь небеса
Да флаг.

У ворот — репей,
Покосились старые, —
И лень скрипеть,
Да заставили.
Нехотя поворачиваются на ржавых петлях,
Как бы раздумывая, — петь ли?

Клены огорчены, —
Ржавчина, накипь,
А собеседниками лишь чаньí
Да баки,
Котлы, помятые жизнью, да окна
Дырявые, без стёкол,
Да небо
Намокло
От слез о былом величьи,
Да ругань птичья
В кустах бузины...

А некогда было иным
Время...
 Жил, поживал
Купец Совков
(Жена в кружевах),
Похаживал меж станков,
Пробуя мускулатуру
На смуглых скулах

Рабочих собственной мануфактуры,
От потемок слепых, от работы сутулых...

А в праздник,
На бережку за амбарами,
Небо дразнит.
Старики за бутылкой сидели,
Вспоминая старое,
Бабы сидели,
Чиня прорехи,
А девушки — получив на орехи, —
Пели:

— Купчик
Голубчик
Курчав да румян...

И этакий-то субчик
Похаживал около,
Жирён и пьян,
Поглядывая соколом:
— Мы-ста, в Москвах живали,
В Питер езживали.

Не по вкусу купцу
Пришелся девятьсот пятый:
Как будто бы и не к лицу
Идти на попятный,
А пришлось сознаться, хоть тресни,
Что ежели рабочие недоедают,
То старые песни,
В конце концов, надоедают.
И однажды, хватив
Горячего до слез,
Спели на новый мотив,
Всерьез:

— Купчик
Голубчик,
Даешь восьмичасовой,
Аль нет?

Поглядывал поджаренной совой
Совков в этот день на свет...
И с тех пор в корпусах —
Тишина, и над ними
Полощутся, как паруса
Без ветра, — небеса синие.
И только теперь уцелевшие от пожара
Заселяет веселый народ
Жаром
Песен, поющих во весь рот.

***Выписка из протокола общего собрания
Гусевской ячейки ВЛКСМ***

*По вопросу использования совковских
корпусов собрание*

Постановило:

*Отремонтировать в порядке соц.соревнования
Как можно быстрее (пока не наступил холод),
В будущее же воскресенье
приступить к перестройке
Центрального корпуса для приспособления
под школу*

*Шитья и кройки,
Корпус номер три, что в левом углу
Двора, приспособить под клуб.*

.....

На взлобье, будто на цоколе,
В четыре крыла
Распахнулось Гарутино — ветер встречает —
Спину подставит, щёку ли —
Все равно, радуется, исключая
Февральской непогоды, а впрочем —
Была не была,
А повидала! —
Весело и когда метель над головой грохочет.

Прощенья прошу за лирический зачин,
Гарутину трудно потрафить,
Здесьние мужчины-москвичи —
Все как один работники типографий.
В отпуск,
Выйдя на скат,
Под ласковый говор вод
У берега,
Под песни
Еще молодых,
Вспоминают работники баррикад
Пятый год,
Пресню...

— А много воды
Утекло — поседели,
Стареем — пора на погост...
— Да что ж это, в самом деле,
Неужто не мы это Горбатый мост
Защищали от эскадрона драгун!
— Я сам сотни пуль по врагу
Выпустил из нагана.
Вонзается в разговор,
Тяжелый, как бомба, Ваганов...
Затяжка махоркой и пауза...
— Под небом из ржавых рогож
Шли как под нож
Я и четыре маузера...
Вдруг на углу, там, где киоск
Ушедшего газетчика,
Залп самых ярких звонких звезд
Остановил разведчиков...
Хорошо, что ночь, а фонарь потух
Еще накануне...
 Без сутолоки, без смятенья,
Мы растасованы по подворотням,
И навстречу казачьей сотне

Щебечет оглушительное сердцебиение...
Четыре маузера в поту
Метелью улицу метут...
Вымели начисто,
Выгладили,
Вылизали языком,
А на утро натиском
Смяты,
И отдыхал под замком
По тысяча девятьсот десятый...

Глава II

(Вторая прогулка по волости)

Как у нас в деревне

Всяк одет, обут...

Старый французский романс

От ручейка Быркого,
Что птичий говор, сиречь от Черногрязки,
До Большого Сыркова —
Рукой подать — рядом,
Дорога по тряским
Грядам
Клубничника.
Микуришино —
Россыпи земляники, —
Душистая вышина
Никнет
Перед благолепием окрестностей,
Ливмя-льет птичий гам.
Сообщаю:

В этой местности
Лучшие по волости луга.

Деревня ползет по шоссе,
Взбирается на пригорок, —
Один конец — отдыхает в овсе,
Другой — плавает в горькой
Полыни околицы.

Подоконники крася,
Не то поет, не то молится
Дядя Герасим:
— Сорви, скушай, мой любезный,
Горькой ягоды калины со куста...
Цедит сквозь зубы. Стар,
Как дубовый пень, крепок, что отруб железа.
Весь в волосах, рудо-пегих тонов —

Густой будто роща, в одной бороде,
Без штанов
Можно гулять по базару...
А он говорит:
— Есть еще бородатей,
Чем я, и не такой старый.

Деревню населяют:
Хлеборобы,
Шерстобиты,
Валялы,
Печники —
Мастеровой народ.

Здешний мужик не робок,
А совсем даже наоборот —
Коля Красильников,
Тощий, красивенький,
В городе завалом
Отгрызся от троих...
Они ему:
— Нишкни.

А он им:
— Цикни, — захлебнешься в крови.
Нагрел бока,
Заявил в милицию —
Вот уже три года, а еще пока
И не идут мириться —
В могиле отлеживаются.

.....

Вода Ламы густая,
Что патока — отступает
Перед оловянной
Водой Колпяны.
Чистенькое, будто заново
Выстроенное,

Расположилось Ханево,
Стройное,
У двух рек
Напострое.
Еще первый век
Доживает, а скоро
Скажет:

— Пустое,
Будто я деревня, я город
В будущем.

За деревней по бывшему приволью
Бывшего барона Эллера,
Разливное раздолье —
Поля клевера.
Взмах косы —
Воз.
Слева от полей косых,
За березовыми отростками, —
Совхоз
Федорóвское.

Пятьдесят коров —
Вымена, что квáшни,
Десять тракторов —
На общественной пашне,
Табун на лугу —
Полдень звонок,
Пасутся давным —
Давно
Пятьдесят лошадей и один жеребенок,
О!

Десяти-десятинный сад
Плавно снижается на закат.
Правильные ряды — будто разлинованные,
Зеленые

От солнца навесы...
Сочные, что губы невесты,
Апорты
Ветки вниз
Оттягивают;
Багровый бархат анисов;
Неуклюжие кузнецовские чайники титовки;
Крепкая, как зубы девушек,
Антоновка — вгрызается
Круто настоящим запахом
В ноздри;
Густо шлепается об землю
Важная, раздобревшая боровинка;
Потрескавшийся от солнца аркад
Сахаром сочится;
Вергуль,
Скрыжапель,
Девичья красота,
Коричневые —
Уж так-то забористо пахнут,
Сил нет.

Лобастое черное дерево
Выпуклится булыжниками гранеными —
Белый налив —
Осторожней, пожалуйста,
Не уроните —
Прольется, того гляди.

Огород — парники.
Разносортной капустой
Густо
Заволокло поднёбесье.
Курчавые пудренные парики
Цветной, —
Прямо из осемнадцатого столетья
Посольство пожаловало.

Латук

Дразнит острой-бледнолицей зеленью,
Весь в поту, —
От холодной влаги росы.
Помидоры чистым золотом наливаются,
Солнечными осколками поблескивая в густых
зарослях.

Редиска лиловеет сквозь шерстяные
Листики ботвы.

Пушистые косы моркови —
Всю грядку назад оттягивают.
Упрямые шишковатые лбы брюкв
Безапелляционно настаивают:
— Уж мы-то, послаще редьки.

.....
Через Юркино и Сырково Малое, —
Шилово,
По пояс плавая
В травах кулиги...
Воловьими жилами
Натянулись лучи — вётрами от загара закрылись риги.
А по зарожинам — трактор,
Сдирая кожу с материка,
Бодро, словно по тракту,
Ползет, попыхивая густым
Бензиновым ароматом.
Жирно смасленные пласти
Ложатся, как по линейке, покуда река
Не остановит.

И тогда-то,
Накреньясь на бок, круто поворачивается вспять
Фордзон,
И опять
На три пряди
Расчесывается влажный дерн
Трехлемешным плугом.
Дивится округа:

— Хороши льны
На материковых землях —
Аршин длины,
Без начеса —

Рубль пуд — зелье.

.....
После жаркого дня —
Ветерок полуночи.
Не в силах отнять
Губ
От влажного дыханья.
Выразить не могу,
Как хорошо...
А нос шарит, нет ли чего получше,
И наконец, успокоившись, отдыхает:
Тихохонько трогая кожу щек,
От Мусина потянуло смородой,
Малинниками, клубникой,
Вишеньем.
У здешнего народа
Хозяйство крепкое, лишь колупни —
Кулачье.
(Считаю не лишним
Отметить, — здесь отруба.)
В покос, в пахоть, на бороньбе
Горячо
От пылающих кумачовых
Рубах.
Кулак узнаётся не по бороде, —
По походке,
По речи, — тяжел на ходу, криклив на сходке:
— Да нешто мы против,
Мы — за.
Да зачем политикой портить
Наше хо... — За-
Ткнись, — обрывает в тон
Вожак комсомольской орды, —

Поди-ка, дядя Антон,
Проспись.
А у дяди Антона сады —
От обошника к ригам,
А зовется дядя Антон —
Антоном Фуфыгой.
От голоса его
Звон в ушах,
А сосед у него —
Ефим-железная душа.
Тоже кулак, да какой еще, —
Только глянет и успокоишься —
Свиреп...
Хорошо, что в прошлом году ослеп —
Глянуть нечем.

Глава III

(Деревенский репертуар)

*Все мы песни пирипели,
Про кумарика ни спели...*

Песня в яропольской транскрипции

Ишь ты,
Сыростью с полей
Потянуло. Темно...
Наступает на земле,
Певчая, густая ночь...

Зноем полдня опаля,
Солнце за горы скатилось, —
Отдыхают тополя,
Спит в сухих хлевах скотина —
Жвачку сонную жуя,
В мир небытия не веря,
Бык, дарами бытия
Насладившись в полной мере,
Слушая петушьи пеньи,
Погружается в забвеньи.

Кот на крыше, — тише, мыши, —
Уши востро, хвост трубой...
Поле равномерно дышит
Сном и влагой голубой.
Пахнет клевером и медом,
Небо плавно, рожь густа,
Сельский сторож — лысый Федор,
В колотушку стучать стал.
Кромка зорьки уже... уже...
Семьи собрались за ужин.

У-ух ты, как заливаются,
Воздух накаливая,
Что называется,

Запузыривают, вваливают:
— Наши вужинать садятся,
Сумлеваются об нас:
Где-то буйные головушки
Шатаются у нас.
— Ванька, выходи на вулицу.
— Чичас,
Только повужинаю.

Одиннадцатый час...
Вьюжливая
Гармонь ухнула как из пушки.
Резко перебирая ножками,
Вкалывала частушки
Онька Барабошкина
На пару с Настей,
Пляшет как на смерть.
— Родила ль меня мать,
Под пятницу —
Веселую, гулливую,
Ребятницу.

От Суворова, важно, будто на клиросе,
На глас осьмый,
Выпевают «Коробочку» выученики Козьмы
Регента.

— Смилуйся,
Ронная мать,
Пожалей дочку, —
Не пущай гулять
На всю ночку.
Рожь-лебедя,
Погулять не беда.
Мораль — оторви да брось...
А впрочем, пугаться нечего, —
Наши девушки ни в чем не замечены.
Да и ваши тоже, небось...

А парфеньковских-то ребят
Издали можно узнать:
— В саду девка гуляла,
И кукушка куковала,
Сидя на сухом суку:
Ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку.

Поют ниже, выше ли, —
Не удивишь, слышали.

А вот и новости
Из Буйгородской волости:
— А ты в светлице сохнешь...
Льются давидовские...

Такие ли, бывало, певались.
Вздохнешь да охнешь —
Куда это песни девались?

Время на покой,
Пора...
Летом, когда заря зарю за хвост ловит,
У девушек закон такой,
Что лучше не прекословить —
Резонно о вещах
Судят:
Увы, как милый ни красив,
Но если поутру косить,
Прости-прощай...

Накануне еще отбиты косы, отточены
Лопоточками на пряжках.
Осьмаки разбиты... Очинно
Приятно покосить, особенно первую упряжку.
Вникаешь в характер косы, —
Иная с норовом.
Любо хватить в охотку росы —
Сердце обжигает — здорово!

Солнышком в окошко прозвенела коса...
Кутаясь в сонное тепло,
Собираются будущие косцы на сходку.
Даже председатель сам
Вышел с остатками сна на ресницах.
Торжественно звучит апломб
Дельщиков, ходко
Распределяющих участки (а хорошо спится
На утренней заре).
— На два осьмака отрез
У Лисеевны, да на Песках
На осьмак... Леонцовский скат,
Мордыли, полдни
На всех, а если мало, дополнить
На Макаркине — от плеча...
— Довольно кричать,
Начинай жеребьевку.

Меж двух пальцев зажат картуз,
Глаза внимательны, как железо, —
Прыгают жеребья, что ртуть...
— Косынка — резвый,
Лысый — второй,
Храпы —
Третий.
— Храпы с травой!
Перебивает Митрофан, — зависть
Мучает...
— Крюки — залежь.
— Крюками самая лучшая —
Ни вымочки, ни потравы.
Не торопясь пошел —
По местам!
— Дюжа хороши травы.
— Не прорежешь.
— Не свалишь.

Диагоналями пересечён луг, от резвого,
По залежь...
Порхают платочки,
Курчавятся волосы,
До самой рощи размежёваны полосы, —
С кочки на кочку
Брод. По росе дорожка.
— Пореже.
— Аль невдомек,
Паренек,
Пошагистой, — пятки подрежу.

Два прокосья под свал,
Пора поточить, пожалуй...
Эк отполосовал!
Взвизгивает брусок по жалу
Косы.
Коса жалуется:
— Травы поем — зубы притуплю,
Пески хвачу — снова вывостряю.

Журавлями старики
До реки
Вытянулись. У иного размах,
Будто перед ним дубняк —
роща,
Двухвершковой и толще.
— Малыш, чего обмяк? —
Звонок в селе,
Звони и на лугу,
Косьё-то согнул в дугу,
А ты его пусти повеселее, —
Чтобы в руках
Пело!

Вежливо обхаживают кустики,
Пеньки

Дотошные до точки
Бородачи...

— Иван, поточи
Косу, все жало
Вывернула...
— Ах ты, какая жалось,
Вывернулась
Из-под ног ўтица,
Жирна, как боров...

Восток мўтится
Струйками зноя.

— Этак скоро
И по домам...

Но пока еще трава хоть выжми,
Косы остры, словно глаза вон тех
Девушек, что бегут от брода,
Пока жаворонок не звенит еще,
Силы еще не вышли...

В этакой-то влажной густоте
Ногам легко, будто по небу идут обходом.

То ли солнце, то ли девушки румянцем щек
Обогревают стариков, —
Идут прямо, будто выше
Стали,
Легко
Дышат,
Будто и не устали,
Будто полсотни лет скостили
Со счёту,
Будто только и делали, что косили
Десятины без счёту.
Такого не свалишь с ног,
Хоть волосы на снегах белились.

Взмах...

И уперлись в венок.
Дальше еще не делили.

От рубрах пар —
Соль выступила.
Косы на плечи вскинута.
У девушек полураскрыты губы:
— Поцелуй, милый. —
Бабы попарно,
По старине
(Запоют, так наплачешься).
Мужики в стороне,
Махоркой попыхивая...

Покачиваясь, будто и не тверезые,
Затягивают бабы:
— Что ж ты, моя лучинушка березовая,
Не ясно горишь — горишь не вспыхиваешь...
И про свекровь, и про деверя — все хороши.
Ползут мураши
По спине от такого напева, —
Полегче!
И снова течет над водой:
— Мой сердечный друг далече,
Трудно на́ поле одной!
По капле текут слова,
Есть о чем
Рассказать —
Некогда было целовать
Милого. Эта вот, плечом
Вывозила воза.
Вспомнишь — горит —
И поешь...
— Что говорить,
И молодежь
Растет,
Да песни-то еще не выросли.

Глава IV

(Деревня Шишково)

АБЗАЦ I (ТОПОГРАФИЯ)

*Деревня наша большая –
Девяносто два двора,
Улица наша — широкая —
Травкою заросла...*

Хороводная песня

Словно в водопель приплыло, —
Вода спала и село на мель
Посреди зажорин, лесов да болот, —
Тяжелое, словно камень,
Тот, что лежачий, — под который вода не течет —
Гати, мочажины, бездорожье,
От одного названья такого —
Мороз по коже —
Шишково...

Сто пятьдесят дворов —
Под соломой, под дранкой, под жостью,
На большаке у четырех дорог:
На лесовщину, Ярополец, Волоколамск,
на Иосифов Монастырь...

Сказать по чести,
Последние сто лет не перепахивались пласты
Быта, —
Каляные, быдто
Из-подо льна.
А, впрочем, не хуже других деревня — вся округа
Больша
Была тем же самым недугом,
Так бы тихо и век дожила, да война
За шиворот
Сгрибчила — всю до дна
Вывернула навыворот...

Вот уж бабы поплакали,
Провожая мужей в окопы,

— Так ли
Я говорю?!

Копоть

По небу стлалась
От ладана да от свечей...
Да и пононе осталась
Известного рода усталость...

Молились, постились,
На одном хлебе
Сиживали, а батя, проходя с мешком
По сёлам, говорил солдаткам,
Мол, так и так, что всем не сладко,

— Ты бы, матушка, молебен
Отслужила Егорью...

И дальше, с тощеньким смешком,

Походкою тащился валкой.
А бабы медяки гадалкам
Несли... И ждали... ждали писем...
Но письма редко приносил
Фельдфебель отставной Анисим,
Не имеющий сил,
Чтобы идти на фронт. О бóлестях скорбя,
Покрикивая грозно на ребят, —

— Вот я вас! —

Любил рассказывать бабью

Про турку, что его убьют,
А он кричит: Селям алейкум...
О черноглазенькой Зюлейке... —
А как же, ведь и он любил порой
пристукнуть за девчонкой,
Но, пулю получив в печенку,
Состарился, как в осень гриб, —
И вот, теперь — не до игры...

А вообще-то, поигрывали,
Пошаливали по вечерам, —
Сам видел, некоторые, посверкивая икрами,
Хаживали ночевать
В овины, в сараи к заезжим новобранцам,
А те и рады стараться
Во славу русского оружия...

А поутру снова капали
Слезы на горяч песок, но не застоялись на поле
Ни рожь, ни овес, ни лен —
хлеба сжаты и обмолочены,
Льны выбраны и околочены...

На всех девяти полях
Хозяйничала женская внимательная рука, —
Полной была нагрузка.
В те поры еще земля
Не была разделена по едокам,
Царила узко —
Полосица (что при девятипольном севообороте
Явно никуда не годится).
С утра баба на огороде,
Попьет водицы —
Да в поле, в деревне одни малыши,
Отрада сердца, от чистой души
Наяривают:

— Товарищ, товарищ,
За что мы страдаем,
За что мы проливаем нашу кровь, —
Они там пируют
И деньги воруют,
А мы им посылаем сыновьяв.

АБЗАЦ II (ГЕРОИ)

*И пошел он, братцы мои, по свету. людей
посмотреть — себя показать. Приходит в одну
деревню и видит, братцы мои, люди живут...*

Сказка — «Не любо — не слушай»

Егор Афанасьевич Шкурин.

Честь и место.

Не пьет, не курит,

Не мужик — невеста —

Красна-девица, кругл как шар,

Коротконог. Розовый, что рождественский
гусь лапчатый.

Поднесешь спичку — вспыхнет, растает,
прямо-таки, в чем душа

Держится.

Не чета мелкотравчатым, —

Лезет в дверь, —

Мать ты моя матица, —

Честью клянусь, поверь —

Скажешь: задом пятится...

Глаз — остер, шея — крута,

Бьется хозяйственная жилка —

Так бы вот и прибрал к рукам

Добрососедскую молотилку.

Говорит плавно — не тарахтит,

С расстановочкой на знаках препинанья...

На самой середке деревни трактир

Под вывеской — «Встреча и расставанье».

От начальства почет — ни тяготы, ни неволь,

Разве что деловые разъезды —

Сам Николай Мирликийский

останавливается у него,

Когда странствует по уезду,

И поп и пристав льнут, —

Тянет как детей к «мишкам», —

Еще бы, ежегодно одного льну

Продает на тысячу с лишком.
Пасется как мирской бык на лугу,
Отлакирована кожа —
Нравится ли вам этакий гусь?
Нет. Не нравится.

Ну и мне тоже.

Второму до первого куда как далеко, —
Человек отвлеченный,
Хотя по фамилии — Кулаков, —
А на самом деле — Мочёнов,
Третий сорт, человек-пыль
(За последнее время еще сник никак),
Так что-то вроде философа — бобыль
Из секты древнегреческих киников.
Обгорелый домишка у прудá,
Полеживает себе на боку, —
Живет Василий, не зная труда,
Разве что табаку
Зайдет одолжить к соседу, и снова на кучу
Тальника, за собственной тенью ухаживая,
Да еще сердится, если туча
Солнце от него загораживает.
От волнений и от забот далек,
Соображать даже и то не изволит —
Продав лошадь, купил кошелек,
А на остальные — два пуда соли.
Жена его говорила о нем так:

— Пошел на рынок, покупать беек:
Нужно было на четвертак,
Заплатил двадцать пять копеек
И всю дорогу
Молился богу:
Супруга обидится — растрата!

.....
Как сейчас помню, в детстве хохотал от души
Над материной побаской:

— У Ноя было три сына — Сим, Хам и Афет
(Не тот, что поэт,
Тот — Шеншин).

Кто им был отец? —

Спрашивает.

И отвечает:

— Никита Кузнец.

Этот-то Никита и нравился страшно мне.
Крепок, будто сшит на заказ,
По специальной мерке, на особую колодку;
Прибаутки сыпались с языка;
Лучший работник по околотку,
На все руки мастер —
Землекоп, плотник, кузнец и бочар; —
От одного до другого плеча —
Сажень с гаком. Огненной масти.

Кует и наваривает,

Приговаривая:

— Рыжий от жару,
Рыжий от пожару,
От зноя, от пламени,
От пуль, от камени,
От засухи и от холоду, —
Куй, пока молодо.

Да как вдарит!

Да кувалдой-то в перебор, —
Такой ли веселый разговор —
Особенно после пьянки — рвется из кожи.
Один — у наковальни и у горна,
Чтоб наверстать, что прожил
Легко и проворно.

— Некогда возиться!

Кует топоры, гнет протвени...

Но Никиту угнали на позиции

Служить богу, царю и родине.

АБЗАЦ III (СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ)

«Все святые – добры молодцы»

...

— Мужик, как родится,
Сразу пахать годится, —
Говаривал граф Чернышёв, —
— Вырастет ведь, в отца глот,
Будет на печи отогревать спину.
Добавить отцу тягло́,
Вместо подарка на крестины,
Очень хорошо!

А чтоб мужик протестовать не мог,
Все это, для назиданья,
Скреплялось божественным правописанием:
«Разумеете, языци, и покоряйтесь,
яко с нами бог». —

Подставляй, мужик, плечи,
Конный ли, пеший, —
Все равно дышать нечем,
В воздухе хоть топор вешай
От божественного дыханья!..

А по деревне, как и встарь,
В ходу святительский календарь.
Невпроворо́т
Святых, что нищих в харчевне:
Спиридон-Поворот,
Дарья — навозны проруби,
Василий — капельки,
Герасим грачевник,
Алексей — с гор вода,
Фрол-Лавр — подыми севалку, —
А и подымать-то нечего — пуста, —
Одна лебеда.
Рожь густа —
Будто выдуло ветром:

Колос от колоса —
Не слышать человеческого голоса;
Сноп от снопа —
Коломенская километра.
Нередко
Аксинья-полухлебка
Приходила раньше, чем полагается, —
Народ
Плачется, — как это, по-вашему, господа,
называется, —
Недород,
Недоед, или что-то подобное?
Святой за святым, а потом издеваются:
 Симоны,
 Гулимоны,
 Лентяи
 Преподобные.

АБЗАЦ IV (ПОДЪЕМКА)

*Да наши топоры
Лежали до поры.*

Н.А. Некрасов

К семнадцатому году
Резко сменилась погода.

— Кто за войну?

Цыц!

— За что боролись, брат — цы.

Деревне самой нужны кузнецы,
Чтобы на все четыре ноги перековаться.

— По бабам соскучились?

— Пора!

Ворам

Ко дворам.

Крепки

Грибки —

Частые, как после дождя,

Зачинались обстоятельно, —

Бабы — как сговорились:

— Довольно ждать.

Ребята рождались самостоятельными,

С сознанием собственного достоинства —

Фунтов по пятнадцать...

Держись, христолюбивое воинство!

Девушки и те не хотят отставать,

Понятно, в охотку, — бабы куда спокойней:

— Манька, ай двойни?

— А что ж задаром мараться.

В октябре заново перепахивалась деревня, —

По первым заморозкам, по льду.

С горы видней —

Чего дремлют,

Когда время,

Когда пора, —
Пусти! —
Нечего ржаветь топорам,
Словно одряхлели смолоду,
Сызмала.
Время крепнуть, расти
Сызнова.

Густо засел молодняк
Образца двадцатого века.
Крепки малыши,
Крепыши, —
Семнадцать лет, а в рост человека.
День ото дня
Крепчает,
Впервые понюхав дыма,
Круче, чем старые,
Дыбом
Деревню поставили.
Вернулся Никита, — вокруг юнцы,
И велик и мал —
Все парни —
Все кузнецы.
В сто двадцать кувалд
Разговаривает наковальня.

Глава V (Страда)

*Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют...*

М. Ломоносов

Богатый мир настал...

В. Тредьяковский

Десятиполье — крепко сколоченная семья
Полос — на одного едока — ленточка —
стриженной далеко в ко́су, —

Для чистосортных семян
Тесно — больше соломы с укусу,
Чем зерна с умолота.

Посевная площадь, будто старенькое
Одеяло, в заплатках болот —

Осушить болота!

Выкорчевать кустарники!
Мало! —

Земля просится
На широкополосицу. —
Начинать с паровых земель,
С подъемок,
Свежеосушенных,
И вырванных
У кочек,

Чтобы перепахать к зиме,
Заборонить, выровнять
Межники и борозды,
На скорую руку, живо.
Хряскают спины мужиков, каждая порознь,
Лошади срывают жилы
На корневищах,
На «материке», веками спрессованном,
Погоняемые кнутовищем,

Сонные,
 Будто мухи, возвращаются люди с работ,
Загнанные, с вымученными мускулами, с матовыми
Лицами,
 Даже на латифундиях рабов
Так не выматывали.

С весны каждый вершок, выбитый с бою
Из-под лопатин,
Из-под топора, —
Заселяют густой,
Богатой
Семьей клеверá,
Тимофеевка,
Овсы,
Голубоглазый лен, —
Не хватает ни дождя, ни росы,
Чтобы напоить ростки.
 Крепкий молодой гром удивлен
Дотоле неведомым оравам трав,
Стебельков, листочков,
Побегов, почек
И корешков.

К июню синь
Синеется, не обойдешь пешком —
В день, не оглянeshь
Глазами, раскрытыми нарастешь,
Не вдышишь в удвоенную глубину груди.
Как тимофеевка вызреет
Душистыми помятышками,
Того и гляди осыпется —
Она быстрая.

Клевер пунцовеет тяжелыми соскáми,
Глуша окрестности
Грузным полнокровным медом...

Берегись, дождь канет —
Пропадет, почернеет — прямо из-под косы в копны!
Или пересохнет — ломаться станет —
В сарай, покуда погода.

Лен потерял оперенье.
Звенит поджаристыми маслянистыми головками —
Выбирать время.
Перевязать уютными ручежками,
расставить ловкими
Бабками — пусть погреемся!

Рожь налилась не под силу, —
Поникла —
В лёжку лежит...
Редкому понятно, как красиво,
Когда ни василька вдоль межи, —
Соломка к соломке, — как процеженные, —
В солнце смотрится.

Овсы еще забуреть не успели, нежные,
Подернутые сизовой рябью,
Наливаются исподволь —
капля за каплей.
Грузнеет зерно...

Душно в поле.
Пот солоноватой прядью
Осеняет лбы.
По вечерам,
Когда ни единой звезды,
Когда небеса из голубых
Становятся черными, душными,
Словно поцелуй ощупью, —
Сегодня, как и вчера,
Деревенские коноводы
Опять завели разговор...

Опять, вроде прошлого года,

Топорщится кулачье:

— Довольно колхозом потчевать!

Вокруг припевающих дюжина:

— Не нужно!..

Будто ни у кого

Спины не сломаны, не вытянуты мускулы...

Но утром, как только начнет

Лекцию комсомольская молотилка — растет очередь.

Начинают вылупляться из узкого

Бездарного упрямства бородатые лежебоки.

Зерно провеяно. Прямо на жёрнов.

Даже высокий,

Как скворешня, Василий Токин

Начинает упорно

Поглядывать искоса

Единственным черным

Глазом.

— Нельзя ль присоседиться, в списках-то,

Не для показа —

Настоящие хозяева́.

Молотилка глотает копну за копной,

Отплеываясь зерном.

Токин подумывает:

— Трудно одной...

Вот если бы впятером, —

Вва.

Снова земля упрямо

Требует выхода из тесных, как петля, рамок

Борозд, межняков, межевых ям, столбов

С гербами и без гербов.

Молодежь предъявляет права на власть

(Быстрые, что зайчата), —

Вот бы поработать всласть,

Пашни-то угол непчатый —

Сотни гектаров луговины и мха —

Разбегается глаз —
Всю бы волость перепахать
В одну борозду, под один пласт.
В один амбар — хлеба,
В одно русло — воды,
Из одного котла хлебать
Трезвый нашатырь свободы.*

Заключение

Без эпитафия

*Горячая изморозь. Зной.
Декабрьская полночь с гарниром, —
С горчицей и перчиком.
Кудрявый и рослый, что выездной
Кучер, мороз в чухе на одно плечико —
Пощелкивает как ни в чем не бывало.*

*Ночь отличнейшего закала
Звенит под полозьями.
Храпом и цокотом воздух наполнен до звезд и широко,
Как по небу. Хрупают
Снег.*

*Подморозило
С вечера.
Тяжело оседают под грузом крупы
Буланых и пегих, коротким
Дыханьем глуша месячные поляны.
Волость выступила из берегов —
Потеряла границы, смешалась полями.*

* *Примечание техника по землеустройству:
Недурна тема, неплохо смодулировано,
Приятен лирический дух,
Т.е. напор, — но ведь волость-то аннулирована
В 1924 году.*

И. Пулькин

Волоколамский кооператив;
Московский городской банк —
 Волоколамское отделение;
Райполитпросвет, Радио-база,
Моссельпрома радушные двери,
Площадь, кооперативные лабазы, —
С очередью от Москвы до Твэри —
Самая длинная, что глаза мои видели.
 — Отпирай, принимать пора!

Еще не качнулись весы,
Контролируя грузность прошедшего лета,
А уже в поту бухгалтера,
Счетоводы и делопроизводители.
Выстрелами пистолета
Отзываются счета. Ожидающие
 завтракают рожком колбасы,
Горбушкой дымящегося ситного.
В грассбух ползет за строкою строка,
Иначе нельзя. — Учет.
В лари из мешков маститого,
Более чем Гомер, старика,
Отполированным огоньком течет
Жирное льняное семя,
Звонко падает рожь,
Густо шуршит овес,
В подвал громяхаются клубни картофеля,
К облакам (т. е. к потолку)
Возносятся причесанные куклы льна.

Снова качались весы, снова текло
Зерно, рассыпая дрожь
По полу,
А очередь все еще длинна,
Как отсюда до завтрава.
Хлопались об полы
Красные руки. Кончившие завтракать,

Начинают обедать, площадь окутывается паром
Конского дыханья, пота,
Покряхтыванья мужиков,
Райисполком базаром
Гудит, волнуется — напелтора
Суток отчетов, тысяч корешков!

На площади стон стоит:
— Пора к домам подвигаться.
Снова лошади наизлом
Принимают воза, — масло, крупа,
мануфактура, облигации. —
Грузно, звонко, увесисто повезло...

Вступление

*Хлебá ёдывал из ста печей, —
Был вблизи, глядывал издалека —
На лес, небеса, поля зычные,
На степи, на воды, на облака, —
Сто голов — сто речей —
Разноголосье, разноязычье.
Бают, говорят, растабарывают,
Гуторят, беседуют, калякают;
Щи — шти, чердак — подловка;
Суповая ложка — чумичка — половница;
Чапаны — халаты — армяки — кафтаны;
А людей-то, людей, мил-человек, и девать некуда!
Поспрошай, кто отколь,*

*откель,
откуль,
откели,
откули,
откелева,
откулева,
откудова,
откедова,
откеда,
откуда?*

*Отсель,
отсюль,
оттели,
оттоль,
оттуль,
отсели,*

оттули,
оттоли,
оттудыва,
оттулива,
оттолива,
отседыва,
оттедова,
оттудова,
оттеда,
оттуда!

Наш, нашинский, свой, свойский;
Говори, рассказывай, Расскажи новенькое,
Капсе!

Рязань косопузая, богомаз владимирский,
Московские деловые, самарские горчишники,
Одесса-мама,
Черти болотные,
Тресканые пятки,
Олонцы,
Гравщина,
Ботовщина,
Тигуны,
Шувалики;
Вяцкие — робята хватские,
Семеро одного не боятся,
Двадцать на двадцать —
Давай драться!
Псков-батюшка,
Государь Великий Новгород,
Челдоны,
Задонщина,
Поволжье — всех вер винегрет:
Кулугуры, австрийские, благословенные,
Полукрепкие, крепкие, беспоповцы,
Штундисты, хлысты, бегунцы —
У всякого свой бог, свой Никола, своя богородица.

Ширь-то какая! С высоты Кремля
И то глаз узок!
В горле першит от просторного воздуха —
Широко, как в поднебесьи!
Этакое развесистое пузо,
Голубое, как шарф на девушке,
Как взгляд чистой воды,
Как смех молодых
Разливистое!
Базар — майдан.
Ищи ветра во поле, свиста в кулаке —
Посидел — и айда —
Не догнал, так нагрелся!

Тундра вьюгой засеяна.
Олени, пантовки, лесные массивы,
Озёра, речные бассейны,
Тайга, горные кряжи, просмолённая сила,
Грузно ложится на небосклон — чижало —
Жирная ЦЧО.

Урал поперек дороги на Сибирь лег!..
Волга, Дон, Днепр, Волхов,
Донец, Яик, Десна, Мезень,
Печора, Двина, Кама, Ока, Обь, Енисей, Лена,
Алдан — золотая река, —
Издалека,
Как по ветру доносят звон:
Чусовая, Амур,
Аму-Дарья,
Аральское море,
Хвалынь,
Моздокская степь,
Брынские леса...

Черт, бык и тамбовский мужик
Ведали рационализацией —

Нарезали меж, накроили угодий;
Пустомель,
Пустоцвет,
Пустосмех,
Пустозвон,
Пустобрёх,
Пустоплюй,
 Чтоб те попусту лаять на ветер!

Зажоры, овраги, да йзволоки —
Валялась Русь —
Нехожена, немеряна,
Непахана, неорана;
То есть, хожена — калики перехожие —
От матушки Почаевской
К матушке Смоленской;
Пахана — сохой ковыряна,
Ветром скорёжена;
А мерили:
 Черт да Тарас,
 У коих цепь оборвалась,
 Черт говорит: «Давай свяжем!»
 А Тарас: «Так скажем!»

И поныне в ходу:
 Верста коломенская,
 Правда московская,
 Тульские пряники,
 Тесто калужское.

Пудо — вёрсты,
Кило — метры,
Километры.

В Госплане, на карте, на карточке
Размежёван, —
Районирован,
От присевших на корточки
Гольдов у чума

До городских квартир...
Провода, телефон, телеграф, радиомачты —
Беспроволочное сообщение —
Беспроволочное!

Поровну — словно по ордеру —
Свобод-привилегий,
Предусмотренных конституцией, —
Каждому по надобности!

ЦеКа,
РКИ,
Совнарком,
ВСНХ,
ВЦИК,
Главконцесском,
ОГПУ,
Наркомпрос,
Наркомпуть,
Наркомюст,
Наркомтруд,
Наркомздрав,
Наркомторг,
Оргаметалл,
Инженеры,
Статистики,
Техники,
Чернорабочие,
Инженю,
Землекопы —
СССР!

С высоты Кремля,
Чтоб лучше видеть круговращенье
Событий, дел, вещей,
Гляжу, как из окна —
Земля?

Земля!

*Колумб с мачты —
Горизонт озираю:
Густая влага маяты —
Плывет земля сырая, —
Потная, влажная,
Плотная, важная,
Добрая*

Лошадь

*Из системы Сириус
И компания.*

*Отсель грозить мы будем миру
Спокойствием и тишиной!*

*Посмотрим хозяйство,
Пройдем по полям,
Пощупаем воздух,
Послушаем птиц, тополя,
Заводы...*

*Мир сшит на новый покрой —
Узки объективы Цейсса —
Лирика берет под контроль
Производственные процессы.*

8/III – 9/VII 1930

Раздел I

Москва

С Ломбардских высот
Восемнадцати башен
Кремля —
Мир как на ладони —
У ног,
Красочен и высок,
Не страшен,
А глаз тонет!

Но глянешь шире —
На дно,
Где единственный в мире
Распускается город,
Куда ведут
Все пути, —
Большой —
Ни объехать, ни обойти
Мимо.
Хорошо,
Но тесно, не разойтись с милой, —
Площадь
Перейти —
Руку через стол
Протянуть...

На глаз, на вкус, на ощупь
Незаменим, как та,
Что взглядом проще
Других с лица.

Как сто
Ворот,
Закрытых наглухо,
Как сквозь крыш,
Что поют на ухо

Московским ветрам —
Он дышит с ней заодно,
Он дышит ей одной!

Как ночи мокры
Под сенью
Городских звезд,
Как плотно накрыт
Сединой!

Разбегается каруселью
Концентрических колец...
(Любимая, одним-одна!)
Расположился в истории
Из конца в конец —
До дна!

Кремль,
Китай-гóрод,
Бéлый город,
Земляной вал...
Дыша допотопной отрыжкой,
Распространяется Москва
В тупиках:

У Николы на Кочерыжках,
У Троицы на Капельках,
У Покрова на Крови,
У Спаса на Болванах,
Николы на Щепях —
Кочерыжках — большого креста;
В Садовых,
Садовниках,
Гончарах,
Швивой горке,
Таганке,
Обоих Басманных, —

Вдоль плавных,
Как небо, отрогов реки.

Выкрикивают анафему Пугачеву,
А за ектеньей молятся сугубо:
И от нашествия галлов
Нас охраня!

Замоскворечье по зимам приходу —
Расходными книгами обогревается,
Зарядье по вёснам от нашествия галок
Никуда не девается,
И так же до́ крови нацелованы губы
По подворотням,
Как тысячу лет назад,
Так же смотрят в глаза
Любимых
Бесповоротно!..

III

Шатрами семнадцатый век:
Столпообразный,
Теремный,
Апокрифический, —
К окраинам замедляет бег,
Обрываясь логически
Земляным валом...

Осьмнадцатый — классический —
Монументальный,
Преимник барокко,
Век вольностей дворянских, уложений,
Вольтерьянства и взяток,
Масонства, фаворитов, кутежей и оброков...
Отсель разбежался Баженов,
Чтоб спрыгнуть с ума;
Отсель размахнулся во весь горизонт

Кзаков...
Д' Жиларди,
Кваренги,
Антропов...

Как бог свят —
Свят
Сенат
И закон,
А то бы
И дышать нечем!

Однако Радищев
Проездом в Москву —
Очутился в Илимске,
Однако у Новикова плечи
Вывихнуты,
Бит кнутом у Ильинских
Ворот первый поэт из крепостных...
И все же под крылышко богоспасаемой Москвы
Уходил Тредьяковский от ласк
Государыни —
Подальше от всемилостивейших глаз...
Не забывал, как видится, и он —
С глаз долой — из ума вон!

Невкусно пережевывались годы...

И как сейчас я помню —
В тысяча восемьсот втором,
Благословенному в угоду,
Из пудры московских зим
Возник исторической одой
В честь матушки Екатерины — Карамзин...

IV

Я опускаю Павла, как нуль,
Не имеющий смысла
В исторических звеньях — числах...

На эту Москву,
Прилипая к окну
Идиллическим оком,
Поглядывал искоса — боком —
Иван Иванович Дмитриев,
Тот самый, который стонет,
Который сизый,
Который голубочек,
Тот самый, который у Симонова вместе с Лизой
Источал слезы...

— Довольно, вытри их!

— Потихе, товарищи, не очень!
Ведь еще Пушкин не заикался
О том, что:

— Проклятье, меч, и крест, и кнут!

Еще и Ширинский писать не закаивался,
Еще освященный гисториографом кнут
Посвистывал на стогнах столицы,
О чем узнаём лишь дыша и читая,
Еще фельдъегеря мчатся
В Париж и обратно,
В пеленках Чацкий,
А Петр Чаадаев
На поле ратном...

Помилуйте, к лицу ль нам эти лица?!

V

Когда вдоль опрокинутых витрин,
Навстречу медленно текущим тротуарам,
Живая кровь предместий, тупиков, окраин
заводских и фабричных поселков хлынула, —
Пой, зевай и смотри
На всю эту прелесть!

Рослые великороссы,
Расшитые украинцы,
Черемисы,
Марийцы,
Евреи,
Чуваши,
Раскрашенные под скульптуру узбеки,
Казахи,
Белорусы,
Татары,
Грузины —

С Пресни,
Хамовников,
Улицы Баумана,
Трехгорной,
Мимо Николая Хлынова,
Пошатывая мосты,
Дома раскачивая,
Опрокидывая небеса,
От ротационок,
Форсунок,
Мартенов,
Вагранок,
Ткацких станков,
Кузнечных горнов,
Сверлильных,
Долбежных,
Строгальных,
Фрезерных,

И прочих, и прочих, и прочих
Станков!

С утра, спозаранок,
Заполняя озёра площадей, улиц артерии
Песнями,
Взглядами,
Скрежетом подошв,
Топотом каблуков, —
Пролетариат,
Стиснутый с боков
Домами!

— С праздником, Москва!
С первым маем!
Здоров-живешь,
Кого жмешь,
Кого жалуешь?!

Так, трудовую копоть смывая,
Ежегодно выходишь из берегов,
как кто-то обмолвился на прошлой неделе:
— Даже и Москва-река подумала, что она река
на самом деле!

Речушка,
пухлая, что в ростепель купчиха,
Спокойно катится, облизывая губы,
Лоснясь жирами, нефтью, олеонафтом,
Поплёскиваясь тихо-тихо
В бетонных раструбах, посасывая трубы
Водостоков, —
Толчется бёз толку,
А ей бы масло пахтать,
Ворочать жернова,
Быть гидродвигателем электростанций,
Чем попусту врястяжку жировать
И дожидаться стансов.
На улицах крепчает шторм...

У тридцати ворот
Все шлюзы подняты
 Пречистенских,
 Тверских,
 Арбатских,
 Мясницких,
 Сретенских,
 Серпуховских,
 Калужских
 И Покровских —
Сплошной водоворот!
Знамена под ветром!
Сияет горизонт, хоть здорово затаскан
По праздничным и юбилейным дням
 Никольских,
 Яузских,
 Никитских
 И Петровских —
Как в толчее!
 У Иверских —
Нельзя руки поднять,
Чтобы приветствовать любимую,
 идущую навстречу!
Волна голов под вывески, —
До фонарей!
 На плечи
Опирается небо!

У стен, выдавших
Виды в прошлом,
Стоявших
Под пулями и под порошей,
Встречавших друзей и недругов, —
Река дробится на два рукава!

Крестам икается:
— Зачем без колокольных звонов,
Без ладана?

Здесь, с места Лобного, словно с амвона,
Великий патриарх гнусавил литию,
А впрочем, ладно, —
Наперекор всеопределяющему бытию
Идти не следует!..

Пожарский стиснул меч —
Опять нашествие?..
...Но меч в руках немеет,
А Минин отодвигается левее.
Мечу икается!
И бронзовое плечо
Окостенело от постоянного упора в щит...

С Болотной площади бродяга Пугачев
Идет, в пропахших ворванью и дегтем сапогах,
Нескладно скроен — крепко сшит,
Широк в плечах и крепок на ногах!

К шести часам спадает ледоход...

VI

Вот и вечер.
Веселый ряженный,
Вдоль улиц плавая,
Сигнализирует пламенем
Встречным и поперечным.

А звезды-то из каждой скважины
Топорщатся, словно глазки из-под капора.
Луна первомайская — алая —
Налилась до отказа
Неопрровержимым великолепьем,
Как бы благословляет влюбленные пары.

Приятно для глаза
Освещение витрин,
И в каждой,
Только всмотришь,
Каждый,
Томимый жаждой
Видеть, найдет что-нибудь такое,
Что может обрадовать, успокоить.

Пжалста —
Во всю растопырь
Туз в цилиндре —
Готовый проглотить мир;
Хорошо, что не у меня в квартире
Расположился становищем
Этот международный вампир!
Не хочешь, да остановишься,
Тем более, что тут же,
Насупротив,
Живой прототип,
Столь же брюхаст и пышен,
Стоит и тужит
О падении нравов.

Ипритом пышет

На каждый штрих, подергивая острой бровью...
А нам-то начхать на все ваше благоустройство.

VII

Отбросивши бульвар, как плащ,
За плечи, озирая площади пляж,
С улыбкой, с бронзовым поклоном
Стоит незаменимый Пушкин,
А около прогуливают болонок
Чахлые старики и старушки.

Им дела нет, что ты деканонизатор,
Убивший «поэтический» язык,
Что, от Державина спустившись на низы
Базарных площадей, трактиров, кухонь,
Увидел, как слова, вчера родившись, умирают
завтра,

Что нужно архи-поэтическое ухо,
Чтоб уследить густое колебанье
Геологических напластований языка.
Презреньем полные к неграмотности Васек,
Они пришли, глазают на закат,
Мечтают о грядущем дне;
Им наплевать на то, что Пушкин ты иль нет, —
Для них ты просто классик,
И этого достаточно вполне.

Они ответили бы криком: «Радстараться!» —
Когда б нашлись готовые тебя поднять
Как лозунг против демонстраций,
Против строительства, против Советов,
и понесли б как знамя,
Против диктатуры пролетарьята, против
сегодняшнего дня,
И против нас, и против тех, кто с нами!

.....

Поэты стаями — плотва в омуте,
Ерши по камушкам, пескари у брода...
— Иван Иванович, вы помните:

Поэт,
не дорожи
любовию
народа?..

Всяка штука нараспев, —
Поэтическое пыхтенье!
Куда как интересен рассвет
С точки зрения светотеней!

Поэтика — строга,
Точна как математика...
— Александр,
недурно звучит ямбическая строка,
Начатая проклевсматиком!

Ну ж был денек! Разные разнообразия
Ошпаривали варом!

Взяв курс на Тимирязева,
Плыву Тверским бульваром...

Опять двадцать пять! Огонек!
Двадцать окон во все глаза. Остановка.
Не справляюсь с сердцем.
Раздумываю, не глядя на ночь, —
Дома ли сегодня Герцен —
Милейший Александр Иванович?

Зал залит светом.
Сколько ламп
Манят меня приветом.
Скорее, пятистопный ямб,
Я без тебя бессилён!

Где там!..

Где лиры звонкой плавные напевы,
Способные пленить, как прежде, свет;
Мне был бы кстати бронзовый сонет,
Которым нынче пишут даже девы;
Но для сонета где мне рифм набрать? —
Итак,

скажу словами песнопевца:
«Из мелкой сволочи вербую рать!»
Не обессудьте, Герцен!

Шумнодымно, как в кабаке!
Сколько близких, знакомых, любимых; сколько

Пора на покой, пора под крыло
Любимых, единственных, дорогих,
Пока подвыпившей луны мурло
Вконец не испортило состоянье!..

Теперь и я у той,
Чьих глаз сиянье
Обволокло поволокой, —
Как жизнь на всю жизнь одна!
У простой,
У понятной,
До самого дна
Прозрачной, как ручеек —
По щебню,
Рядом с которой ничего
Не понимаю,
Кроме щебета
Губ любимых,
Любимых рук
Да облаков, проходящих мимо.

Как пить дать,
Любимой в угоду,
Ни дать, ни взять
С камнем в воду —
Бросался, очертя голову,
В поэтический омут,
Чтоб петь, как никому другому,
Переплавливая словесный лом — слово
В золото поэтического ряда,
Торопя рифмой речь...
Но ради того, чтоб рядом
Опочить лечь —
На плечо —
Единственная пристань, где не печёт,
Не пылит, не кропит дождь, —
Обрывал многолетнюю связь с Музой,
Которую в дрожь

Бросало от зависти, которая,
будучи недовольна мужем,
Апеллировала к современникам...

.....
Очнулись осторожно,
чтобы не потревожить рассвет,
Не спугнуть его пенье,
Чтоб не свести на нет
Кипенья
Зари.

Она исходила паром с ложбин,
С набережных, каналов, огородов, парков,
С прудов, с отдушин Неглинки...
Тише, любимая,
не обожгись
О краешки губ жарких!

Слова слетали пухом, пылинками
С лепестков утра раннего,
Чуть ощутимыми остатками сна
Со щек...
Безконцабезкрайняя
Весна
Только назревала еще
Тихими событиями нег,
Любви сладчайшим цветом,
Поцелуями во сне...
Но время.

Простимся на этом!
— До завтрашнего полудня.
— До завтра...
— До за...
Поцелуем оборвана фраза...

Конец ночным плутням
Луны непутёвой!
Прозрачной, питьевой
Волной хрустальной ясности

Шел день.

Из книги путевой

Выписки.

Предаю гласности

Самое нежное, любимое самое,

Самое тайное тайных —

Не ощущаемое, невесомое —

Детали почти случайных

Обмолвок, недомолвок,

Обычных при расставаньи.

IX

Улица встречает

Прогнутыми плечами

Заново крашенных крыш,

Лесов рощами...

Трамвай, как встрепанный — кыш! —

Нырнул в бульвар с площади...

День от нее в двух шагах через мост —

За бырками струями, обмывающими устои —

Прямо на бережку — во весь рост

Стройное, внятное, густое —

Неразберипоймешь!

Путаницу рей,

Фашин, тесин, фанер,

Лафета, балок, двухвершковых досок

Процеживают зрачки фонарей...

Зари обжигающий сок

Течет по сходням! —

Поставляется по сходной

Цене — задарма,

Прямо с небес.

(Надо же обогреть дома!)

Стройные леса лесов.

Тончайшим кружевом в воздухе —

Тем более, что небо от стройки
становится багровей...
Но мне было уверенней, когда ты рядом!

XI

Люблю грозу в начале мая!
Обмоет корешки у трав,
И, небо выше подымая,
Прозрачными сделает утра...

Утро — свеженькое, что овощ с грядки,
Душистое, хрупкое, прозрачное, повторяю:
сквозное,
После влажной ночи еще в беспорядке,
Пухлое.
Лишь потом, поджаренное зноем,
Расцветет оно в день,
В яркое благоуханье,
Когда и заурядная тень
Расценивается, как благоденье.

Четвертое мая.
Ночь отодвинулась на запад,
Цепляясь за крыши, за деревья, —
Умываются стены и тротуары,
И пробивающаяся из трещин трава,
Возносящая густой, цельный как молоко, запах
К свежевыглаженным небесам...

Широко — вдох,
Широко — выдох, —
Дышит просторно город.
Из четырех стен
Через сердце выйду —

Прислушаюсь...
Толчками к горлу
Подступает воздух —
Плотный,
Прохладный
Как полотно,
Ладный.

Вздыхая —
Первую лопату антрацита в раззявленную топку
Вонзает кочегар.
Вздыхая —
Будто мускулатуру размять,
Поворачивается маховик.
Плавно начинает штопку
Тугая передача,
Переливая собственный бег
На шкивы.

Что было, —
Когда
Кран, как на экране, важно,
Не сгибая спины, захватывает в горсть
Лом,
— Полторы тонны!
Что было —
Когда у мартенов ажно
Дух занимает — горячо! — Жар!
Что было, —
Когда под почти что прямым углом,
Автомобиль, словно из-под ножа,
За углом
Тонет.
Что было, —
Когда горячее сердцебиенье топок,
Размеренное постукивание молотов
Вмешиваются в машинный топот,

В трамвайное позванивание...

Молодо

Окрик:

— Свороти,

Браток, перестилка пути!

— Почтенный булыга,

Не толкайтесь в подошву —

Будет асфальт!

Лежишь, чай, с тех пор,

Еще когда:

— Подвинься, государь! Я здесь лягу. —

Так ведь Петра осадил стрелец,

Ложась под топор!?

Сквозь ливень улыбок

Солнце (Хорошо и дешево!)

Прогуливается под пролетарским флагом.

Москва!

Только в твоих объятьях,

Как в люльке,

Как в зыбке,

Как в качке,

Сердцу покойно.

Не чувствуется проклятий

Международных акул.

На западе стачки,

А, глянь, через год — на боку,

А еще через год — проволокут

На свалку,

Где уже не один десяток корон

Валяется вповалку.

Однако, мир богат еще этим добром!

Пустое,

Что Запад

Поет про устои!

Горой вздувается Завтра,
Не в пример Западу — густое.

У нас — если даже задышит
Все небо кузнечным мехом,
Подыдем еще выше
Процент выработки —
Нам не до смеха,

Нам мало —
Нам надо обуть-одеть
Шестую часть мира!
Даже если б валила валом
Продукция
Из-под станков, —
Найдем куда деть!
Мы вскармливаем Революцию,
А ребенок таков,
Что через годок
Собственная мать не узнает:
Крепыш,
Выкормыш!

Москва!
Ну и путь
У тебя за плечами!
Однава дохнуть,
Что ежели днями и ночами
Двойной широты считать, вымерять, множить,
Пробегая реестры историй,
То и то
Можно вылезть из кожи
И все-таки не переспорить!

От стен бревенчатых, от тесовых поветей, —
До железобетона;
От Юрья Долгорукого — до ВЦИКа,
Почти что тысячелетье —

Восемьсот лет с гаком,
С хвостиком,
С залишком, —
Не сдунешь с ладони, не цыкнешь, —
Ее охраняют крылатых стаи,
У нее дети

С Оби, Енисея, Волги, Иртыша, Дона
Придут, пятилучьем блистая,
Встанут, как стены, как вал,
Не сморгнут бровью, —
Слышишь,
Москва, —
Умереть за твое здоровье!

Москва — город с миру по нитке,
С нации по кирпичу, —
Ту Немцы и Венедици,
Ту Греци и Морава...
А город —
Никаким
Наводненьем
Не смыть!
А говор —
Одним
Удареньем
Перемещается смысл.

Меня этот говор выкормил,
Вынянчил, —
Попробую выкроить
Нынечи
Десяток примеров
Для тех, кто не ймет веры:

Возок. Возка. Вózка.
Дружок. Дружка. Дрúжка.
Белок. Белка. Бёлка.

Бочо́к. Бочка́. Бо́чка.
Сук. Сука́. Су́ка.
Сучо́к. Сучка́. Су́чка.
Точо́к. Точка́. То́чка.
Жучо́к. Жучка́. Жу́чка.
Стрело́к. Стрелка́. Стре́лка.
Поло́к. Полка́. По́лка.
Пушо́к. Пушка́. Пу́шка.
Плужо́к. Плужка́. Плужка́.
Ложо́к. Ложка́. Ло́жка.
Куро́к. Курка́. Ку́рка.
Коробо́к. Коробка́. Коро́бка.
Казачо́к. Казачка́. Казáчка.
Козырёк. Козырька́. Козы́рка.
Носо́к. Носка́. Но́ска.
Пято́к. Пятка́. Пя́тка.
Сторожо́к. Сторожка́. Сторо́жка.
Сосо́к. Соска́. Со́ска.
Чаёк. Чайка́. Ча́йка.
Смычо́к. Смычка́. Смы́чка.
Вило́к. Вилка́. Ви́лка.
Кружо́к. Кружка́. Кру́жка.
Мило́к. Милка́. Ми́лка.
Голубо́к. Голубка́. Голу́бка.
Землячо́к. Землячка́. Земля́чка.
Мужичо́к. Мужичка́. Мужи́чка.
Тычо́к. Тычка́. Ты́чка.
Ломка — Ломка́.
Липка — Липка́.
Тря́ска — Тряска́.
Бойка — Бойка́.
Ва́лка — Валка́.
Вя́зка — Вязка́.
Зы́бка — Зыбка́.
Ме́тка — Метка́.
Колка — Колка́.
Пла́вка — Плавка́.

Рэзка — Резка́.
Хва́тка — Хватка́.
Чётка — Четка́.

Или еще хлеще,
Как пойдут бабы счёты сводить,
Так умереть легче!
Некуда деваться —
Приходится сдаваться.
Что два девяно́ста, что четыре с половиной сорока́ —
Те ж 180.
Что четыре девяно́ста,
Что девять сороко́в — одно́,
Пол-пята́ сорока́, что два девяно́ста,
А пол-пята́-ста́, что пять-девяно́ста,
Те ж девять сороко́в с девяно́стом.

А сколько про Москву наговóрено,
Живут поговорки и посе́йчас:
Бей в доску́,
Поминай Москву!
Московская правда!
Московский час!
Москва слезам не верит.
Москва обманет.
Обвесит.
Обмерит.

Неправда!
Московская правда,
Не та, что в Париже, —
Москва
Верит слезам ходака,
Не видно издали — подойдет ближе —
Москва и легка́ и ходка.
Москва
Опла́чена нашей кровью, —
Встала во всю широту небес,

Москва,
Умереть за твое здоровье,
И жить, и петь о тебе!
Наш говор плотно присобачен к быту —
К вещам, событиям, к перемене власти,
К едва заметным отклонениям от нормы, —
В поступках, в мелочах, в лирических ошибках...
Понятна разница в произношении:
Глупо́й и глупый, са́жень и саже́нь, —
Мы говорим: на са́жень в землю видит;
Он отлетел на це́лую саже́нь.
Мы говорим, что небо высоко́.
Лес — отбежал далеко́,
Темно́ грядущее, —
Любимая же — далеко́,
И тёмно на́ сердце,
Хоть солнышко еще высо́ко.
Я милую балу́ю,
Она меня жалеет, ба́луя;
Жизнь де́вичья,
Убор — деви́чий;
На западе — гражда́не, гра́ждане в СССР;
Великий Петр — был де́спот, Николай — деспо́т.
У партии — громо́вый голос.
Удар ее — что громово́й удар!
Милый, придешь ли?
Мило́й, далеко ль до соседней деревни?
И каждый по-своему сможет ответить:
— Недалеко́!
— Недалёко.
И ласково скажет москвич старожил:
— Недалёчко...

1930–1931

XII

Тверская.
Асфальт...
И разбег — шире некуда!
От Триумфально-Садовой
К заставе —
Катись на боку,
Будто отлакирована.
Триумфальная арка —
Статуя победы,
С венком,
Шестернёй,
Крылатые кони.
Подумаешь, цаца, —
У нас автодор, —
Догнать и перегнать...
Над площадью
Будто
— Тише! —
Рука.
По площади —
Будто вышит
Говор — изблизка, издалека...
Черный пиджак.
Вот только сейчас будто
На трибуну вышел...
Локоть прижат, —
Минута...
И скажет:
 — А как тароват
 на мысли. —
— Товарищ, учись торговать.
Я слышу, как сзади рокочет:
 — Да мы с ним!..
Так было — выходил и стягивал в узел
Событья и вещи,

XIII

Вокзал —
 Базар под стеклянным куполом.
Бог ты мой,
 Как невыразительны лица,
За исключением бабы —
 Суплашенный кубовый
Сарафан в растяжку.
 Приезжие девицы
Подтянуты, что голуби, —
 Я вас купил, а вы не воркуете!
Ентой мама приказала,
Так как трудно без отца, —
Прямо не сходя с вокзала
Вытить замуж за спецá...

Вокзальные тропики в полном великолепии!
Пыль от пальм — словно на божнице у соборной
просвирни,
Аль бо у знахарки...
Стены пестрым-пестры:
 От расписаний,
 Реклам
 и географических карт...
Билетной кассы мутный одинокий глаз
Отстреливается картоном билетов и плацкарт,
А также звонкой мелочью
Меди и серебра
Нежелательных сдач...
Муха аж взвизгнула — обожглась
О высоко-сиятельное бра.
Совсем по-птичьи, по-девичьи
Перебирая губы,
Некая мадам справляется об удобствах дач
В местах не столь отдаленных.
Резные скамьи из дуба

Поскрипывают под грузом
Провинциальных сахарниц.
Перронный автомат, неизменно
Зеленый,
Неизменно
ассоциируется с идиотом,
Хранящим неиссякаемый запас
Неизменно —
Низменных
— Так точно-с,
Ваше степенство!..
Буфет желает разорваться на части,
Чтоб угодить приезжим.
— Па-ачтём за-а счастье
Угостить свежим
Пивцом!
То ли шурин с зятем, то ли сын с отцом
Закусывают водку
Трижды пережеванной селедкой...

И подводя итог:
У всех, кто сюда стеклись, —
Ни настоящей жизни, ни настоящих лиц.

XIV

Но день
Отодвигается в тень
Часовой стрелки
И заводского гудка —
Солнца звонкий дукат
Тускнеет.
Под свежей побелкой
Являются штукатуры.
Отфыркиваясь пылью кирпича,

Будто небесной кубатуры
Мало, теснясь и грохоча,
Вламываются каменщики,
Внося на плечах
Свежесть и высоту горизонта —
Крепки, высоки, плечисты...
...А дальше, —
 Тучи черней
И непроглядней — металлсты:
Прожженные всем зноем всех огней —
Литейщики;
Еще с дыханьем пресса в ушах —
Штамповщики;
С непомерно развернутой грудью —
Прокатчики;
Копченые в дыму горнов отцы
Семейств —
Кузнецы;
Каленые и жилистые —
Молотобойцы.
...А дальше, свежее — засиверило —
Древообделочный цех:
 Люди на запах, на оцупь
 Различают древесину,
 От дуба
 И груши
 До палисандра,
А это не проще тощих
Певцов,
Коиx октава от нижнего «до» и до верхнего «си»...
 Зеленоват — устал —
 Текстильщик,
Дожевывает жвачку —
Печатник,
Сутулый, — харкает гартом —
Наборщик,
Рыхл, водянист —

Хлебопёк,
Вытянут —
Химик,
Согнут —
Кожевник.
Короче, —
Хозяин города намерен отдыхать;
Короче, —
Рабочий — за́ город;
Короче, —
Человек. —

Поэт,
Вы
Зазнались!

А это,
А эта,
А этот?
Усталый взгляд, рука за газетой —
Расштан в ногах,
лысый на зависть...

Это связка профессий,
Продумайте, учтите:
Писатель,
Профессор,
Газетчик,
Учитель,
Машинистка,

Бухгалтер, —
Короче, —
Служащий — на отдых, —
Короче, —
За́ город, к цветенью, —
Короче —
Человек.

Москва-товарная —
Совершенно горное

Течение:

Фактур,
Накладных,
Продуктов,
Товаров...

И никакой воды
(Что еще почтенней
При нашем богатстве-бедности!),
Исключительно отварная, —
В кипень — клокотанье темпов.

Совсем было нас
Наш век настиг,
Да начал отставать,
Так что,
Изволите ли видеть,
Никак не согласен умирать —
На фоне такого исключительного момента,
Да в этаком-то виде, —
На правах асоциального элемента.
Простите,
Я занят,
Мне некогда,
Мы растем.

Вы не согласны?
Ну тогда бывайте
Здоровы,
Вкушайте с маслом хлеб!

Вот Вы,
Величественный обыватель,
Благословивший в свое время НЭП
Как избавленье от тягот борьбы,
Ожидали —
В быту
Заведутся клопы,
Для уюта.

И вдруг
Взрывается быт,
И ветер волнует над ними ковыль —
Это над клопами-то —
Пыль,
Прах,
Смрад, страж.

И вы готовы
перекочевать
В задумчивость нирваны,
В небыль, —
— Ах, только бы не ночевать
С революцией под одним небом!
Вам гнусно, точно в пустоте,
Сердца трепещутся по-птичьи, —
Так как Революция встала во всей наготе, —
Сиречь во всем величьи.

Небеса заполнены нашим ветром.
Встают верстовые столбы — годы.
Мы снабжаем вселенную —
Всем, что дают наши недра,
Солнце,
Воздух,
Воды.

По-вашему — пришла беда —
Раскрывай ворота;
По-нашему —
Мы уплотняем года,
Делаем прекрасные обороты.
Экспортируем:

Спички,
Табак,
Папиросы,
Горчицу,
Целлулойдных девчонок,
Конфеты,
Галоши,

Холстину,
Лапти для исключительно русских в Париже.

Импорт:

Машины!

Экспортируем:

Мыло,
Шоколад,
Масло,
Говядину,
Яйца,
Щетину,
Зерно,
Стерлядь с Волги,
Осетрину,
Икру.

Импорт:

Машины!

Экспорт:

Грибы,
Виноград,
Водку (для исключительно русских),
Резину,
Лес (вот как!).

Импорт:

Машины!

Всё за машину!

Мы экспортируем:

Уголь,
Нефть,
Наш крепкий,
морозный,
свежий,
острый
воздух.

Импорт:

Машина!

Всё за машину!

За право ответить тем, кто
Сердечно обожает томность,
Оглохшим от музыки жгучих темпов,
От тонов, исчисляемых в тоннах.

Поднявшись над уровнем гроз,
Над головой гремучего столетия, —
Стала Революция во весь рост,
В полном великолепии!

XV

Любимая,
Радость —
Подруга —
Товарищ —
 Дай руку,
Крепче держись!
И с высоты упругой
Вот этой метафоры
Глянь на жизнь!
Вот она расстилается у ног,
Крепкая,
 Прочная,
 Молодая.

Вслушайся,
 Ревновать не стоит, —
Для меня ты и она — одно; —
Желаю:
 Жить,
 Любить,
 Жить-любить-строить!
Даже
 Раздетым,
 Разутым,
 Хотя бы надламываясь и голодая.

Полощется небо у сердца у самого,
Плакатом, зовущим в бой —
За драку, за стройку, за жизнь,
За мир, оснащённый заново,
За право тобой дорожить.

Пусть бьущее жизнью, любовью, кровью,
Сердце твое поет:
— Москва!
Умереть за твое здоровье,
Жить за счастье твое!

||

ПОКОСНЫЕ

Эх, люблю я деревенские места,
Луговые сенокосы, — красота!
Ходят косы по прокосам
Полосы.
Девкам босым
Чешет косы
Ветерок из-под косы.

Полосами за косцами
Ходят грабли там и тут;
За косцами — молодцами
Подгребут.
Что-то скоро уставать стала рука?
Видно, косы притупились слегка.

Тупы очень —
Мы отточим
И — опять...
Эх, и сена накосили,
В стог высокий не сметать!

Травы выше.
Что за росы
Вдоль прокоса!
Не кричи,
Так и знай, что не услышит;
Больно косы горячи.

Парни в силе:
Накосили

Сена в день не увезти.
Девки маялись, старались подгрести.

Хорошо косою утром размахнуться от души.
Эх, покосы по откосам хороши!

ПРИКАЗ *(сокр.)*

Мысли призывника.

Увидел! И сердце ударилось в транс,
Дороже всех обещаний:
Первого десятого, к десяти утра,
Явиться с вещами...

Так, значит, и я отдохнул, и опять,
И снова к винтовке поближе.
Ясен приказ, как пятью пять,
Ясен и насухо выжат.

Ведь даже не голос, не сталь, бумажный!
А сердце отчаянным туром.
И сам стал упругим и важным
От этой литературы.
<...>

Чего боюсь.

Боюсь одного, одним не доволен, —
Сердца не нравится мне перебой:
Ну-ка доктор скажет, что болен,
Негоден,
По чистой.
Не выдержу бой?

И снова придется с газетной страницы
Удариться в песенный гам.

Ведь я же могу, встав у границы,
Грудью встречать врага.

Мне ли, с моим разворотом
Упругих, как железо, плеч,
На место собачье — к нашим воротам,
Чтоб тыл караулить, залечь?

Я ж не какой-нибудь тощий приказчик,
Не из канцелярии крысиная вонь,
Нет, как хотите, я самый подходящий,
Чтобы пойти под огонь.

Доктор, ты смеряй, будешь доволен,
Я ж молодец совсем!
Я даже тифом не был болен,
А тифом переболели все.

ПАРА ТЕПЛЫХ СЛОВ ПРО ОСЛОВ

Загуляли наши парни:
Получили денежки,
Поищи поди угарней! —
Плачут наши девушки.

Слов не выбросишь из песни:
Как с завода драпали,
Были пьяные, на Пресне
В доску исцарапались.

А еще скажу, пожалуй,
Побожиться я готов,
Лежит в МУР'е куча жалоб
От собак и от котов.

Раз спросил — где братцы были,
Чем занимались?
Водку пили, стекла били,
Словом развлекались.

Эх, берет меня забота:
Из беды кто ж выручит,
Кто парней возьмет в работу,
Кто немножко выручит?

О ГАРМОШКЕ

Две гитары... Фу ты чорт!
Строчки перепутались,
Вот гармошка первый сорт
До гитары тута ли.

Гнись гармоника в кольцо,
Рвись, меха шёлковы,
Выйди, милка, на крыльцо,
Семечки пощелкаем.

Стар скрипач, как старый гриб,
Скрипка рвет и бесится,
От такой, братва, игры
В пору мне повеситься.

Эх, качнись сосновый бор,
В клочья небо полосуй,
Скрипку выбросим за борт,
За гармошку голосуй.

МАРТОВСКАЯ ЧЕХАРДА *(сокр.)*

Февраль в отставку с первого
С ненадобностью вышел,
И тучи с юга серого
Дождем стучат о крыши.

Где левая, где правая,
Кто различить заставит,
Когда с нахальством фраера
Март ломится в заставы.

Спросил, было, у Васи я —
Пойдет ли на ячейку?
Такая катавасия.
И солнце, что ищейка
Шныряет в тучах — вот тебе.
Куда серьезность делась,
В башке сплошная оттепель
И дела нет до дела.

<...>

Как хошь работу подымай,
Ребятам толку мало,
А что же будет, если май
В заставы хлынет валом.

ВЕСЕННИЙ ВОПРОС

Это тема пришла – другие оттерла.

Вл. Маяковский

Сними скорее, друг мой, сапоги.

Чтоб не пропала линия ноги.

А. Жаров

Весна на дворе, на повестке вопрос
Тревожный, как ночь перед казнью:

Каким у возлюбленной должен быть нос
И платье какое на праздник.

Какие ботинки, чулки и глаза,
И линия ног и прическа какая!
Ну, словом, всего не под силу сказать,
Бухарин бы смолк, заикаясь!

Ну, словом, вопрос до отказа остер,
Назойлив, упрям и навязчив
И все остальное с повестки оттер,
Сваливши, как хлам в долгий ящик:

Хромает ячейка, работа и клуб,
Кружки стали пахнуть отбросом,
У каждого парня, коль парень не глуп —
«Ножки» — важнейшим вопросом.

* * *

Петровка кипит и клокочет кипя,
И пенится всплесками шелка,
И волны шелков пену шляпок катят
Оранжевых, синих и желтых,

И Васька, как многие, шел и глядя
На шляпы, на ножки обутые в шелк
Он думал — вот Катьке б моей хорошо
На шею одеть медведя.

На ноги ботинки, чтоб уткую нос,
Прическу, как дом Моссельпрома.
Так Ваську волнует весенний вопрос,
А Васька ведь парень не промах.

У Петьки другое варит голова
До муки, до боли в желудке
Ну как, мол, эдакую целовать,
Когда она даже не в полушубке.

Вот были так были на радость года
С отметкою первого сорта.
Девчата ходили в тулупах тогда,
А вместо ботинок в ботфортах.

ПРИВЕТ С МОРЯ

(Якову Фриду)

Он в море выбыл!
На корме
Трепался флаг чужих улыбок;
Я получил его привет
От продавца соленой рыбы...

Без справок понял от кого!
От рук несло, как с побережья,
И с полотняных рукавов
Клубилось пены белоснежье.

Я жду к началу октября
Назад из-под чужих небес,
И сотню строчек отобрав,
Приветствую его приезд!

Он! Он ведь тоже продавец
В разнос соленого пространства.
Его смущает недовес,
Как сухопутное непостоянство.

Он с моря, точно с именин,
И площадь палубы покатою
Еще не в силах заменить
Прилавками Рыбсиндиката.

С остатком ветра на скуле
Он знает, пеной смочен,
Что море не встает с колен
Даже при наступленьи ночи.

Он дышит круто, как баркас.
С прибором седины в усах,
Грудь раздувая, как борта,
Становится под паруса!

РЫБСИНДИКАТ

(отрывок) *(сокр.)*

С вокзала двигали тюки
В Охотный серые в накрапах
Упитанные битюги,
Густым отхаркиваясь храпом.

Охотный двигался и жил
На зависть деревенским избам
Упрямством выдубленных жил
Извозничьего организма.

<...>

Дом с вывеской «Перо и пух».
Извозчик с пеною у рта,
Доказывающий с дракой,
Что путь совсем неодинаков,
Как им контора указала
До магазина от вокзала...
Но запах, запах несравним,

Насыщен и нерастворим,
Он даже осязатим глазами
И можно продавать на пуд.
Смотри, он рвется на базар,
Захлестывая толпу.
Как жир, стекая с ржавых крыш,
Он делается пьяным,
Но он ведет к прилавкам прямо
И к грудам серебристых рыб.

Подвал и угол непочатый
Ржавых рогож, пустых бочат
И груды облака седей
Щук, белорыбиц и сельдей;
Лещи... по видам нет конца,
И перечисленья брось,
Зато я видел продавца
Рассыпавшего легко и ловко
На вылинявший цинк прилавка
Трепещущее серебро.

А город ширился и пух,
Особенно росли вокзалы,
Сосредоточием рыбачьих бухт
Порою площади казались...

Вокзал... Скрежещут буфера
И с выкриком: «Пора, пора»
С боязнью, чтоб не опоздать,
Поплыли с рыбой поезда.
В вагонах, под дымком седым
Свеже-копченые сиги
С еще пестреющей позолотой,
Как будто бы сейчас с «Болота»,
И вечный спутник — рыбий запах,
Гремя, направились на запад.

ВОЛГА ВСКРЫЛАСЬ *(сокр.)*

Остатки северного льда
Несутся, путаясь в кустах,
Недаром волжская вода
Как небеса густа...
Ветра подсоленные впрок
И выжившие из ума
Пересекают поперек
Реки широкий взмах!
Здесь облака насквозь мокры
(Пришел и им черед!)
От бешеного плеска рыб,
Стремящихся вперед!
<...>
Фарватер илом замутив,
На привязи пеньковых жил,
Кивая селам по пути,
Открыв ворота хмари,
Смолой груженные баржи
Спускаются к Самаре!
Заволжье дышит тяжело,
Скрипя колесами рыдванов,
Здесь транспорт
Только гужевой
Сквозь степь и сквозь туманы...
Здесь Волга делает изгиб,
Лукою в сторону отпрянув,
Чтобы, продравшись сквозь пески,
На Астрахань ударить прямо!
Чтоб пеной белой и густой
Ударить по осокорям
Проверить прочен ли устой
И до небес высоко ли!

ЛИРИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Скачет босой жеребец...

Г. Оболдуев

Девятьсот кобыл и триста
Тонконогих жеребят,
Расстилая путь волнистый,
Жаркой Африкой храпят.

Легкой поступи коней
Плавность вдоха уступает...
Наклоняется ко мне
Степи спутница скупая...

Девятьсот степных кобыл,
Причесав степной ковыль,
Запрокинувши глаза,
Плещут гривами игриво...

Ночь, подвешенная криво,
Обнажает небеса...
Запеваает степь про то,
Что я с нею близким не был...

Триста взмыленных хребтов
Опрокидывают небо.
Ноздри пьют сухой Восток,
Степь дыханьем обжигая...

Триста пенится хвостов,
Водопадами сбегая
На ковыль и на песок...

Я не выбьюсь — атакован,
Не вернусь к тупым торцам.
В небесах горит подкова
Головного жеребца.

1928

ЛЕСОРУБЫ *(сокр.)*

I

Тверяк широкоплеч и сух,
Кряжист
И грозен широтою скул,
Прям на ходу,
Ему к лицу
Стоять становищем в лесу.
Он это понимает сам,
А лесу ближе к небесам,
Чем к сухощавому песку...

III

Мне ширь знакома самому
По ветру волжскому,
По степи,
По широте рыбачьей сети,
По площади морей и стран...
Крепки стволы,
А сталь остра,
Рабочий день без табели,
И лесорубы на подъем
Легки,
И с каждым днем
Все шире вырубки
И выше штабеля...

IV

В верховьях Северной Двины
Дни полнокровны и длинны
И снег пушистей, чем везде.

Здесь
С топором в товарищах
Батрачат сообща весь день
И шабашат, когда уже
Мозоли на топорищах.

V

С такой работой будешь жить
До полтораста с лишком лет,
А после
Жилы на гужи
Употребит мужик.

VII

Весною яркий птичий крик
К верховьям полноводных рек
Зовет грузить тяжелые кряжи
В просторную утробу баржи.
Семейство бревен сбить в плоты
И вместе с синью высоты,
В кипеньи волн и водной пыли
Сплавить в творила лесопилен,
Зайти трущобам в самый тыл,
Щепать лучину,
Лыко драть,
Гнать деготь жирный,
Жечь угли,
И по настилу мхов и трав
Проверить просеков углы.

ДАРЬЯ – МАЛАНЬЯ

Дарья, Маланья, Степанида, Сломонида
на улицу выходили, разговоры заводили...
Дарья, Маланья! ох...

От работы разломило поясницу,
всю неделю непрерывная работа...
Ночь придет, а мне и ночью-то не спится:
ломит голову хозяйская забота...
Нынче праздников-то целая неделя...
Забастуем, бабы, в самом деле!

В понедельник — Клим и Павел,
муж блины печи заставил;
вторник — день отца Авивы,
затирала на ночь пиво;
в среду — Фёклы и Иваны,
муж и деверь в доску пьяны...

В четверг — святой Ерёма,
защищающий от грома...
В пятницу — Пелагеи,
снова разные затеи...
То Федоры, то, вишь, Глеба...
То нет пива, то нет хлеба... ох...

Лучше на поле с утра до самой ночи:
мне от праздников-то этих нету мочи...
Нынче праздников-то целая неделя...
Забастуем, бабы, в самом деле!

Дарья, Маланья, Степанида, Сломонида
на улицу выходили, разговоры заводили...
Дарья, Маланья!

НАПИСАННОЕ ДО АРЕСТА В НАЧАЛЕ 1934

ВЕРЕЯ

(историко-бытовой очерк заштатного города)
с приложением двух фотографий

Ивану Александровичу Аксенову

Фотография № 1

Общий вид города

Он небом запросто заснят,
Как есть без перемен;
Протва, овраги, известняк,
До осыпи кремней.
С его отрывистых боков
Сбегают воды прочь,
Однообразен от облаков
До глинистых подпочв.
Пройдя историю насквозь,
За выслугой чинов
Осел на отдых под Москвой,
И вот, оседлан тишиной,
Разбавленной шуршаньем сосняка,
Он весь в воспоминаньях прежнего, —
Живет доходом с квасника,
Арендной платой с огуречников...
В архив сдав славные года,
Он вырядился пригородом
С пометками невнятных дат
Доледникового периода,
И не остаться не могли
Оттиски штампелей начальников
На мякоти делювиальных глин,
Подзолков и песчаников.

История

Еже писах — писах.

Бысть княжий путь
Между лесных яруг,
Седатых пуд, где на Литву
Путивлит древний шлях.

Див кличет, спрятавшись в листву
Дубов перуных; сих округ
Не метил бортник. Шлях на Жмудь
Под ноги стелет мхов кошму.

...На правом берегу Протвы
Бысть срублен тын
И город бысть!

По отмелям россыпи плотвы...
Поблескивая искрами чешуй,
Подныривает под плоты,
Опывая сваи.
Чиста вода и горизонт чист.
Раздольно князю со шпаной
По окружному бору —
По ярам да по ізволокам,
Конной копной
Через колоды да буераки,
На вороном что сталь аргамаке,
Пылком, что порох,
Важном, что княжая спесь,
Влажном от пота и глянца,
Выступает и кланяется,
Что твой цирковой увалень —
По шелковой тесьме
Луговины.
Князь, подбоченясь,
Одергивает ферязь...

— Исполать полевать
Вашей княжей милости,
Бородам пылать,
Кóням добреть, деткам вырасти!

У княжих хором березняк
Раскат по камушкам,
Поближе к речке, где берег разъят,
Чтоб кумушкам-мамушкам,
Да девушкам санным — подальше от зорких глаз,
Чтоб сорочка не жглась
От колючего взгляда,
Чтоб не снилась во сне лебеда — княжнам,
а княгине — рассада,
Плещись на здоровье,
Хвались белизной. —
От узкой тугóй шелковой брови
До такой же другой
Рукой не достать —
Высока́!
Мяжки травы, да круты берега —
Не всякому княжая честь дорога...

А тягались за Вышгород
Андрей да Юрий, —
Оба есьве Святославичи;
Каждый на́ поле вышколен.
Под шеломы повиты — конец копия вскормлены, —
Оба удачей славятся, —
Один другого не переплюнет.
Ржут, застоявшись, кóмони!
«Конь копытом землю бьет —
Воды достает...»
Поется с конибей веку.
А весна разливается, —
С ветки на ветку
Солнечные блики зайцами

Скачут, векшами по вершинам ельника, —
Деваться некуда, —
Слюбиться не с кем! —
Тошно княжнам без хахаля.
— Хоть конюх, да наш,
А то по зорям соловьи — бахари...
Не уснешь, — душа нараспашь.
Крылатая толпа трав
Нашептывала элегические дистихи.
Небес высокий архитрав
Отражался полностью в бердышах и доспехах.
Будто на смех, не к спеху,
Лето тянулось своим чередом...
Красуясь седеющим мохом
Околышей мурмолок,
Лоском горлатных, —
На конях, что на розвальнях, — передом
Воеводы. Только что из-под Муром
Под Верею. — Москва не свой брат,
Не Можайск, не Звенигород.
Прижмет — извини, брат,
Не вырвешься. Потомок Долгоруков
Ухватит, не выпустит; борзые на сворах —
Конники, каждый пешой с рогатиной —
медвежатник.
Хоть к чорту без провожатого.
Поговори, — на-ка вот!

Похаживает так себе по городу
Попадья, пообедав плотно,
По валу дежурным ветерок шалый
Исподволь — заморский гость!..
Поглаживает бороду
Стрелецкий сотник...
Стрельцы да вершники в кружале —
Постукивает чарка, пощелкивает кость:
Кость на кость, кость долой,

Алтын да полушка, легче домой
Идти. От сутёмок застенка,
Должно румянится нос у дьяка!
Плешив, что коленка,
Кудрявый Яков.
Плешь нá плешь
Плешь каплешь
Плешь обарíшь
Чего говоришь?
Лях — так лях —
Что ни поп — то батька.
Поцелуй крест, а на кабак шлях
Ворона укажет. Поляк не монах,
Пьет да хвалит,
Пока хмель не свалит!

Авантажен пан капитан,
Яр жеребец монгольской масти,
Черным-черны кисти у кунтуша
Накинутого будто наспех.
Опоясанный кушаком стан
Не гнется, —
Идет себе не спеша,
Будто бы каждый шаг
Расценивает по червонцу!
Трогает ус — будто ветерком гладит,
Да и каждый латник, ежели он на коне,
Что сам капитан складен —
Рост отмерен без скупости, на худой конец
Два метра...
Пятьсот сабель, полированных небесами,
Не гнущихся от встречного ветра,
За спиной пана шевелят усами!

Мерно похрапывает горизонт...
Раз в день выходит комендант осмотреться,
Налицо ли, мол, гарнизон

Вверенной мне фортеции?
Раз в год наступает пора,
Когда на плацу, к собору прижатом,
Устраивается парад
С нагоняями ротному и сержантам.
Раз в столетье походный звон
Церквей напутствует выступление рати.
Да митрополит, вышедши на амвон,
Одаривает меньших братий.
И больше женщинам не видать бы погон,
И городу б скуку пестать,
Если бы в Двенадцатом Наполеон
Не споткнулся об это место.

Быт

Фотография № 2
(Вид города с Дороховского Шоссе)

Отчетливо натянуто шоссе, –
Почти звенит, почти не прекословит
Отточенному вздрагиванию осей.
Мостовняком достаточно усвоен
Стабилизированный язык автомобиля.
Сквозь запах смол, проникший до рубах нательных,
Сквозь тишину заиндевевшей пыли
Мы входим в горизонт, здесь иссякает ельник,
Здесь начинается подъем и приступ к Верее.
Последний луч на тонком острие
Поддерживает ясность горизонта.
Отброшен мост,
Машина дышит чаще,
И у обрыва пригородной зоны
Встает курчавое седое городище.
Приглушен ход. Бульжник не звенит.
Ворота настезь: — ставлю вас в известность,
И пусть меня читатель извинит, —
Здесь вместо города — одна окрестность.

Утренняя прогулка

Рассвет распускается важно, словно баки
Поглаживая, не спеша. Город спит,
«Как будто на свете одни сторожа и собаки»,
Да и те еще на цепи...

На площади запевают воза
Протяжно, на «господи, воззвах
К тебе, услыши мя!»

Тяжелый гусь, еще ночной тишиной помят,
Перекочевывает с места на место,
Покачиваясь и вздыхая...
От тишины тесно!
Особенная, сухая,
Что полынь...
Попахивая смолой, иссиня-желтоватая
Июньская теплынь
Будто рубаха ватная...

Тонкой вышивкой разбегаются окрестности.
Больница пластырем на голубом лице неба.
С утра охорашивается Раточка
После вечернего визита дачников.
— Ах, вы еще не знаете местности?
— Ваня, ты еще не был?
Пушистая, что одуванчик, Таточка
Тормозит окружающих, передергивая виды,
Полученные от мамы, которая в свою очередь
Изучала их с другими, а потом передала дочери,
Вместе с оттенком обиды,
Запасом лирики и особенностями подхода.
Ласково трепыхаются воды
Меж корней орешника и крушин,
По обнажениям известняка,
Бок о бок разбег луговин...
Будто не выберется никак

Речка, беги и кружись
Облизывая губы
Глинистых берегов,
Да обмывая щебень, сложенный в кубы.
Можжевеловый пригорок
С разбегу в омуток. — Печет!
Меж пней березовых, очищенных от корок,
Разметавшись, течет
Медуницы пышнокрылый ручей...
На глинистом небосклоне бугра,
По соседству с солнцем, еще горячей,
Чем здесь, чем около речки!
Хоть выжми, мокра
Прическа Раточки.
Горизонт поднят
Высоко, не дотянешься, хоть на дыбки встань!
— Это вот и есть осенние полдни!

По вольному разливу трав местами
Женщин азиатская роспись,
Волос золотистые россыпи,
Губ суховатая, потрескивающая скоропись,
Глаз темно-вишневая сладостная истома,
И все это в виде бесплатного приложения
К дачным удовольствиям: к густому,
Что сироп, молоку, к освежающему брожению
Крови и воздуха, к ласковым взглядам
Молочных телят,
К раздушённым нарядам,
Дачницам, что шевелят
Еле-еле ресницами —
Будто снится им
Нежное небытие.
Прогулка закончилась производственно:
Штабеля сухого, что солнце, кирпича
Действуют, как освежительное питье
На разомлевшие от лирики организмы. Собственно,
Так передавали мне.

На жестких опухолях камней,
В тени лапчатых опухал
Ельника, разместившегося впопыхах,
Как попало, группа кисеи и пикэ,
Прямо напротив — спуск к жерлу. В узеньком тупике
Человек, нагружающий печь поленьями
в полтора метра.
— Простите, как произносится — тóпливо
или топлíво?

Спрашивает сгусток картавости и маркизета,
И, не дождавшись ответа,
Продолжает:

— Особлíво
Должно быть интересно это
Ночью, когда тишина и пламя!
Господа, с прогулкой я потеряла память,
Нас обещали в два
Угостить свежей ухой из окуней,
Так что времени едва-едва,
Чтоб не опоздать нам и не простынуть ей.

После обеда

Над городскими строениями плывет
Заливистое пение колоколов
Медленное и густое,
Точно кашемировый намет
Над блеском причесанных с маслом голов
Прихожан.
Вековые устои не нарушаются
Попусту.
Ежегодное торжество — попросту
Крестный ход во главе с Миколой
Можайским.
Наперерез с гармошкой
Бакалейщик Тимошка...
— Батюшки, да он голый!

— В чем мать родила!
— А ну-ка еще безобразить станет — как?
— Мамаша, не волнуйтесь, он в подштанниках!
Богородицы табуном — на пьяного хоть глазком
гляднуть.

Откуда столько? Дай, господи, память!
Неопалимая купина; Казанская;
Взыскание погибших; Козельщанская;
Всех скорбящих радости; Владимирская;
Умягчение злых сердец; Астраханская;
Нечаянная радость; Иверская;
Почаевская; Соловецкая;
Печерская; Смоленская;
Ахтырская; Царица небесная;
— Радуйся, невесто невестная!

С достоинством отстоявши молебен,
Благословясь и окропясь всевышней благодатью,
Отец семейства, торжественнее, чем генерал
Тотлебен,

С женой, облачившейся в воздушное платье,
С детьми и газетой, выплывает на лоно природы —
Отдохнуть перед вечерним чаепитием,
Взглянуть, как обмелели броды —
Нельзя ли в лесок для вешнего соития?
Дети — резвы и стройны,
Жена — легче пуха летучего —
Так что на взгляд, со стороны,
Можно сказать — благополучие.
Глядится в небеса мадам,
Крушин перебирая четки,
Вручив упитанным цветам
Благовоспитанность прически;
Папаша дремлет, воробьи
Из бороды таскают крошки,
А дочь мечтает — сны мои
Невинней ягоды морошки...
Но мне не время петь хвалы

Спокойствию семейных буден, —
Неповоротливые, что волю,
Часы бредут сквозь вязкий студень
Полдня, подкрашенного печалью;
Я тороплюсь под тихий кров
К Степан Михалычу в гончарню!

Положительно остро
Воспринимается прохлада
Глинобитного пола.

В такт тяжелым руладам
Собственного голоса,
Шевеля пальцами,
Старик вытягивает талию
Изысканной вазы; улыбается, хвалится:
— Пожалуйста, хоть в Италию,
Шалишь, Париж,
Ну и так далее.
От стены до стены легли
Узловатые сгустки глин
Радостным семицветием радуг.

Приятно смотреть, как жилистая нога
Сматывает их в клубки —
Этакая волосатая радость!

От окна до окна накат,
Сплошь заставленный голубым
Переливчатым рядом
Кувшинов, что соловьи горластых.
Круг расцветает ежеминутно
Приземистым, мутным
Цветком.
— На сегодня баста!
Протодиаконем возглашает гончар,
Как бы стряхивая движением плеча
Позавчерашнюю усталость...

Ночь

На Ильинском клину соловьиная пляска
Со щёлкотью про запас.
Росказни про попа
Вперемешку с лаской;
Отвечают подвизгиванием нежным,
Рассердившись внешне:
— Отвяжись, леший!..

Томная безбрежность
Вечера отдается в сердцах
Идиллическим плеском:
— «К меже головкой приклонилась»...
— «Ца-Ца!»
Взрывает ленивое мление.
И дальше, в Заречье,
Тоскливое бляение
Заблудшей овечки
В кустах перелеска,
В вереске...

— Без милого тошно,
Хоть в омут!
И точно,
Почти невозможно живому!
Особенно ежели,
Когда соловьи забрезжили,
Когда облака
Уплывают на запад,
Когда ночь начинает облекать
В синеву
Город,
Каждый запах
Щекочет горло
По-своему!
Укроп расширяет ноздри:

Всё отдай — мало!
Влажный душный чабрец
Залезает под одеяло!
Плотная прохлада клубники
По горлу течет капля за каплей!
Горьковатые смолы
Душат!
А что же на́ поле?
Где дышат:
Клевер,
Гречь,
Коростель забирается в уши!
Солодое сусло
Ячменя наполняет аорты
Густым, тягучим forte,
Платье становится узким,
Воздух притертый
Вплотную обжигает щеки, нежит,
Рассвет будто звезды нижеет...
Небеса опускаются ниже...
Песня вздыхает реже...

Самое время запахов
Нежностей, клятв,
Берущих за душу;
То есть когда каждый взгляд
На вес золота!
Когда мучат, злят,
Обдают холодом...
Но время ночи иссякать,
Уже рассвет в садах!
В тени дверного косяка
Прощались навсегда...
Манера старины жива,
Причесан и высок,
Целует местный Дон Жуан
Шлифованный висок.

Красавица не первых встреч
Томит его глаза,
Как тишины густая речь,
Как шепот соловья, а за
Сараем вдоль межи,
В лирическом аспекте дач,
На жиденьких дрожжах удач
Заваривалась жизнь...

Заключение

*Мерно похрапывает горизонт.
Километровая тягучесть захолустья
С точностью часового маятника, сама собой,
Раскачивается вдоль буден... Допустим,
Допустим, допустим, допустим, что каждый день
Не нагружен хорошо упакованным грузом,
Но к примеру:
Синяя лакировка Мерседес
С шестидесятисильным мотором
и достаточно емким кузовом
Разве не раскачивает прочным капотом
устойчивости данных мест
С упрямым, достойным внимания?
Еще дослушивают соловья речные экскурсанты —
Дачники, когда двухэтажное здание
Волисполкома начинает расцветать
горячим щебетом и, словно панты,
Наливаются кровью сине-
Желто-оранжевые папки дел.
Пылкая скачка ремингтонов и ундервудов
заставляет покрываться инеем
Белым стены, овеивая острым холодком стенограмм.
Тонко очиненный карандаш проводит
подчеркнутую линию*

Классового расслоения деревни.
Четкой рассыпчатой икрой
Цифр начисляя налоги и расчисляя по сельсоветам
Запасы семян и удобрений.
Отметим:

Имеется в наличии

Группа «А»

Тимофеевка,
Клевер,
Спарцет,
Костер безостый,
Свекла столовая и кормовая,
Картофель,
Вика,
Морковь,
Помидоры,
Редиска,
Репа,
Турнепс,
Чечевица,
Горох.

Группа «Б»

Супер-фосфат,
Серно-кислый аммоний,
Известь,
Зола,
Фосфорит,

а также предложить населению максимально
использовать возможности торфяных отложений...

За полдень!

Дороховское шоссе скрипит, как несмазанное,
От груза полков, телег, роспусков, рыдванов и мажар.
Тяжко осевшие на шасси грузовики сквозной
Линией подходят к складам Мосселькредита.

*В час тридцать товарный проходит на Можайск,
Покрикая сердито на окружающие леса.
В четыре покончено с делом, —
Снимаются лямки и отстегиваются гужи.
В пять чай, в семь ужин, с восьми
Дореволюционная жизнь!..*

1928

КОМЕДЬ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

(Божественная комедия) <сокр.>

*История не порок —
Историк это пророк,
предсказывающий наоборот.*

I

Пою истории комедь!
О, одаическая медь!

Уж то-то душу отведу
Под громозвучную дуду
Красотки сухопарой Клио!

О, огнедышащее пиво
Закатов, льющееся в рот!
Поэзии высокий род,
Гремящий рифмами, и вот
Бреду в лирическом бреду —
 Ду-ду, ду-ду, ду-ду!

Начать с того, что мир-старик
Живет, как жить заведено...

А мне давным-давно темно
От исторических анналов!

Мир взят историей в тиски!
Делов, делов — больших и малых!
Должно, поэтому мне стало
Почти что тесно от тоски
С рождения до гробовой доски!

IX

Русь перекраивалась и сшивалась
Нáскоро, белыми нитками,
С тем, чтобы удобнее заново
Перетасовать и сшить на новых началах
Разрозненные уделы,
Уезды и волости.

Особенно Московия —
Обуреваемая скопидомством,
Расползается во все стороны
Из стороны в сторону!

А еще говорят:

Ворон ворону
Глаз не клюет! —

Гора с горой не сходится,
А человек человеку волк.
Читатель!

Возьми в толк,
Что ежели то, что плохо лежит,
Не присобачить к тому,
Что поставлено на ноги,
Этот всеми признанный
Прочный
Мир
Круто пойдет на убыль,
К тому ж,
Чтоб молоко не претворилось в творог,
Должен же кто-нибудь

Снимать с него сливки,
Хоть раз в году необходимо
Подстригать овец,
Раз в году —
Пересмотреть
Бабью пряжу,
И хоть раз в году
Изъять
Излишки холста!

Х

Так вот:

— В эти самые времена!

Муза, привстань
В златокованных стременах,
Вострубим яко в трубы златоковные
В разум ума своего;
Вдарим в серебряные органы, —
Возвеем мудрости своя!

Умирал великий князь,
Оставлял сыновьям наказ.
Умер, умер наш Василий,
Умер до смерти, сердешный...

Собрались сыновья делить
Имущество, как отец в духовной велит.
Умер, умер наш Василий,
Умер до смерти, сердешный...

Старшему Ивану:
Москва и Коломна,
Владимир отдельно, —
Как вотчина,
Переяславль, Кострома,
Галич, Устюг,
Вятка и Суздаль,
Новгород-Нижний,

Муром, Юрьев, Великая Соль,
Боровск, Суходол,
Калуга, Алексин.
Юрию — Дмитров, Можайск,
Медынь, Серпухов,
Хотунь.
Третьему — Углич,
Бежецкий Верх и Звенигород.
Четвертому — Ржев, Волоколамск и Рузу.
Пятому — Вологду
С Кубеньем и Заозерьем.
Умер, умер наш Василий,
Умер до смерти, сердешный...
И все пошло по череду —
Ду-ду, ду-ду, ду-ду!

ЧЕТЫРЕ ПАРАГРАФА И ОДНО АПРОПО

§ 1

Снова и снова я подыму в твою честь
Голос не в похвальбу, не в лесть,
Свойственную другому.

Тобой начинается жизнь и песнь,
Тобой благословясь, в омут.

И ты свысока твоих глаз прости —
Многое мной забыто!
Я до сих пор не успел врати
В сложный уклад быта.

Еще и еще прости —
Скольких мне стоит пыток,
Если я жизнь на стих
Меняю себе в убыток.

§ 2

И ты, академия наук, прости,
Простерши высокую руку.
Кто же оплатит, если не стих,
Все, что неподведомственно наукам:

Синь — высоты — дня,
Темь — глубины — ночи.
Шелковый пыл огня,
Безусый пушок почек,

Берез — мраморные — стволы,
Рябин — замшелые — штамбы,
Улиц и тупиков тупые углы,
Насыпи, выемки и дамбы.

Черные вышки шахт,
Кроны строек и копры мостов,
Поездов, поющих в ушах,
Бег и мертвые точки устоев.

Словом, все что ревет поет
Мчится, мечется, бьется о ребра —
Все на что положена моя рука — мое!
Все что величается злом
Все что именуется добром!

§ 3

Милые мои —
Собратья по перу —
Сквозь сон,
Сквозь силы сил, сквозь бои
Восходящие на горизонт
Слова, —

Апропо!

А почему в пятилетнем плане
О производстве слова
Не сказано ни слова?!

Социолог подталкивает:
— Не скажи в бане
Шайками закидают!

А между тем во всех учреждениях
Не исключая бань, кабаков и вокзалов
Должна быть расклеены приказы,
В которых бы точно
Говорилось о том, что
«Слово — оружие
Классовой борьбы
Должно быть в порядке,
То есть вычищено и отточено!»

II. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Благослови, отец Гораций,
Или Афанасий
Фет.
Ибо на моем Парнасе
Ни муз ни граций
Нет;
Не было и нет
Ни муз, ни граций,
Даже паршивой феи,
Напутствовать дабы, —
А впрочем, я не желаю быть
И пресловутым Орфеем,
Которого понимают дубы.

Куда уж нам уж,
Мы — щенок!
Нам не выходить замуж
Из нищенок.

Зачем рядиться
В камзол
Лауреата
Во избежанье зол
Оттого что, мол, брат на брата
Восстанут столпы литературы:
— Об чем мол стоит вопрос?
Густой раскачают вой.
Когда весело — задери хвост
Побежим мы вдоль столбовой
Дороги отечественной халтуры
И у каждой тумбы
Радостно задрав ногу
Благословясь окропим прах
Того иль иного здравствующего мертвеца
Во имя отца
Ныне и присно
С начала до конца
На многие и многие лета!
Пусть мол и моя слеза
Будет лептой
Вдовицы
В сокровищницу культуры
Чтоб ей подавиться!

Оставь надежду навсегда
Сюда входящий избежать
Собратского самосуда!
Жив ты аль помер, —
Всяк имеющий инвентарный номер
И шифр

Не уйдешь от судá
Людского,
Так же как и вообще от сюда!

Как вам не стыдно
Стоять локоть óб локоть,
Если всякому видно
Как облаком
Закрывают вас тени
Великих покойников,
Оставшихся в живых
И после смерти!
Возьмите километр и смерьте
Разницу высоты
Дяди Михайлы
Иль дяди Гаврилы!
Увы мне хлибкому, увы!
Мне часто муза говорила,
Что у кого легка рука
Не стоит рваться в облака.

Не видать земли ни пяди
От поэтов и поэтесс —
Все заполонили — даже
Коридоры ВЦСПС!

*

Мой дом оккупировали мертвецы,
Мертвые и живые:
Лирики, сатирики, скопцы,
И прочие иные.

*

Здесь что ни переплет поэт!
Их набралось довольно много,
Нашедших и забывших бога
За двести с лишком длинных лет

*

Здесь что ни переплет поэт!
И коль судить не очень строго

Их набралось довольно много
За двести с лишком длинных лет.

*

Стихи —
 Еже писах — писах!
Бумагу —
 Еже бирах — бирах

*

В благодарность
 Остаются черновики.
Оставил бы что-нибудь и
 другое, да как у латыша
 хрен да душа
А с ними как с тенью
 не развяжешься!

* * *

Где ж о гитаре спеть нежней
Чем в ваших строчках тощих
Но и гитара жаловалась мне
Что очень вы плохой настройщик

*

Лахудра жаловалась разомлев,
Что с уткиным сыграла в пусто
Что уткин свянул не преодолев
Ее пленительного бюста

Безусым трудно музу взять
Хоть девственность тебе приелась
Но все же погоди писать
Пока наступит половая зрелость

<...>

* * *

I

Лицо в занозах. Мир прекрасен.
Я у тебя в гостях —
Убежище от злых напраслин.
Пусть небеса простят
Мне пустоту земной печали
И возвратят уют;
Чтоб впредь мне звезды отвечали
За то, что ветры пьют
(Покачиваясь, как в кабине
Юнкерса) коктейль
Закатов, и мороз, круто заваренный на тмине!

II

Я песенник с молодых когтей;
Я говорю, а ветру слушать
И повторять слога,
И окружая вздохом сушу
Уполномочия слагать
На третьем повороте
К югу, не беспокоя подворотен
Темень и брать надменность косяка
Дверного запросто,
И хлопать взáпуски
Бичом, с вожатым орд пастушьих,
Подставив крепкое плечо
Высотам глубины воздушной,
Где молодость моя течет.

III

Времен надежнее, чем наше,
Не было! Ну так о чем
Рыдают трубы медным маршем,
Захлебываясь горячо?
О чем тоска седых равнин?
Попробуй, ветерок, рвани!
Попробуй, стужа, сломишь зубы,
Здесь мех нужен медвежьей шубы!
Здесь неуступчивый народ,
И время неуступчиво;
Как в старь у Иверских ворот
Не заключишь с ним купчую!..

IV

«Над головой пронзительная синь и звень...»
— Чудаки, да это ж самое обыкновенное небо! —
Высокое и спокойное, изредка
отбрасывающее тень
На луга, что зелены, на дуб или вяз, что не был
Ни разу дальше отведенного ему места
В заштатной рощице утех,
Где прошлогодняя невеста
В июле рассорила смех.
И вот он вырос под дубком
Веселый и пушистый,
Свернувшись меховым клубком,
Соперничает с птичьим свистом,
Прозрачную голубизной
Весеннего простора,
Распределяет пышный зной
По уголкам прохладным бора...
Смех заселил ручьев струи,
И речек выпретенную влагу,
Он между рыб — в среде своих
Блестит радугой — отвагой.

V

Пыль брызг,
Хруст звезд,
Мороза ворс...
Бронзовые ожоги января
Горят
На губах и щеках
Поцелуями свежести самого высокого качества!
Радуетя нищета
Чудачеством
Зимы,
Зѐлени ѓзимы,
Солнцу в будущем, птичьему щибету,
Голоса моего щибню,
Возможности петь, шириться в плечах
И тому, что крепкая печаль
Стареет.

<вероятно, конец 1920-х>

ЛИРИЧЕСКИЙ ВЕТЕР

1928 г. лето

РОМАНТИКА

Кириллу Андрееву

Ты ветром на моем пути,
Певучая весна!
Ты кровью на моей груди,
Летучая звезда!
Пылаешь в зареве надежд
Багровым ковылем,
В лиловой вечера воде

Бескрылым кораблем,
От десяти до четырех
Как на воде круги
Ты светишь в сумраке сыром
И не чета другим!
Я, проходя по тупикам,
Слежу за нежной поступью,
Я чувствую тебя в руках,
Я вижу тебя оцупью!
Ты с ветром залетаешь вдруг
С письмом от незнакомца,
Заходишь вечером, как друг
С приветом от Гасконцев!
Ты пламенем на поездах
Сиятельным горишь!.....

Романтика, не опоздай
На похороны мои!

НЕУЧТЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Десяток как твои глаз могут составить небо,
Способное вместить сто солнц,
Пылающих безрассудством нежным,
Благословляющих наш сон
Тяжелым беспокойством лирического недоуменья!

Десяток глаз таких же, как твои
Открытых настежь до пределов возможных
Способны беспричинное пенье
Цикад возвести до высот непреложных,
В венец творенья!..

О велеречие глаз твоих!
О неучитываемая возможность!

ЛИРИЧЕСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Обрастаю загаром
Густым, как мех солнечных зайцев...
Лес и небеса в заговоре!..
Что сыр в масле купается
Солнце...

Июнь самого чистого тона,
Что делать, високос!
Вершины сосен в небе тонут,
Как девочки, до самых кос...

Сделайте ваше одолжение, ручьи,
Позвольте погладить по вашей шерстке,
Блестящей, словно лучи!
Этакую благодать я бы отмеривал наперстком;
Да и то не всем бы, а избранным!

Простите, а вас разве некому выбрать,
Рожи? Вы разливаете бочками
Блаженство, не считаясь с положеньем страны!
А впрочем, как знаете!
Сегодня облака облетают бабочками,
И сосны необычайно стройны!..

21/VI 1928, Верея

ТРИ ПЕСНИ О ЛЮБВИ (Надежде)

I

Ты обжигашь губы мне,
Горячий алкоголь,
Ты заставляешь зеленеть
Висков густую соль!
Ты заставляешь ни о чем
Плести седую боль
И клясться жестким кирпичом,
Тогда как я дышу тобой!
Тогда как в небе голубом
Единственным лучом
Сияющим над белым лбом
Твое высокое плечо!..

Тогда как яблоны в цвету
От Сызрани до Мурмана...
Я без ошибки разочту,
Как стали ночи хмурыми,
Я без ошибки подведу
Рискованный итог...
И голова на синем льду
Как брошенный тобой платок!

II

Ты из породы хищных птиц,
Твой клюв клинка кривей!
Ночь говорит — Не падай ниц!
День говорит — Скорей!
Скорей, чем бешенство в груди
Успеет закипеть,

Начнет рассол в твоей крови
Корить, ворчать и петь!
Но ты на выручку придешь,
Ночь! Ты не скажешь нет!
Ты солнце даром отдаешь
За чистый лунный свет!
Я сердце выше подыму
Над гарью желтых трав,
Чтоб видела ты — я как мул
Лишен любовных прав!
Ночь, ты ударишь по плечу
Теплом и простотой;
Не то сорвусь и улечу
В простор и зной пустой,
Не то я песню оборву,
Как горло, бечевой,
Чтоб не упасть ничком в траву...
Ну ладно... Ничего!

III

Обламывая ветви
Душистой тишины,
Плыву на свежем ветре
Единственной весны!..

Узнай, моя отрада, —
Весенняя пора,
Что сердцу не ограда
Зеленый шорох трав!

Узнай, моя певунья,
Что эта впалость щек
Усилится в июне
Еще, еще, еще!

Я пробираясь наскоро
По задворкам любви,
Оглядываюсь с опаской
На шалости твои!

И ты, моя холера,
(Хоть твой наряд и прост!)
Встречая кавалера
Оцениваешь рост!

И высоту походки
И ласки глубину,
Изгиб надбровной щетки
И локона длину!

Смотри, как мерно катит
Он молодость свою;
Камзол его на вате,
На войлоке уют!

А мне любовь отвесит,
Чтоб сердце утолять:
Сто грамм сквозного ветра
И звона хрусталя!

И чтоб спасти от тленья
Певучий жизни верх,
Продукты для внедренья
Агрикультурных мер!

НОЧИ КОКОН

О вдохновительница ночь,
Лучи твоей тишины
Прозрачны
И стройны, словно поступь машины.

Ты выходишь навстречу,
Драпируясь в одеянье тончайшей неги,
Твоя упоительная речь
Подобна элегии!

Пасмурная, когда на твоём челе
Ни единой звезды,
Ты приводишь в состояние покоя чающих
Прохлады, когда же сочные гроздья
Сгибают твой стан до земли,
Будто он до сих пор остается ровесником юности,
Ты торжественно внемлешь
Вручающему тебе
Умиленный стих!..

ЛИРИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ

(Ода в три тоста)

*Посвящается:
Георгию Оболдуеву,
Кириллу Андрееву
и мне*

*Моих друзей летели сонмы,
Их семеро, их семеро, их сто!*

В. Хлебников

*Когда выходит ночь на свет,
Чтоб проверять посты,
Они ей держат речь в ответ,
Сдвигая вместо чаш пустых,
Как ветер пред грозой
Сверкая пеной и резьбой
Братины северных озер!..*

*Они выходят на разбой
С началом сумерек, в тиши,
Когда зари вскипают дрожжи,
Чтоб птичьим свистом оглушить
Проезжих и прохожих!*

*Они садятся за столы,
Чтоб пить и петь,
Чтоб бросить в медные котлы
Слова и песни — и чтоб те
Смогли перекипеть!*

*Чтобы отяжелела речь,
А стих стал бойким,
Чтоб дать возможность ночи слечь
К концу лирической попойки!*

*Но ведь не время замолкать,
Не скоро свету быть,*

*Еще спадает с потолка
Ассоциаций нить!*

*Еще начало не пришло
Метафорной косьбе,
Еще клубится над столом
Лирический разбег!*

*Еще братины не полны,
И время косоно,
Пусть с самой северной волны
Ударит час...
И время тостам!..*

Обращенье к музе

*О, муза, здесь не покидай
Моей любви! Дай время петь,
Дай время пить и знак подай,
Как отыскать тебя в толпе
Других, как ты седых певуний
Низринутых с дождем в июне...*

*Дай силы, чтобы был красив
Зачес ритмического хода,
О, снизойди и возгласи
Начало возглашенья оды!*

Тост первый

Наполнив с краем наравне
Глубокой ночи водоем,
Мы ей единственной вдвойне,
Ее высокой чести
Почет и славу воздаем!

Ее торжественной весне,
Ее ломающимся сходям,
Ее приснившимся во сне
Годам, их тыща со́ днем!

Она учила ремеслу
Ловцов больших созвездий,
Без платы за года услуг
В делах любви и чести!

Она вставала за спиной
Любимца своего,
Чтоб красить тонкой синевой
Камзол и взгляд его!

Она обрушивала даль
И возводила мост;
Она единственная та,
Кому наш первый тост!

Тост второй

Здоровье триста лет умерших
Тому назад,
Романтиков моей звезды,
Поднявших на коня стих пеший
Во имя боя и езды!

У них просторные глаза,
Тяжелая рука,
О них придется рассказать
Особенным напевом,
Так как не умерли пока,
Стояли рядом слева!

Они работники морей,
Хозяева простора,
Открытого со всех сторон для общего обозренья,
Цепями их якорей
Измерены глубины, им бесспорно,
Им тост второй,
Их высокому презренью,
Их гордости, славе, которой мы наследники.
Мы вправе требовать уваженья
К нашим предкам!

Тост третий

Эввое!

Рощи, где прозрачная высота сосен
низводит понятие небес до обычной истины
среднего порядка,

Болота, осушенные жаркими присосками
дренажей и каналов,

Выкорчеванные при помощи динамита, ваги,
топора и лопаты, пространства,

Тяжелые, словно вылитые из чугуна, пласты:
чернозема, глины, супеси, подзолков,
песчаников и суглинков, перевернутые
блистательными отвалами плугов всех систем,

Хомуты, словно пригнанные по мерке,
плавно и наглухо облегающие благородные
шеи лошадей,

Оленьи рога, показывающие ежегодно
максимально возможный рост,

Крутой взрыв аэропланов, дающий возможность
одним взглядом окинуть всю землю
и почувствовать ее благородную тяжесть,

Миллионы распаханых и забороненных
подготовленных под посев десятин,

Пароходы, крутым волнорезом вспахивающие
пространства морей,

Мосты, перегнувшиеся через реки,
проливы и пропасти,

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ!

Никому не возбраняется, чать,
Жить до упаду,
Подробно изучать
Весну,
Даже сто лет кряду.

Живу, влюбленный
Из близи
В дали,
В былинку,
В березу,
В рябину,
В осину,
В сосну,
Постепенно познавая в деталях
Так называемую весну!

Весна,
Когда воздух насквозь
Соловьями просвистан,
 Прощелкан,
 Протрелен,
Рощи и вкривь и вкось
Исхожены,
Слякоть в отставке по чистой, —
Я становлюсь менестрелем
Крепким и молодым
(Списали в расход годы!)
Воспевающим на все лады
Так называемое возрожденье природы.

Вот и теперь,
Вокзал —
Позади,
Любимая —

Рядом,
Вот она!..

Как зверь
Остервенело гудит
Локомотив.
Перед очумелым взглядом
Бегут пейзажи...

Напичканный плотно
Весной и любовью,
Вздымая грузный бок,
На ассамблею коровью,
Потягиваясь,
Поглядывает бык
И
Будто
 Владимир Луговской
Лихо поводя бровью
Пускает басовую ноту
Рокочущим стаккато:

Рубал я вашего брата!

Как быть, жить, здравствовать,
Если сдается,
Что у многих для завтрего
Голоса не остается!

Нам что,
Это мимо
Нас!

Мы
Смотрим на мир
Во всю широту завидующих глаз.

У нас
На лицо:
Во что —
 Глядеть,
 О чем —
 Петь,
 Чем —
 Хвастать.

Выглядишь молодцом
И
Баста!

Аксенова —
 Бронзовый хроматизм!
Оболдуева —
 Плотные глотки!
Фрида —
 Горячное заиканье.

* * *

Ваш стих сбивается с такта,
Он не выверен и непричесан;
Возвещает редактор,
Клубясь завитым дымком папиросы
Ваш стих не сколочен — дует в пазы
Рационализма ветром!

Редактор,
Простите,
А ежели язык
Не вмещается в выхолощенные метры
Ежели ласковая стихотворная зыбь
Не выдерживает нагрузки,
А мне не понятен язык,
Именуемый общерусским.

У Вас — розов закат,
Небо — голубое,
А у меня нет другого языка
Кроме вынынченного боем

ЛИРИКА

Объяснительная записка

На меня некогда
Возводили поклепы, —
Он, мол, заглядывается исподволь
На рыжеволосую! А и в те годы
Я был не столь далеким
От сегодняшней погоды! —
То есть в та́поры я дышал жарко,
Смотрел горячо —
Обжигаясь украдкой
О твое плечо!..
Любовь одолевала измором —
Наш, мол, атлас
Не уйдет от нас!
O tempore, o mores!

В те времена, в те нравы,
О которых помню не я один, а и травы,
Согретые твоею стопой —
Я был уже в достаточной мере несамостоятельным
Под твоим обаятельным
Взглядом! Именно с той,
А не с другой поры, — под почти проливным дождем
(Что памятью очинно!)
Шелестящим письмом
Я накрепко пригвожден
К твоим, дорогая, вотчинам!

Чтобы облаком синим
Над тобой стояла, чтоб не продохнуть,
 чтоб зренье застила;
Не уходи, — просил, — дай насмотреться засветло!
Косы — темным-темно, глаза-то, плечи-то,
Сумерки шалью укутывают клетчатой, —
Ветер бы не дохнул, простудишься, дитя ведь!
Лугами далекими тянет
С низовий... За старой мельницей,
 в том углу, где бочаг,
Липа зацвела, на скамью свесясь,
Будто касаясь твоего плеча,
Тишайшее самозабвенье
Стоном стоит над соловьиной тенью...

III

Я знаю, это ты подкарауливаешь мой сон,
Подходя на цыпочках, крадучись,
Ласково стягиваешь шелковый поясок
Опущенной в воду памяти
Вокруг горла... Даже не открывая глаз,
Я вижу, что ты вся в желтом,
В шелестящем золоте,
Блеск которого еще не погас,
Еще светится теплым острием маленькой тайны...
Сквозь матовый сон я вслушиваюсь в то, что поет
Обносившийся медный чайник:
О влажной провинциальности сада,
О любви шепотом друга милого...
И сон начинает круто падать,
Не впадая в забывчивость!..
Я помню тебя по походке,
По острому вырезу рта,
По глазам, обволакивающим точно ткань
Мою тишину, в которой ты почти дома...

Ты — не в ближайшем селеньи,
А где-то около Буга!

Еще трижды оплаканный рассвет одинок,
Как глаз во лбу!
И вдруг со всех ног,
Будто их восемь,
Влетаешь! Милости просим,
Ложись на теплые небеса,
Разостланные по тугому песочку!

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ

Георгию Николаевичу Оболдуеву

Выпьем на ты,
Дорогой мой!..
...А кстати о том,
Что о прошлом годе
Волжские плоты
Встали поперек горла
Кормилицы Волги,
Вроде, как поцелуй кулугурки,
С подтасовкой сладчайшего отдыха
На сеновале...

Покрытые зеленой буркой,
Жигули спали.
Самарская лука
Выгибалась державинской одой...

В заречье росчерком каблука
Очерчивался танец,
Тот самый, что любят наигрывать пастухи...

Вечер был удивительно сухим, —
Как нынче, — и пиши — не больше!
И, так: В память бревен
Связанных в ксилофоны попарно,
— За твое здоровье,
За правый берег, обрывающийся с высоты
Ста метров,
За желтую, что коньяк воду,
За крутолобый ветер, —
На ты!

II

Друг, накрепко, как заклиненный,
С моих гор до тебя высоко,
Даже по прямой линии,
Из окна в окно —
Верст сто с гаком!

Уходишь в лакированную ночь
Рояля, в густую прозрачность Баха,
В плавную глубину певучих тонов,
Полных, как вдох и выдох,
Прощупывая твердое дно
Процеженного сквозь а-моль вида...

Недосягаемая спешка жизни.
Взгляд во весь небосклон.
Во всю грудь вольное дыханье...

Поглядываешь с усмешкой
На быстрый бег облаков:
Перегоню, детки!
На тонкие, что взгляд небеса:
Зарисую!
Лес:
Воспою!

Нет преград вольному перу
И точному зрению!

Более плавно, чем Фридеман Бах
Развертывается канцона дружбы
Меж нами —
Шестнадцати-миллиметровым проводом
от столба до столба
Бежит электронное пламя!..

Держись! Я и мое плечо —
Устойчивые контрфорсы, —
Опирайся, как о собственные!
Течет!
В заключение вычекань
Песней на золоте —
Наш мир, наша молодость!
Чур поровну!

III

Крупные капли акаций
Льются по горлу живой прохладой.
Готическое перекрытие лип...
С ближайшей оказией
Вышли Баха,
В твоей, дорогой, транскрипции.

Позавчера, — небеса текли
Плавно. Роса, смешанная с лавандой
Смежала мои ресницы,
Я плывал в обилии
Полифонической тишины
Один — ни друзей ни жены!

По нежно высланной еловой хвоей траве
Катилось уверенное бытие

Неповторимой фуги...
Как жаль, что уже пропет
Последний аккорд, —
Дослушиваю отголоски
Лакированной вьюги...

Еле слышно поет
Мельничная плотина —
Платиновые лады Ламы
Бегущие вдоль плавных
Яропольского парка: картинно
Подстриженного кустарника,
Ясневых куртин,
Осеняемых грустью
Твоего, дорогой, отсутствия!..

Н. М.

Сквозь бледную живопись тополей
Светятся твои пушистые глаза,
То мягче, то... больней...

Мох в потрескавшихся пазах
Дома седеет с́ дня на день;
Тонкорунная молодая береза
У окна покачивается поникнув,
Подверженный томительному склерозу
Книжный шкаф смотрит печальным, покинутым...

Любимая моя, — детка,
Сквозь яркую, солнечную тишину,
Покоющуюся на тонких ветках
Ивы, мне видно как жнут
Золотистую рожь,
И как заново вызолоченные снопы

Лежат будто ты
У солнца в объятьях, —
Твои волосы, твое платье...
Не трожь! — говорю ветерку,
Не смей! — небесам,
Пробегающим по твоему лицу...

Милая, что делать, как быть?
Если каждый вздох медленно живущей воды к лицу
Моему тихому небытию,
Которое пью о себе забывшись?

Якову Фриду

За милую душу!
Пьян жизнью
Как стелька,
Как жимолость...

Здорóво живешь, дуб,
За одного ли живешь, друг?
Крут поворот головы,
Дышишь как сызнава, —
Поступил в соловьи
Сызмала!

Глазурью подернут стих, —
Дрожью заветного сердцебиенья:
Наново крепнуть, расти,
Щелкать до изнеможенья!

Как заведут песню кузнецы —
Стальные кузнечики Шатуры. —
Ух ты, как широки
Как заливисты, — молодцы!

А у меня взапуски
Кряжи дубов,
Межи за́полосков!
От сочной тяжести плодов
Плечи гнутся!
Так что:
Благодарю покорно, —
Сыт по горло —
Улыбнуться
Некогда —
Пою до одури,
Но дружбе и тебе
Хватит места
В моем лирическом округе!

* * *

Радоваться горам,
Хвойным лесам, сметающим облака
от запада к востоку покатых небес,
Ручьям, наполненным говором и трущимся
о каменистое дно влажными и холодными
как у купальщиц губами,
Рекам, закованным в гранит набережных,
напоминающим великих грешников
средневековья, которые в припадке покаянья
беспрестанно бьют себя в грудь,
Рекам свободным, у которых одно призвание
нести свои воды и суда груженные
людьми, балками, смолой, бочками,
покачивающиеся на их широких волнах,
Мускулам грузчиков,
Скрипенью пристаней,
Ржанью и мычанью погружаемого скота,
Отлитым из солнца и ветра жеребцом,

Прочно стоящим на четырех врытых в землю коротких
ногах быкам,
Степям, которые подобно театральному занавесу
задергивают небеса непроницаемой, чем тучи,
Подземному кипенью, согревающему меня,
Залежам чугуна,
Железа, радия и сернокислого аммония,
Грузности чугуна,
Непроницаемости золота,
Томной бледности платины,
Немому великолепию камней, покоящихся в кладовых
госбанка,
Крупной рыси автомобилей
Великолепной походке экспрессов,
Алчности дыма,
Постоянному непримиримому бешенству
Земли, производящей ценности, выращивающей
огурцы и помидоры, прекрасные пальмы
и грозные баобабы,
Всему, что живет, дышит, рокошет, бесится,
сменяет сносившееся, выдумывает новое,
Вплоть до сорных трав – репейника и чертополоха
с их непримиримой ненавистью к пустырям –
Моя профессия.
Видеть, слышать, впивать в себя,
шорохи, шарканье, шипенье, гул города,
Шепот произрастающих трав,
Перемещать, находить им форму, дать им
Имена, определить их места, вес, площадь,
стоимость –
Мое занятие.

ПЕСНИ ШЕПОТОМ

*Девочка, это тебе в знак того,
что я не сержусь.*

Колыбельная

Черный и большой грач
Сел на окно и сказал:
— Я думаю, что пора
Спать, — у меня слипаются глаза!..

Пушисты как щенята облака,
Усталые, плывут на отдых.
Кот перестал лакать
Молоко, и спит... Вóды
Соседней заводи спят.
Щука, поднявшись с самого дна
Посмотреть погоду, пошла спать.
Пора и тебе... Мне грустно, что ты одна,
И некому согреть твои пальчики,
Тебе холодно и твоя постель
Холодна, как вечерний луг,
По которому прошлась роса...

Мне надо идти, а то бы я рассказал
Тебе о том, как еж, воришка и плут,
Мешает спать маленьким светлячкам.
Найдет и съест. И нет их... И станет темно в лесу,
Так, что медведю приходится в очках
Отыскивать себе пищу, или просить лису
Собрать ему ягод, грибов, или поймать мышь...
Видишь, как страшно? Спи... Тише...
А завтра я приду к тебе,
Чтоб петь, но о другом.
И снег будет душист и бел
От солнечных кругов.
Я буду петь и целовать

Лучи твоей любви;
Есть про запас у меня слова
О редкостной любви.

Утро

В окно стучится соловей
Лучом живой весны;
Он слышал, — ты опять моей...
Он слышал, — ты не спишь!

Цветет железная трава —
(Решетка за окном)
Стучат веселые дрова
И всё, и все о том,

Что снова около тебя
Моя любовь в тепле,
И солнце расцвело, дробясь
На ветренном стебле.

Полдень

Теперь вот, когда светло,
Я вижу тебя насквозь
И люблю тебя всю:
Каждый твой волосок,
Каждую твою улыбку...

Мне не нужно спрашивать
У птиц, что летят мимо,
Любишь ли ты меня,
Я знаю сам это
Гораздо лучше, чем птицы, и звёзды, и облака!

Ночь

Ложись... Ручки и ножки спрячь...

Видишь: на окне опять
Черный шелковый грач?
Он велит спать!..

11 января 1929 Москва

* * *

Простясь с остатками сердцебиенья
Вкушаю живительных лучей последние дозы,
Превращая в прохладное уединенье
Санаторным дыханьем прогазированный воздух.
Жду выписки, выписок и записок
Точно назначенья на пост.
Жду, чтобы окончательно высох
Написанный широкой кистью пляжа загар,
Который послужит запасом на невеликий пост. —
Воздержания от наготы солнца и прелестей моря,
скатывающегося к закату.

МАРТ

Евдокии Федоровне

Ах как удобно мартовские ночи
Под любовь приспособлены!

От первой капли, от первых признаков почек,
От крупных на ветках звезд, — особенно
Ласково стучит сердце, особенно чутко дышит грудь.

От внимательных глаз и губ,
От уютных, как сумерки, рук
Не убережешься!

Виноват, лгу, —

Оберегаться нехочется, — то есть наоборот —
Не хочется оберегаться,

Не тем голова

Занята!

Сам полураскрываешь рот

Вышептывая — особенно ласково звучащие слова,
Висящие над душой,
Влажные, будто март под вечер,
Чтобы услышать в ответ:

— Глупеныш, хорошо?

И ответить не подличая:

— Хорошо!

7/III 1930

СВИДЕТЕЛЬ МОЕЙ ЛЮБВИ

(Надежде)

Ты нынче волосами

Показалась у окна

К. Андреев

Небес просторной широты
Месяц почтенный страж,
С которым весело на ты
Беседовать, он наш;
Он охранял мой путь к тебе,
Когда по первопутку
Слегка взволнованных небес
К тебе завертывал я на минутку.
Он разговаривал со мной
Сквозь туч тяжелых шторы,
Когда даже ему темно,
Он мой посланник скорый
Для передачи нежных слов
Самой тончайшей вязи
И рад, что из-за пустяков
Не оскорбил отказом.
Мою любовь он изучил
Как ты, насквозь, до дна
И радостны его лучи,
Когда ты у окна!
Он знает — не минёт поэт
Обмолвиться о нем,
Недаром мы с ним с детских лет
Одной звездой живем.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ С МЕСТ № 3

Кириллу Константиновичу Андрееву от 18/VII 29

Сват — брат, — по службе товарищ, —
Стучишь по одному делу!..
А дружба, невесть где!
Утеряна!..
Проспал, соловей,
Просвистал, добрый молодец!
Туман в голове,
Тоска в городе!..
Махровый колокол —
Полевой колокольчик,
Сосняк около
Шепчет игольчатый
Запевала —
Подголосок пурги...
А бывало,
Насвистывал
Из подворотни —
— Выходи,
На чистую!
Не воротишь!
Хо-хо! Как дождь заливается, —
Чист и звончат:
Мол — друг, помолчи нонче.
И не такие бывают дела, —
Да перемалываются!

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ С МЕСТ № 8

Вере Клавдиевне Звягинцевой от 10/VIII 29

У нас весна, у вас масленица,
Любезная соседка по ремеслу.
Искряная, медоточивая застольная беседа.

Мягкая побелка скатерти — именинницей.
— Как сейчас помню — тридцатые годы:
За чаем у Елагиной
Дядя Саша и дядя Женя,
Крылов Иван Андреевич
Будто форт на углу стола, —
Башня ранне Раменского периода.
За самоваром хозяйка,
Коей пушистые руки вспыхивают
Легчайшими прикосновениями мотылька
Точь в точь как вы сейчас. Помнится
Спорили о былом, говорили о будущем,
Сиречь о нашем житье-бытье, — признаться,
Нам завидовать нечему!

Жизнь по-прежнему радует, —
С каждым днем ощутимей ее дыханье,
Каждый день течет хорошо наполненными
ударями пульса,
Чай горяч; под радушными взглядами хозяйки
Часы вежливо указуют время, так что

Разрешите откланяться,
Ручку пожалуйста!

НА РАЗЛУКУ

Как жаль, что нельзя на голос пропеть дорогу, —
(Не песенное построенье!)
Ветер, легонько трогая
Сердца неуверенное биенье,
Проскользнет за тобой в узкую
Дверцу вагона,
Чтобы напомнить у Курска,
На тысячном перегоне:

— Остался в золотистой не́погоди
Осеннее небо коптить!..

Путь скатертью, точнее
Железнодорожным полотном!
Воздух в груди плотнеет
В камень. Потом
Пожму дорогую руку,
Благословясь на долгий срок
Разгуливать разлуку,
Запоминать дымок...

И больше, может быть, ни полсловечка;
Пылью затаяет
Кропотливая вечность
Твою — память,
Единственную в мире,
Из которой
Не хочется уходить.
Пошире глаза — открой!
Не увижу ль улыбки покоящейся на ресницах,
Что, мол, — Милый, не спится!

Дальше — свисток оборвёт — сразу,
Пальцами хрустя,
И на этот раз не высказанную фразу...
И может быть, не простясь,
Поплывешь, колыхаясь,
На юг,
Вспоминать, отдыхая,
Как я
Пою...

18/IX 29, Москва

ВСПОМИНАЮ ЛЮБИМУЮ

Отходя ко сну,
Вписываю в дневник
Разлук
Труды и дни,
Чтоб в будущем подвести
Итог
Любви.
Прости,
Если что
Неточно!

Жил-поживал не близко — не далеко —
Пять тысяч верст с гаком!
Ежедневно провожал на пляж (заглазно)
Смотрел, как всходило плавное бедро над морем,
(Ночи были месячные!),
Слушал, как спадала с плеч
Синяя бахромчатая волна,
Как шелестела из-под легонькой крылатой ступни
Галька.
Вдоль по руке
Следил полет неба.

Тыркаюсь слепым щенком
В теплую грудь.
Похаживаю вокруг да около, —
Милое тело —
Розовое.

Встал бы да пошел напрямиком /?/
Да глаз якорем, в уютных скалах.
(Не пущай, говоришь?)
На якорном канате
Сыгранная боль не уступает Баху, —
Так чист, и высок, и в меру певуч звук.
— Ты, говорит, как над душой стоишь,

Над каждым волосом!
— Больно хорошо, отвечаю, —
Золотистый мир в миниатюре!

Обалдеть от таких прожилок!
Глазное яблоко, как молоко!
Как под куполом, у самого подбородка, высоко
Живет горлышко!
Не закидывай головы, — укушу!

А сколько дурацких слов выдумано человеком
Для того, чтобы выругать самое любимое!

Здесь вот, под напуском прически,
Самая заветная ямочка,
До которой и во сне не добраться!

Чуть вздрагивают ноздри!

Пожалуйста, не опускай ресниц,
Сквозь тонкую пленку век
Еще ощутимей глазной зрачок.

Вспоминаю, как бьется
Прозрачная жилка у щиколотки.
Вслушивался, как билось сердце
В широких, тяжелых ласковых ладонях,
Совсем близко — страшно —
Не проглотить бы!

А ты неужто же не помнишь губ,
Соленые, плотные,
Теплые,
Почти как волны
Любимого тобой моря?

Кажется, забыл что-то?..

НЕ ОТВЕЧАЕТ

Говоришь, что любви ни в одном глазу?
Неправда! Вот сейчас,
Перелистывая объёмистый том
Октября, тебя отыскивал: За, Зо, Зу...
Цифра
Ухмыляется, фыркает,
Готова сбежать на «ща»;
Но об этом потом...
Лакированный ящик — тень
На стене — сейчас, мол, позолотой оденет!
Один — Семьдесят семь —
Девяносто девять!..
В квартире прозрачно, как в степи, —
Одна тишина — да и та спит.

12/X 29

СВИДАНИЕ ДРУЗЕЙ

(Портреты особ, имена коих
не подлежат оглашению)

*Вере Клавдиевне Звягинцевой силуэты ее друзей.
Не всегда похожи, но всегда лиричны*

В день рождения А.С. (42 года)/3/XI 29

I

Шипит молодой кипяток.
Речушка — ручеек — девочка!
Шевелит глазками прохладный омуток
Лица. Лепечет, будто веточку
Ветерка теребят губы-струи...
Струится, как между трав
Перебирая пальчиками густую

Ласковая разногласица!
Инда в глазах темно
От желтого оперенья;
Течет на звонкое дно
Медленное пенье...

На жизненном полпути
Единственный раз встречаю
Когда оттепель поит птиц
Чаем.

<В. Звягинцева>

IV

Сердце на выкате,
Как бубен!
Посмотрите-ка,
Как двигает
Неуклюжие жернова буден...
Вместе с ним за одним столом,
Одной чаркой встречает день!
Глянет в глаза — светло,
От радости оболдеть
Можно — Молодость празднует!
Около его тепло,
Будто у милой за пазухой!

<Г. Оболдуев>

V

Смотрел и в ее глаза — смутные,
Пощупал сердце — трепещется — ласточка;
Уж такая-то уютная,

Весенним днем ластится!
По пальчику перебрал — лёд,
Звонкая, жаворонком в небесах тонет;
Зачем же бить в лёт
Сама спускается на ладонь!

<Л. Федорова (Лилишка)>

VI

Одним миром мазаны,
От одной печки — вальсируем,
Может быть разной
Выпечки, но месили нас
Одинаково.
Осуждены за грехи
Сидеть сединой фосфоресцируя;
Нам бы с вами архив,
Мы бы его
Классифицировали!

<А. Ерофеев>

VII

Бе-бе! Шерстянная киска!
Шепотком шелестит в уголку;
Поблескивая тихими искрами
Волос, мягонько, исподволь тянется к молоку —
К сладостям вытянувшись в струнку —
В страну лирики интимной...
Глянeshь на нее, — в сторонке
Гаснет звездочкой серпантинной!..

<Е. Николаева (Женя)>

VIII

Метафорическая загвоздка — дважды два — сто!
Изнутри просто, как хлеба ломоть, снаружи постой
Дай-ка оглядеться! На месте ли рука, —
Суковат, не прилажены ли к каблукам —
Глаза, не на затылке ли уши?
Жалуется, — что по ночам душат
Кошмары... — лежу, — мол, — разлинован — блокнот,
Не удобно, как в клетке стае
От перестука ломает
В костях, а говорят пустое!

Отйду в сторону — гляну — удался, аль нет, —
Замысловатый портрет
Моего доброго знакомого!

<И. Пулькин>

IX

Расплескалась, как по песочку
Расчесанная, заплетенная в два ручья — ночь
Течет через кофточку, —
Избегая длиннот
И повторений.

Поглядывая на ветер, сквозь ночи згу.
Не протягивайте никому хлибких
Рук, тем паче,
Что с губ
Не выветрилась еще ребячья
Улыбка.

24/XI 29

<Е. Новикова (Аля)>

* * *

Ильзе Максимилиановне Вульфус

Тишайший свет месяца
Вдоль дороги...
Есть от чего сердцу зайтиться!

А ты тоже не спишь?
Как я?
Тоже бродишь по синему свету до свету?

Да нет же! Этого быть не может!
Уютно. Солнцеголовый
Сын на коленях. Люблю...

Не нужно бродить и плакаться,
Что с сердцем сладу нет,
Что страшно, как в обмороке... Это я!

Что нервы берут в объятья,
Туго-натуго, наглухо!
Сто лет не видал — двое суток!

Страшно — потерять боюсь
Тебя —
Моя вновь обретенная совесть!

24/XII <предположительно, 1929>

ЛИРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Вступление

Был мальчиком — копченым угрем —
Бегал в рощу — по звезды-ягоды,
Копался в желтом прохладном песке оврага,
Валандался в речушке,
Вылавливая вьюнов у прогнившего моста...
Ходил в школу, — по звонкому льду улетал на полюс.
Был мальчиком у подмастерья —
Чистил канализационные трубы,
Тянул через двор 16-миллиметровые магистрали.
Был пастухом, землекопом,
Наборщиком...
Был в армии — водил босоногий отряд;
Зубами отгрызался от наступающих чехов...
Был избачом, политруком,
А теперь вот,
Будучи поэтом —
Люблю тебя —
Больше я не намерен менять профессии, —
Этого занятия хватит на всю жизнь!

13/1 1930

I

Смешон ли соловей, когда картав
О любви щелкая,
Или не открывая рта
Разливается вздохами шелковыми
По густым звездным зарослям,
По кустам крушин, жимолости,
Если он позабыл — Звался ли
Он когда-нибудь соловьем?

Выхлеставшись
Начисто с первого взгляда —
Первым молчаливым «О!»,
Он не сладит с голосовым разладом
Да и все тут! Кого
Просить, кому жаловаться, если как мел
Сух горловой нерв? — Поверьте,
Что он ослеп, оглох, онемел
Вплоть до неизбежной смерти!

23/1 1930

II

Солнышко вороненое,
Высокое имя,
Любимое,
Оброненная песня с ветра,
Наказанье за грехи прапрадедов,
Сердце пропавшее пропадом,
Единственная непреложная истина —
Вызубренное по складам
Люб-лю...

26—27/1 1930

III

Мост и еще мост
На моем пути...
Здоров живешь ночь, —
Рослая почти до звезд,
Не скажешь ли как пройти
Мимо этого фонаря, —
Он точь-в-точь
Соглядатай!

Много не говоря —
Остановит и спросит — куда ты?
Как сказать, что в район памятников —
Москвы времен Грозного?
Городские часы, хотя и без маятника,
Тем не менее, говорят — поздно уже!
Мне нужно видеть!.. Куда!?
Почивать изволят!

Воздухом мутным точно слюда
Тротуар пóлит, —
Не пылит, — ни птенца в сквере!..

Простите, ведь еще только январь
А я так был уверен
Что по крайней мере
Июнь. — Такая хмарь
В глазах от бессонницы, —
Должно быть (сказать совестно)
К любимой накрепко пригвожден
Тоской пополам с дождем...

До смерти горяча,
Сердце захлебывается, тонет.
А единственно надежный причал
Это ее
ладони!

IV

Говорят, — не разучиваются петь
Ни барабан, ни медь
Трубы, ни клинка цементированная полоска,
Ни певчая струна веток;
Любимая, может быть я из воска,
Не дающего прямого ответа
Нá голос, я резонирую йначе. —

* * *

Разливанное небо —
Синевы по колено, по горло солнышка.
Выпивай и закусывай на ветру,
Оттепелю душистой — амброзией.

Вот-вот защебечет март
На коричневых ветках обгорелых сумерек...
Трамвай-то, мил-человек, течет
С горы на гору с легким звоном.

А у милой-то рассвет в глазах,
Весна на переносице;
Волосы, выбиваясь на улицу,
По щекам нежно, как ласка, на воротник бегут.

Оглохли подворотни от ручейков —
Звон в ушах и на сердце
От предполагаемых жаворонков.
Так бы вот и дышал голубизной из луж.

Так бы вот и остался навсегда в глазах
У нее, под охраной ресниц,
Под наблюденьем неба,
Забрызганного оттепелями и свистом.

18/II 1930

* * *

Жили-были дед и баба,
Была у них курочка ряба;
Снесла курочка яичко золотое
Золотое яичко, не простое.

Только было новую жизнь начали,
Тут-то их и раскулачили!

26/III 1930
Г.Оболдуев
Иван Пулькин

* * *

Март с весной наперевес
Осаждает крышу мира —
Синий паводок небес,
Волны грузные эфира.

Нет лужаек, масса луж, —
Воздух прелый пахнет хлебом;
Исцеление от стуж
Празднует густое небо.

Сколько ветру!
Город нов
В нашей северной природе
От баритональных нот
До сплошного половодья

* * *

О смертный, проще глянь на жизнь
Отринь души сухую хилость
И крепче за землю держись
В непромокаемых бахилах
Отважно шествуй через грязь
Дыши просторной широтой
Смотри как небо наклонясь
Любуется тобой...

От милых глаз, от милых уст
Я в сумерках никак не оторвусь
Мы вместе бродим целый вечер
Охотясь за словцом за словом
И воздух нами процелован
Насквозь в глаза в виски и в плечи

Зимы как не было, на слом
Сдаются ветхие хоромы
Снег стаял обнажая лом.
Довольно песен похоронных
Довольно вечных мудрых тем
Элегий слезных а затем
Давно пора сказать всерьез
Да здравствует утильсырье.

* * *

Слово за слово, рука об руку — сам с собой
Прогуливаясь за городом, беседую с листвою
Мокрого от дождя орешника,
Имея за плечами опыт завязтого грешника.

Гляжу, как по хрящеватому дну
Волны перекатываются,
Как рыбки, нагоняя одна одну,
Налегке, подсватываются
К струйкам...
На лужке разнообразные,
Словно ярмарка годовая,
Расположились празднично
Толпы цветов и трав.

На опушке лесочка
Девушка, голова ее,
С самого утра
Покоится на ручке, подкарауливая небеса.

На крохотных листочках
Покачивается роса,
Да и сам-то я вроде
Дачника с зонтиком на природе.

Распускаюсь в синей оттепели небес,
Купаюсь, входя по колени в воду.
Сажусь за обед без всякого без Удовольствия,
соотечественнице в угоду,

Пью простоквашу, вдыхаю
Благодать, подслушиваю соловья по вечерам,
Словом, что называется, я отдыхаю
По предписанию врача.

16/V 1930

* * *

Ощущаю, как собственное сердцебиенье
Индевеющий пламень твоих волос сквозь седину,
Грудь сквозь тонкую ткань,
Сердце сквозь поцелуи.

Как в обморок в твой благовонный ад!
Любимая, губы, губы твои
Пряный огонь напополам с перцем.

Милая,
От пяток до ресниц
Через плавное колыханье
Нежнейшего пуха, к губам
Лиловым, как сумерки,
Чтоб сникнуть убаюканным на смерть
У твоего плеча!

1/VI 1930

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА № 2

От 26/VI 30 года

В памяти не засóрятся
День, час, дождь,
(В который ушли ссориться)
Словесная дрожь
(Срывавшаяся вместо слов
С языка) Намечалась гроза,
Которую к счастью пронесло!
Не оглядываясь назад
Люблю, но вспоминая памятное число
По-щелячи заглядываю в глаза...
Точно: обстоятельства, место, время —
Шелковка. 25 июня.
Между изб колыхались деревья,
Дождь распускал слюни;
Ты мечешь громы, я — заикаюсь.
Но нечего притворяться. И...
С этой страницы публично каюсь
В непредусмотренно повышенной интонации

27/VI 1930, Верея

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА № 3

Ты меня обнадежила
Славой в этом мире,
Отчего сердце мое и под оде́жею
Бьется прочней и шире.

Ты свою любовь обмениваешь на мою,
(Вот так товара обмен!)
Поэтому должно быть, так хорошо пою,
Напрягаясь до расширения вен!

Деревья приминая
Спешу — не разлюбила б ты!
А я-то уж тебя не променяю
И на жизнь двойной широты,

Не то что на другую — людскую
Женщину, к такой не влечет!
Тогда как к тебе тоскуя
Склоняется мое плечо.

Понятно само собой
(Куда ясней!)
Что и в вечности я с тобой
Не с ней.

14—15/VI 1930

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Ты говорила, что тебе нравится «Слетает вечер с облаков», а я обещал тебе оное переписать, ну вот и переписываю.

Нисходит вечер с облаков,
Бредут стада долиной, —
Коровы пахнут молоком
И влажной луговинной...

Петух скликает важно кур,
Луна на небе значитя,
Как будто братьями Гонкур
Весь вечер переписан начисто.

Помарок нет, описок тож —
Главы подшиты, — клеены,
На поле колосится рожь
И густо пахнет клевером...

В заречье всхлипнул коростель, —
Возьму редисок с грядки —
Пужинаю и в постель!..
Жена уснула — все в порядке.

28/VI 1930, Верея

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Милая душно — тишины по уши!
Сердце заложило тоской по тебе,
Глаза небом завалило... Помнишь ли?
(Я так по сю пору памятую!)
Как приглядывался к глазам далеким,
Плечам пологим, речам легким;
Как время измерял бегом —
От себя к тебе, а встречу приснопамятную
Не заспать, не забыть,
Не запить!
Как жарко дышала смотрела зорко
(Тоже приглядывалась должно быть!)
С тех самых пор знобит
Бывшего непоседу-жлоба
...Глаза небом заволокло!.. Один с пригорка,
С обрыва расцветит в радугу.
Рощи косое крыло над речкой
Плывет перебирая листвою... Не радует
Горизонт, не баюкает вечер!
Где ты, как живешь, как дышишь?
Помнишь ли? Протягиваю руки...
Городские небеса куда чай выше,
Чем здешние, затянутые дымком разлуки

14–17/VIII 1930, Верея

ОДА

Ветер, — меня причесывал,
Речка — меня обнимала,
Лес — меня развлекал разговором —
Куда там!
Знать ничего не хочу!
Сейчас умереть — стосковался,
Соскучился,
Сгрустнулся, —
Вынь да положь по щучьему веленью —
Задушу, зацелую, заглужу, заразговариваю.

* * *

Она исходит сердечной теплотой,
Как утро ароматом трав с лугов,
Как звоном музыки блатной
Трамвай исходит.
С облаков
Так падает высокий свет,
Как взгляд ее из-под ресниц просторных
На мягкой скатерти уютный цвет...

* * *

Благодарю покорно,
Товарищи, за теплый разговор
О небытии сердца —
Вздор!
Дорогие мои!
Отправляюсь к ней отогреться
В тени ее от теоретических прохлад!

По случаю мороза, а ничего другого;
Говорят —
 видели птах,
Замерзающих на лету,
Говорят —
 Был розов
Закат...
Говорят —
 Я не видел...
Впрочем, я не в обиде —
Я не люблю зимы!

*

Как сейчас помню:
 Двадцать пятое. Вечер.
Совершенно не человеческий
Выкрик матери и мой писк,
Такой, что скривился луны беззастенчивой диск.
Широко растворили мне ворота в мир...
Семья не богата детьми,
Следовательно, понятно, как я был встречен,
И поныне благословляется вечер,
Встретивший меня тишиной.

*

Итак, я впервые глянул на мир
Глазами раскрытыми настезь!
Крикнув бабушке, ветхой денми:
Посторонись!
 Мир застишь!

Мир ничего себе, но тишина
Такая, что можно сойти с ума
От тишины!
 Впоследствии я уяснил
 причину тишины крылатой —
 Мир собирался грянуть 1905-м

Печь засижена мухами, в пятнах клопов.
Заплаты
На окнах, как наследье от прошлых веков,
За окнами...
Не соловьям же за окнами петь!
Не к чему прислушаться,
Не на что поглядеть!

II

И меня укладывали баушки —
Спать спозаранку,
Рассказывали сказки баушки
И бабушкины сны
И отец дирал за ушки,
И мать потчевала вкусными подшлепками,
А с наступленьем весны
И я как и прочие малыши
Удирал в залитые водой луга,
В беспросветную ширь
Отдаленного лета.

С наслажденьем ступала нога
В тонкую, как оттепель, пойму...
А все потому, что на самой быри
Ежегодно вызревал букет
Курослепа —
Обхвата в три —
Глаз тонул в солнечности его лепестков —
Море желтого света!
А над головой высоко-высоко
Заливался собрат его —
Желтый и звонкий бубен!

III

Рос буйно —
Не останавливаясь ни перед чем,
И мир по мне равнялся,
На его просторном плече
Я рядом с дедом довольно уютно качался.

Бородат и широкоплеч,
Седатый, — в плечах рыжеват;
Бывало всю зиму обогревал печь
С боку на бок переворачиваясь...
А в сумерки выходя на завалинку,
Таково важегато
Повествовал, почесывая валенки,
Про то, про се,
Про хлеб, про землю,
Про молотьбу и про покос.
И млели слушатели, внемля,
Убрал глаза под бахрому волос.

И когда всем кагалом
Разойдясь поднимали галдеж,
Тридевятьим валом
Наваливались выкрики —
Будто клокочет рожь
Под ветром:

Аномьясь,
Намедни,
Оновдысь,
Анадьсь,
Почейка,
Надысь,
Позавчера,
Третьёводни,
Навдысь из Харламихи
Прошаловым да прямиком,
Мать ты моя,

Жижа в ступицах,
Вода по брюхо...
Было раз куги
Вез
Воз
Через
Черногрязку
А на Нешкове,
Брат ты мой,
беды!

15/VIII 1931 Шишково

БЛАГОДАРСТВЕННАЯ

На жизнь из твоих рук гляжу,
Прихожу к убежденью:
И до чего ж мило — жуть —
Праздничное времяпровожденье!
День встает —
С высока горы
Льется свет очей твоих ласковый.
Просыпаюсь солнышком накрыт —
Из-под солнца тело выпрастываю!
Работа ложится на грудь
Теплой тяжестью дружбы,
Мягко ведет игру
И к сумеркам сладко недужит...
Ночь встречает большим теплом,
Крутоплечей подушки ложе,
Звездно-тихо-лунно тепло
Нежно пронизывает кожу...
Глаза закрываю спать
С твоим сном рядом;
Так вот и буду произрастать —
Из твоих рук, под твоим взглядом!

4-5/X 1931 Перловка с ж/д

ДНЕВНИК

Ильзе Вульфийус

I

Открывая окно, чувствую ночи царскую спесь,
Покатый горизонт в звездах и плотную тишину пихт...

*

Поздно приходит старость с сединой и колотьем,
Поздно появляется страсть к одиночеству и сиденью

*

У камелька за чтением изданных после смерти поэтов.
А впрочем, совсем не поздно жить и наливатьсь кровью,

*

Так как никогда не поздно спать и не видеть снов!

15/XI 1931 Перловка

II

И жизнь моя отзвонит
По слегка подмерзшей дороге, —
Я жить перестану в живых,
Склонясь к тебе на колени.

И ты, моя дорогая,
Покоясь в сухом полумраке,
Увидишь как лягут тени
На мои прозрачные руки;

Ну да, они станут прозрачными и неживыми,
Запомни!,
Не сумев удержать твое имя
В неуверенно застывших ладонях!

15-26/XI 1931, Перловка

III

(1)

Зима на мою гóлову
Прозрачным холодом олова
Обрушивается,
Снегом нá голову,
Тишиной нá плечи,
Зубы нá голо,
На отмашь,
Жестяным морозом, —
В слезы
От одиночества!

(2)

А уж я ли не любил зимы —
Ее заячьей поступи по первопутку,
Звучащей, как аз есьмь мы!,
Самоутвержденья шуткой...

(3)

Один я! один в этом мире —
На улице и у себя в квартире,
И у тебя в гостях
Ежели при посторонних,

Которые не простят
Если ты даже,
Даже и невзначай
Ласковый взгляд проронишь
Хоть йскоса, хоть сквозь зубы,
Или хоть из-за воротника шубы!

(4)

Смотришь престранно, белеса, как ночь, как площадь
Не примечая!,

А чего проще,
Как сжить меня со свету
Не снясь всю ночь до свету
Или даже хоть за чашкой чая
Не уронив любимой моей руки в руку
Хоть как на чай дворнику!

(5)

Иду домой
Ветром неогороженным,
Алейкой,
Шоссе,
Дорожкой,
Двориком,
Во сне не хоженным, —
Безразлично, как нечаянный ночной встречник,
Даже не лая,
Встречает меня мой скворечник, —
Моя ни стылая
Ни жилая
Жизнь...

26/XI 1931 Перловка

ПОРТРЕТ

С.П. Боброву

Нежно перелистывает пласты
Лирического недомоганья:
— О любовь! о ты,
Задержанное дыханье!..

Смотрит пожиная плоды
Непогрешимо единый
Сквозь ассирийския брады
Седины...

Ногтем тонким трогая усов проседь
Допуская зрачки съужаться
Почти что ласково просит
Не выразаться.

20/XI 1931 Перловка

ЭПИГРАФЫ

Острым взмахом ласточкинова крыла
Роща по́ небу плыла —
Роскошно колыхались вершины
И навзничь ложилась трава
Под автомобильной шиной.

1931, Перловка

Спокойно, будто на поводе,
Переступает мягкий дождь.
Ночь — день за днем
Сижу и жду...
Сидишь и ждешь...
Вот так сидим и ждем.

XII 1931 — I 1932, Перловка

Весна — это когда бежит с глаз сон,
Ибо —

Ни свет
Ни заря
И свет
И заря

Восходят на горизонт.

1931, Перловка

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Люди жили на чеку —
Ждали выигрышей,
А тут дали чудаку
Жизни полные пригоршни, —
Взял как нож,
Как ношу,
А на что мне —
Бери хошь,
А то брошу.

Жил, как лето спустя,
По малину, прижмутив веки,
Лесом шел: с каждого куста —
По ягоде, с дерева — по ветке.
Рукава спустя
Девать некуда,
Жить незачем —
Любить некого!

Да вдруг, как глянул во всю-то ширь
Молодых да завидущих глаз —
Во всем мире ни души,
Кроме тебя — тогда еще, собственно, вас.

Подставляй, говорю,
Жизнь нальет!

И для твоей улыбки
Распахиваю руки вразлет
Просторно!
От плеча до плеча
Небо укладывай и качай
Как в зыбке!

Горяча!
Сквозь пальцы текут
Секунды, минуты, часы, огни,
Чтоб тише, чтоб сердца не бились.
Встречаешь — говоришь: звони!
Звоню, а не выговоришь: ах, отку —
Откуда вы явились,
Весны моей золотые дни!

11/1 1932, Перловка — Москва

* * *

Какое вздрагивающее дыхание!
Глубже, успокоенней, тише...
Успокаиваешься, отдыхая,
Дышишь,
Любишь, глядишь,
Не видишь притискающегося к тебе в плоть
Ощущая на моей груди
Свое оглушительное тепло.
Льется оно, пенится, бродит,
Затягивая тебя в круг
Еще не просохших от пылающей полноты бедер
Моих любящих, оголтелых рук.
Даже за ресницы твои не скроюсь!
Плавно опускаются небеса
На торжественную нескромность,
Цветущую в твоих глазах!

11-12/1 1932, Москва. Сокольники

ВАРЬЯЦИИ

А что если и смерть, как ты,
Уйдет, не протянув руки,
Не попрощавшись, не сказав:
Зайду, не поглядев в глаза,
Задернутые тишиной,
Как поступила ты со мной
Текущею весной.

И все признают: смерть права!
Покроется снежком трава,
Все позабудут летний бред
На много зим и много лет;
Но не похолодеет лоб!..
И это куда бы ни шло,
Когда б не тяжело...

15/V — 7/VI 1932, Перловка

* * *

Оранжевая
Кружевная даль.
{Вынь да положи милую!}
Сквозь зазубренную стену сосен
Далеких и милых,
Душных,
Любимых, как сонное тепло
Тела,
Коричневеют пашни.
Бархатятся травы.
Барахтается ручеек
Кудряшками на плечо
Пригорка опускаясь,

Гриб боровик
Под дубами сидючи,
На все грибы глядячи
Говорит гриб:
— Заберусь под шейный завиток
К самому ушку,
Чтобы ночью под локоток
На самую теплую подушку.
Буду шептать тебе
Шепотком,
Литься теплом
В душу:
А ты меня помнишь
На ощупь,
На запах,
Как я тебя,
Как солнце,
Как запад,
Как занавес?
Нет?
Не любишь?
Неправда,
Милая!

27/VII 1932, Москва

НЕОТЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР

I

1

Спишь, дышишь, ходишь,
Пишешь, работаешь, отдыхаешь,
Гуляешь, ешь, поёшь,
Лежишь, говоришь, читаешь;

Колыбель колыбаешь, дитя баюкая,
Хлопочешь, бранишься, рвешься,
В уютном спокойствии пребываешь —
Все так:

Неизменно, любя, любима, знакома,
Ощущаема, осязаема, незнакома,
Желанна, неизведана, как в первый день
Пол третья́ года тому назад.

2

Москва, Тверская. Сквозь стены здания Облисполкома
Смотрит на меня трезво рабочий полдень —
Обыденная-буднешняя страда
Разверстанная на пять лет
Уложенные в четыре года.

3

Жизнь укомплектована до тесноты
Единственно —
На бирже труда
Просторно,
Как в кафедральных
Зарослях пустоты;
Скажете:

— Небо рухнет.
Помогите.

Ответят:

— Рухнет!

Скажи́те?!

4

Должно поэтому,
Аль по тому,
Некогда протянуться, то есть усталость вытянуть

Должно поэтому
Лишь раз в году
Смотришь в мои глаза
Упираясь зрачками
В дно моего сознания.

5

Сплю —
 Проникаешь в сон,
 Как составная часть,
 Как неотъемлемое право видеть
 Ведь не усну иначе!
Иду —
 Сопутствуешь,
Ем —
 Сотрапезуешь,
Тружусь —
 И ты около
 Рука об руку, — сердце об локоть
 Тучка с облаком —
Не могу иначе!

6

Стряхиваю с плеча
День к вечеру
Засален-замаслен и выпачкан,
Как и спецовка.

7

 Не потому
Почему другие — не на производстве,
Не на производственном
Совещанье — запросто на дому,
Потому что на разных

Поприщах прем
Нашу жизнь, потому
Еще, что смешон
Резон профессионального подбора!
А ежели в читальне,
А ежели
В доме отдыха,
Если на праздной
Прогулке встретились и не расстались?

Следовательно, не об том речь,
Следовательно, стали
Неразделимы на век!

1932

ГОРБОВСКАЯ ХРОНИКА

I

На бронированных смолой кокорах
Или на сцементированных кирпичах,
Глуша феноменальным запасом прочности,
Зиждילים их хоромы.

И все равно, каменные они или бревенчатые,
Сверкая мясистой ухмылкой,
Они показывают величественной вечности
Жирно смазанный шиш.

На их крашенных зеленой медянкой крышах
Бронзовым норовистым жеребцом,
Коваными грохоча подковами,
Скачет пьяная фанаберия!

Обычно такие хоромы обстроены
Пристройками и боковушками,

Коровниками и птичниками,
При них обязательно баня,
Рассчитанная не менее чем на десять
По-купчески живущих обстоятельных поколений.

Их комнаты, заставленные печами,
Перегружены укладками и теплом,
Сохраняют наследственное дыханье
В течение сотен лет...

В спальнях лежат пуховики
В неизобразимых смертным пером объятых<,>
<В> грузных, дубовых, резных
Саркофагах кроватей.
В красном углу божницы
С иконами в кованных ризах,
Отколь кастрированные лица святых
Смотрели на бесконечный список
Благополучного рода.
Перед ними висела
Неугасаемая лампада
На выписанном с Урала
Двадцатифунтовом крюке.
В столовой висят портреты:
Основатель и слава рода,
Сыновья его и их жены,
Сыновья сыновей и внуки,
Внуки внуков и снова внуки
С женами и детьми.

Висели для устрашения конкурентов
А также для самоуслаждения потомков
Полные и сухие лица,
Оправленные в багет,
В традиционные чуйки, в охабни, армяки, халаты
И в долгополые сюртуки.

Род начинался тощим
Высохим человеком
С каменной мечевидной
Остро отточенной и зеленоватой
Неподобающей бородой.

Это и был великий
Зачинатель сего фольварка,
Скопидом и несокрушимый
Егор Афанасьевич Горбов.

II

Прежде чем выстроить эти хоромы
Егор Афанасьевич Горбов
Был лихачом в Москве.

И поговаривали, что где-то
На особо крутом повороте
Егор однажды не сумел удержать жеребца
И не заметил, как вылетел через задок
Плотный в енотах и дворянской фуражке боров,
Приехавший в Москву на святки
Из отдаленных степных губерний

1933

* * *

Текут над миром провода,
Синим пламенем обожжены;
Какая теплая вода
У этой тишины!

У этой ночи что за глаз,
Густой и черный, гуще-гуще!

Щека о сердце обожглась,
А голос по району пущен.

Он ходит с песней на губах,
Пропагандирующей радость:
В полях, на гумнах, на лугах,
Работая в рядах бригады.

Она выносит спелый труд
По вечерам на синий воздух
И ежедневно поутру
Пьет соловьиных радуг воду.

И песня греет, веселя
Горячей влаги легким валом,
А с ней рождается в полях
Загорелый запевало!

13-22/VI 1933, Москва — Шишково

* * *

Цветет земли роскошный цвет,
Благоухает тонкий воздух;
Сквозь чашу неба прет рассвет,
Кропя на звезды и на воды.

Граненая вода ручьев
Шипит и прядает. Обозом
Хозяйственное грачье
Выходит на поля колхоза.

По свежевзбороненным га
Они бредут, шагами мера
Плетеные тропы бригад,
Поднявши парусами перья.

Тепла коришневая гладь,
Пухла и широка как воздух.
Почти морская глубина
Пропашки. Не отыщешь броду.

Зерно ложится, словно в пух,
И набухает, будто влага.
Всем пылом отпылав, потух
Рассвет. Туман плывет оврагом.

Он заполняет небеса —
Густое голубое пиво.
Пройдясь рукой по волосам,
Старшой командует неторопливо.

И голос льется вдаль полей,
Переливаясь в уши кадрам:
— Залога! Отпрягай коней!
Корми!
Так вышел на работу завтрак.

Май 1933, Москва — Перловка

* * *

Оттого мне так светло,
Как на тихом побережье,
Где зеленое стекло
Выразительное брезжит.

Где в лучах поля и рощи —
В них большие соловьи
Осыпают с веток ночи
Капли звонкие свои.

Здесь во всю живет вода,
Льется сосен запах горький
Вырастают города
На полях и на пригорках

Месяц, можешь закатиться,
Ни к чему твои лучи,
Плещет звонкая водица
О бетон и кирпичи.

Зеленями убрана,
В трудовой азарте тонет
Вся всемирная страна
Предо мной как на ладони!

Май — июнь 1933, Москва — Перловка

* * *

Я был молодым да ярым —
Вóлос в крутое кольцо;
Гляделся заре в лицо
В дым веселым угаром.

И я гулял по селам,
Буйствуя и круша,
Пьяным да веселым —
На распашку душа.

Однажды я умер, на страх врагам —
Сдохло отечество.
Похоронили меня под похоронный марш
Вместе с отечественным молодечеством.

Лежу в могиле — отпетое прошлое.
Над могилою — пыль столбом.

Затоптанный жесткими подошвами,
Я не думаю о былом.

Из замшелой могилы отечества
Я слышу, как в стороне от растяп
Друзья моего веселого младенчества
Гуляют по моим костям.

Они растут постепенно,
Без сбоев и без разноголосицы
И залегает загорелая степенность
Над губами и под бровями,
В складках над переносицей.

Я слушаю, лежу и слышу,
Я слышу — приходит рассвета пора,
И над моей головою, как голуби,
Воркуют породистые трактора

Они бегут по долинам

* * *

Всю ночь над моей головой
Гремит пожилой громобой —
Раскосый, как сентябрьский дождь —
Глазастых молний вождь!

Он бьется, как об лед лбом
На востоке седом,
И над моей страной
Проносится стороной!

Август 1933

ЧЕТЫРЕХСТОПНЫЙ ЯМБ

Не шляйся по миру, юнец
В погоне за сбежавшей темой,
Она измучена вконец
Твоим преследованьем, — стены
Ее не скрыли от твоих
Завистливых и жалких глаз,
Ее ты тоже опоить
Пытался и прогорклый квас
Ты подносил ей вместо бурь
И крепкого сердцебиенья.
И тема спряталась в лазурь,
Как мимолетное виденье...
...И ты пошел бродить вокруг
Да около, скупая сводня!
Не искушай ее, мой друг,
Вишь, ей не до тебя сегодня!

1933

* * *

Не по сердцу мне простой
Профиль сердечной стужи.
Сорокаградусный отстой
Молодости просится наружу.

Ночь выброшена псу под хвост
(Сделано — не воротишь!).
Охвостья летних рос и гроз
Прут, как на грех, напротив
Желаньям моим и мечтам,
Воспитанным на сухом натре...

...Рассвет, Мясницкая, почтайт,
— Нет ли чего-нибудь на мой адрес?
Письма́, открытки, адресованного конверта,
Строки́, противопоставленной водке?
Мостовая накрыта на четыре конверта —
Сиречь на четыре глотки...

На четверых — до положенья риз
Пьяных, как из ведра, —
Вскидывающих на бриз
Все четыре крыла.

И вот они летят, летят,
Спотыкаясь со всех четырех ног,
Рассвету свежему льстя,
Воздуху синему льстя,

Вы опьяняете мол нас, и вот —
Мы не стоим на ногах...

Пустой перекресток. Ночь. И мостовая нага...

Сентябрь 1933, Москва

* * *

Облаками убаюкав грудь,
Дремлет неба зябкая фигурка,
Сыпется протяжный хруст
Тишины из переулка.
Ты, ты спишь, тепло дыша,
Запеленуто сердцебиенье —
Я выстукиваю шаг
В сумраке ночного бденья.
Небо в облаках — тепло,

Ты мечтой моей согрета
А меня зовет стекло,
Треснувшее вдоль кометой.
За стеклом седая вечность
Стережет мои глаза.
Узенький, как свечка, месяц
Ручкой времени зажат.
И ложится на плеча
Тепловатой грусти пенье, —
Упокой меня, печаль,
В тихой заводи забвенья.

Декабрь 1933, Москва — Перловка, поезд

О НАС С ТОБОЙ / И.М.В.

Висит седое небо,
Деревья обнажены —
Им никакого дела
До нашей тишины.

Не выдумаешь средство
От нежилой тоски
И тихо плещется сердце
Сквозь гробовой доски.

24/XII 1933 Москва вокзал

* * *

А. И. Р.

аир по-русски будет Ирис

Пройдя сквозь хорошую школу,
Он вышел из нее точным и тонким;
Его пересохший голос
Щекочет мою барабанную перепонку.
Я беру телефонную трубку, —
В ней ломают лучину,
Это он — мой друг
Натягивает личину
Занятого насквозь человека
И должно быть в тысячный раз
Прикидывает на глаз
Свое соответствие с веком.
Вот он подымает бровь
И левое плечо
И его жгучая, как муравьиный спирт, кровь
Перекипает еще и еще.
— Послушайте, — он говорит:
— Я перегружен до глаз!
— Послушайте, — я отвечаю.
— Мне нужно видеть Вас!

Голос его горит,
Как вспыхнувшие провода,
И его жилой габарит
Заливает темная вода.

Он опрокидывается ничком
В жесткую воду ложа
И тоска, обнявшая его воротничком,
Бедное горло гложет.

Москва, декабрь 1933

НАПИСАННОЕ В СИБИРИ, 1934 – АПРЕЛЬ 1936

* * *

Несутся тучи-кони
По синей мостовой;
На синий подоконник
Беседовать со мной.
Густая позолота
Осенней тишины
Густым растет болотом
Сквозь синей тишины.
Туда, где место шкапа —
Седатой книги сень,
Ложится прямо на пол
Решетчатая тень.

13/IV 1934, Мариинск

ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Звенит обрезком меди
О язычок звезды
Кузнечик — проповедник
Веселой ерунды.

Кипит трава в долине,
Клубится белый пар,
Над синей луговиной
Плывет зари пожар.

Звезд блестящие спицы
Отточены и длинны, —

Крылом задевает птица
О колокол луны.

И поплыл тихий звон
Возвышенно и важно.
И ему отвечает сквозь сон
Сердце мое протяжно.

Замолкает кузнечик,
Птицы улетают прочь,
Заканчивается вечер,
Наступает ночь.

5/VIII 1934

* * *

Осень. Тишина. Грустно
Куда ни поглядишь!
И в синем небе пусто,
И желтеет камыш...

Глубокая прохлада
В воздухе висит,
Сквозь редкий ажур сада
Холодная глядит синь...

Это от нее неуютно,
От стеклянной ее пустоты, —
Дождик седой и мутный
Падает с высоты...

Плещет мутный вал
О глинистый берег...
Как я устал —
Никто не поверит!

Октябрь 1934, Мариинск

СОЛОВЬИ

III

Горд соловей – туг на ухо,
Широкогруд – плечистый,
У соловья за пазухой
Целый арсенал свиста

Разного калибра:
Лирический, боевой
И лучший из лучшего выбран
Для той, что целует его!

Для той, по которой голод
И ночью, и днем,
Для той, что лелеет просторное горло,
Наполненное огнем!

Сентябрь 1934, Мариинск

VI

Прыгал соловей песенной дорожкой,
Запрягли соловья в беговые дрожки,
Побег соловей побежкой шаткой,
Этак стал соловей лошадкой...

А пока соловей задавал круга –
Отросли у соловья рога,
Стал гулять соловей в платье бранном,
Стали люди соловья звать бараном...

И теперь соловей не откроет рта,
Отгулял соловей песенной дорожкой,
Повесили соловья на ворота
За задние ножки!

Сентябрь 1934, Мариинск

ЦИКАДЫ

I

Бегут заката кони,
Вода небес течет —
Садись на подоконник,
Заливистый сверчок,

Садись и пой о прежнем,
О звонкой влаге рос,
О камыше прибрежном,
О шелесте берез,

О синем звоне луга,
О посвисте ветров,
О тишине упругой
Зеленых вечеров.

В этой стране унылой,
Холодной, как грудь камней,
Звени, сверчок, о милой,
Грустящей обо мне.

Октябрь 1935 Мариинск

ЧИН ПОГРЕБЕНИЯ

Памяти Г.М.

III

Когда меня хоронили,
Я без просыпу пил,
Отбить чтоб запах гнили,
Несущийся из могил...

Но четверть, должно быть, шестая
Меня свалила с ног,
И я побрел, шатаюсь,
Ноздрями ловя дымок...

Я брел брюхатой коровой
Хмуро — кого боднуть?
И нос мой — фонарь багровый
Мне ярко освещал путь...

Ноябрь 1934, Мариинск

IV

Я сам натешу́ досок на гроб,
Сам выкопаю могилу,
Лежать удобней было чтоб
На кладбище унылом!

Я посажу вокруг сирень —
Цвети и благоухай!
Я захвачу с собой свирель
Максима-пастуха.

И когда надоест лежать
В сгустившейся темноте,
Я стану весело свистать
И развлекаться тем!

И в ночь, когда зацветут леса,
Чтоб повидаться со мной,
Сойдутся мертвецы плясать
Под ласковой луной.

19–20/IX 1935, Мариинск

V

Гроб гвоздочками забили,
И сказали: Дорогой,
Привыкай лежать в могиле
Непрозрачной и сырой,
Привыкай дышать под гнетом
Безразличной глухоты,
Отвыкая от работы,
От любви и от мечты!

Гроб надежней койки шаткой,
Мягче места не найдешь,
Обнесли кругом решеткой —
Не проедешь, не пройдешь!
Ничего, что дрожь по коже.
В гроб — и амба, под расчет,
Сердце пусть слегка погложет
Полусонный червячок!

Сверху камень навалили,
Над могилой речи льют...
Сердце, привыкай к могиле,
К неуютному жилью!

VI

Вот лежу в могиле я,
Без штанов и без белья...
Ходит солнце в высоте
По крутому небосклону,
Я ж скучаю в тесноте,
Словно выгнанный из дома!

Надо мной цветут поля,
Зеленеют тополя,
Я ж придавлен мокрой глиной,

Разлагаюсь в мертвом сне,
Вьется медленный и длинный
Сон о небылой весне!

В голове сухой и пыльной
Уйма запахов могильных:
Пахнет прелою соломой
И зеленою тоской,
Горьковатой и соленой,
И насквозь гнилой доской...

И весне земной не рад,
Я вдыхаю тусклый смрад!

7-8/XI 1935, Мариинск

VII

В три метра слой тишины
Лежит над моей могилой.
Три тысячи дней тишины
Отделяют меня от милой...

Шумит полынь над моей головой;
Сух язык — некому напоить,
Прорастают сухой травой
Горькие песни мои!..

Кости мои истлели,
Разьедаемые тоской,
Глаза мои потускнели,
Засыпанные песком...

Стал известью гибкий остов,
Сожженный колючим солнцем,
Корнями осоки острой
Проросло мое сердце!..

Август 1935, Мариинск

VIII

Над моею могилою ветер
Насвистывает в свирель,
Над моею могилою ветви
Склоняет дремучая ель...

Она стоит монументом,
Склонившись точно во сне,
Серебряным позументом
Ее украшает снег.

У ели солнце в полдень, и полночь
Над ней простирает тень,
А я ничего не помню
В могильной темноте.

Я забыл события и числа,
Решеткою обнесен,
Я тлею, погруженный
В свой невеселый сон.

Ветер облака гонит
В недостижимой высоте.
Я лишь теперь их понял,
Догадавшись об их красоте.

Август 1935, Мариинск

ОТРЫВКИ, ПОСЛАНИЯ, ПОСВЯЩЕНИЯ

I. Определение

Я полдни пил, как трактор пьет горячее,
В пыли горячки посевной,
И солнце становилось тучею,
Разверзшеюся надо мной!

Я зори пил, как волк пьет загнанный
Под лай собак,
И лес стоял веселый и заплаканный,
Свистя в кулак!

Туман с низин вздымался, будто занавес,
Открыв на миг
Живущий и цветущий заново
Огромный мир!

Вот он стоит, глядит в упор, обвыкнувши,
Блестя, как зал,
Что заново и выстроен, и выкрашен,
Слепя глаза!

Что оставалось мне, как не глотать с затажкой
Его рассвет,
Делясь махоркой, солнцем и рубашкою,
Звоном монет

С цветком, с людьми и с пролетевшей галкою,
С водой в кустах, —
Моей программой и моей шпаргалкою
Он нынче стал!

Июнь 1935, Мариинск

II. Послание в Знаменский

Дети, овсяный кисель на столе... Я не с этого думал
Песню начать, да ошибся, как видно, придется продолжить
В этом же духе теперь, хоть овсяный кисель не при чем тут,
Завтрак окончен, газета пока что в наборе — есть время
Песней заняться, вернее, посланьем в обитель, о том, что
Грустно и тускло тянется жизнь, что без вас одинок я,
Муза меня забывать начинает, стих тянется вяло,
Так же, как жизнь, заключенная в клетку дождей и черемух,
Грустно осыпавших цвет на ветру, леденящем дыханье.
Милые дети мои, тишиною повит я, как черным
Саваном, — нет ни друзей, ни знакомых — один я, тоскуя,
Жизнь коротаю — то сплю целый день, одурев от безделья,
Или без сна провожу несколько суток подряд.
Грустно смотрю я вокруг, всё мне зависть внушает —
Бабочек нежных игра наводит на грустные мысли:
Парами вьются они над журчащими струйками речки,
Парами вьются стрекозы над блещущей гладью потока,
Голуби нежно воркуют, парочкой севши под тенью
Крыши высокой сарая, солома шуршит, будто шепчет
Тихую сказку им, я лишь один — моя бабочка грустно
Ждет меня, медленно скуку глотая, как горькие капли...
Как далеко от меня моя воркотунья-голубка!
Всё мне чужое здесь: лес и поля, и цветы луговые.
Маки здесь слишком раскрашены грубо и резко, в колючках
Жестких луга, лес, кустарник, сады, огороды,
Люди здесь заняты тем, преимущественно, что
Скот друг у друга крадут, да золото моют — и баста.
Труд иной незнаком им! По праздникам пьют, напиваясь
Допьяна, бьют жен мужья, или жены мужей...
Редко, но бьют...

Девушки, те предпочитают мирно-мирно беременеть и беременеют довольно охотно и часто. Местные парни, в этом отношении, являются, очевидно, плохими помощниками девушкам, и девушки едут, главным образом, на нашем брате — З/К.

Я бы ни в коем случае не перешел на смиренную прозу, если бы элегический лад гексаметра не разошелся с моим теперешним состоянием... Я отнюдь не хочу сказать, что мне хочется оторвать трепака в этаким хореическом или хориямбическом ритме, но воспоминания о промыслах местного населения ввергли меня в ледовитую бездну иронии, и, увы, даже весьма возвышенному побегу священного гексаметра отсюда не вытянуться.

Итак, я меняю размер!

«Нáново ритма мерка», — как заявил некогда весьма почтенный покойник — Владимир Владимирович Маяковский...

Ходят девки, точно павы,
Телесами шевеля, —
Млеют воды, млеют травы,
Облетают тополя...

Пляж — открытое кладбище, —
Сколько тел и сколько мяс, —
Сколько самой вкусной пищи
Получает жадный глаз!

Нежно плещутся улыбки
Женских губ, веда игру.
Ходят узенькие рыбки,
Тычась носиками в грудь...

Тихо сумерки наступят,
Город тишью обоймут,
Смолкнут домики, насупясь,
Прячась в сумрака кайму.

Начинает растекаться
Темень юркая, что шкет,
Город выйдет потрепаться
На пропыленный прешпект.

Воздух терпок, будто перец, —
Здесь хохочут, там кричат!
Парни, будто рыбы в нерест,
Трутся около девчат!

Огоньком сверкают губы...
Милый, сокол мой, ешшо!
Девкам — любо, любо, любо,
А ребятам — хорошо!

Не сердитесь, дорогие мои, всё это не всерьез!

Я не настолько печален, чтобы элегически хныкать, именно поэтому и был избран гексаметр. Это самый иронический размер. Самая лирическая тема, вколоченная в гексаметр, становится пародийной. В хорее, наоборот, ирония перерастает в самую глубокую лирику.

Я не стану вас уверять, что это обязательно так, но помните, что в принципе это именно так. Но дело-то, в конце концов, не в этом.

Дело, друзья мои, в том, что я начал писать письмо, а его-то как раз, увы, и не получается. Но ведь на то вы и друзья, чтобы не обращать внимания на жанровые срывы. А впрочем, я доверяю вам вполне. Вот мое детище, и вы можете поступать с ним, как некогда поступал Фома Мур с детьми лорда Байрона.

После нескольких ночей работы Байрон посылал Муру всю груду исписанной бумаги со следующей сопроводилкой:

— Дорогой Фома, вот те всё сочиненное мной за последние дни. (и тут-то неточность Бироно-барская.) Посмотри, похоже ли это на что-нибудь. Я лично не совсем понимаю, что это за хреновину я написал.

Фома смотрел и отвечал:

— А написал ты, очаровательный Гордон, гениальную поэму, которая составит эпоху в британской литературе.

— А! — отвечал Байрон, — а я-то думал, что это стансы...

Кстати о стансах: я что-то плохо представляю себе сию неустойчивую форму.

Ну что ж! Попробуем представить.

Ни яркий трепет дня, ни серый сумрак ночи,
Ни тишина пространств не радуют меня,
Я молча слушаю, дыханье затая,
Рост злаков и цветов и набуханье почек.

Встает со дна долин рассвет, озолотивший
Вершины дальних гор и лёса, и поля,
Прозрачную росой напоена земля,
Одета пурпуром и первозданной тишью!

Июня звонкого бесценно тонкий зной
Легчайшим пламенем клокочет и звенит,
Вершиной упершись в торжественный зенит,
Стоит, как пальма, день воздушный и сквозной.

Тускнеет звон лучей, день сломан пополам,
Меняется в лице и клонится к закату.
Тяжелым золотом весь небосклон закапан,
Плывет густой покой по меркнувшим волнам.

Тоской и сумраком ложится ночь на плечи,
Бегут часы, едва горит моя звезда,
С тяжелым грохотом проходят поезда
На запад и восток... и только мне не легче...

Воздушный пух, кружась, слетает с тополей, —
Мне всё равно, мне ничего не надо, —
Не радует меня ни зной и ни прохлада,
Ни яркий блеск реки, ни тишина полей!

Я не знаю, имею ли я право назвать сии четверости-
шия стансами, но кто может сказать, что есть стансы?

Байрон, по имеющимся у меня сведениям, тоже не знал.

Полагаюсь целиком на вас.

Как вы решите, так и будет.

Здесь я должен покаяться: написал я всё это непроизвольно быстро. Первую строку гекзаметра написал я 15/VI — сегодня 24/VI. Стансы написал наполовину вчера, наполовину сегодня, но еще, очевидно, придется отдельные места исправлять. Кое-что из эпитетов повторяется.

Но быстрота, я полагаю, при хорошем качестве, не является моментом отрицательным, к тому же, Стендаль свою «Пармскую обитель» написал в течение 50 дней. Кажется так, проверьте!

Лучшее, что я прочитал за последнее время, — это «Пармская обитель».

У меня такая нежность к Стендалю, меня умиляет изысканная тонкость бумаги! Как жаль, что сейчас не в моде писать лирические отзывы о том или ином авторе, а то я бы написал критический сонет о Стендале, но чтобы писать о Стендале, нужно обладать языком еще более четким и более насыщенным.

У меня такого пока что нет и, боюсь, что не будет.

Отгулеванили, отпили, отсвистали
На перекрестках, —
Скупыми, взрослыми и серенькими стали!
Слепые версты
По шоссейным тропам
Плетутся медленно и вяло,
Как будто вслушиваясь в сумеречный ропот, —
Им горя мало,
Что перерастает ярость
В скупую боль.
И мускулы тихонько ест усталость
И пота соль!

Мы стали взрослыми, мы разучились плакать
И скрежетать.
Вонючая виски смочила слякоть —

Вежеталь!
Что мне осталось —
Стать бродягою под старость,
Вспоминать, глядясь в седые дали?
О, нет!
Я буду перечитывать Стендаля,
Выкармливая тонкость, четкость, ярость.

Кстати, вернемся к Стендалю: здесь был бы уместен сонет, но у меня какой-то мертвец спер Анри Брюлара, и я остался без материала. А кстати, прихватил и Жюль Верна. Какие там были рисунки, а, главное, сколько материала для издевательства.

Писатель, лежа на боку,
Изображает мир анфас:
Вода течет, ветра бегут,
И смотрит солнца рыжий глаз.
 Писатель, сидя у себя,
 Объехал мир и изнемог.
 Покой и негу возлюбя,
 Он лучше выдумать не мог,
Как изложить мечты в романе
(О, восхитительнейший миг!),
Чтоб в поэтическом обмане
Мир стройным, пестреньким возник.
 Читайте, дети, на здоровье,
 Пьянейте от седых ветров!
 Писателю нужно коровье
 Масло, зане он шибко нездоров!

Сказать откровенно:

 то ежели меня спросят:
Какая же идея в вашем послании? Я не смогу ответить на этот не ахти каверзный вопрос. Да я и не ставил себе целью вложить какую-нибудь идею, но поставленную себе задачу я, думается, выполнил хотя бы на 50%.

Задача 1-я – напомнить вам о себе.

Задача 2-я – дать вам понять, что я думаю о вас.

Задача 3-я – занять ваше время чтением.

И задача четвертая – показать вам, что я в течение некоторого количества времени могу говорить ни о чем.

Июнь 1935, Мариинск

ДИКИЕ ПЕСНИ

III

А знаешь что,
Хорошо, если у моего плеча
Живет постоянно одна и та же печаль,
Если у окна луна,
За стеною далёко-далёко горы
И если, тихо-тихо посапывая, спит город...

Если вокруг тишина
Иль еще что — что тишины тише
И если моя жена
Мне пишет.

Май 1934, Мариинск

IV

Ночь идет, стоят вагоны,
Тих и гладок сон камней, —
Глаз глубокие затоны
Наклоняются ко мне...

Ночь. Ты спишь, моя забота,
Я не сплю, моя печаль, —
Голубая позолота
Грусти на моих плечах...

Ты не слышишь песни этой, —
Как во сне далекий путь,
Я не сплю, я жду ответа —
Разрешенья отдохнуть!
Облака на запад гонит,
Ночь идет, часы идут...
Ночь идет, стоят вагоны, —
Я ответа жду...

1934, Мариинск

VI

Утро, поднявшееся на дыбки,
Потягивается глубоко...
За окном молодцеватые дубки
Пьют рассвета парное молоко...

Голос влажный паровоза
В воздухе смутном встает
И на ветке седой березы
Птичка дремлющая поет...

Пенье птички летит к облакам,
За синеющую дымку гор,
А мне твоя рука
Усталый баюкает взор...

Боготол — Мариинск, 1934–1935

XII

Моя любовь седеет,
И я седею любовь ее,
Но бьется все сильнее
Сердце мое!..

Оно любит нежней, вернее, —
Все неотделимой душа
И все трудней, труднее
Врозь жить и врозь дышать!

Ах, как обжигает кровь,
Не остуженная расставаньем!
Горит последняя любовь
Вне времени и расстоянья.

Июль 1934, Мариинск

XVI

Мой далекий тихий друг —
Милая моя,
Поседело все вокруг,
В том числе и я.

Снег ложится на поля
Пухлой пеленой,
Погружается земля
В тихий сон земной...

Эта тихая беда —
Как ее избыть?
Спит земля и спит вода,
Лишь печаль не спит...

Октябрь 1934, Мариинск

БЕЗ НАЗВАНЬЯ

Милой Ильзе

V

Порадую песенкой новой —
Уж сердце от боли кричит!
На севере пень дубовый
Между сугробов торчит.

Он спит глубоко, глубоко;
Над лесом метель метет;
Но знает он что далеко
На западе ель живет...

VIII

Сутулясь и как-то боком
Шатаюсь я вдоль улиц,
Вдоль освещенных окон,
Где люди еще не уснули.

Они меня не заманят
Пусть радуют сами себя,
Я знаю, в их светлом обмане
Нет все равно тебя!

Ноябрь 1934, Мариинск

ОБЕЩАНЬЕ

III

Мне жизнь большая, как смерть, дана
В полное распоряженье,
И я обещаюсь не пить вина
И не заниматься самоуничтоженьем!

Я буду расти, расти
Башкой за облака,
Я вынянчу звонкий, как бубен, стих,
Радужный, как плакат!

Он скоро вырастет и запоет,
Свергнув косности иго,
Значит, незачем в небытиё
Раньше времени прыгать!

ПЕСНИ О ПЕСНЕ

I

Я песню выдержал в тиши,
В тени больших имен,
Чтоб ей халтурой не грешить
В веселье площадном!

И песня пряла и ткала
(Ткань серебра белей!)
И замарашкою слыла
У наших щеголей!

Чтобы с лица — светлей зари —
Прогнать печали тень,

Я песенке моей дарил
Обновки каждый день!

То звонкой рифмы перстенек
На милый пальчик ей,
И люди видели: не строг
Я с песнею моей,

То новый ритм для звонких строк,
Слов новых узелок,
Или метафоры венков
На гордое чело...

И стала муза хорошесть
По дням и по ночам,
А чтобы стала хорошей,
Ей кудри сам чесал...

К ее лицу наряд идет,
У ней судьба — находка.
Смотрите, вот она идет,
Ах, как легка походка!

1934, Мариинск

ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

IV

При моем-то характере, —
Да с камнем в воду?
На легком катере,
В универмаг природы!

Ветр растрепал усы —
Усатый буркот!

Из глаз его косых
Огонек течет!

Он морщинкой пересекает бровь...
А за кормой-то, — его не догонишь!
Густое непричесанное серебро
Чешуйчатой ершистой Томи!

Она плещет, она бежит,
Кроя, сверкая, радуясь, —
Ах, как вкусно жить
Под любой широтой и на любом градусе!

Август 1934, Томск — поселок Чекист

V

Вдоль полотна скача,
Пьет ветер, сгоряча,
Остуженное пространство,
И сучьями стукоча
Пробует на груди тайги танца!

Мчатся кони пурги,
Ельником бородатым,
Рассыпая из-под дуги
Бисер вьюги богатой!

Визгливо пурга поет;
Закостенелый нищий
В кулак осклизлый свищет,
Осаживая ее!..

Запевай же, прохожий, —
В такое время —
Холодом тело греют,

Ветром морозным бредут,
Шомполами секут по роже
Гуляющие снега!

Время бежит в бега!
Пляшут, кружась, снега,
И деревенеет нога,
Обернутая рогожей!

Ноябрь 1934, Мариинск

IX

Бьется в стекла тишина,
Как сова крылом разбитым...
Глубина и вышина
Мною намертво забыты!

Я гляжу, забившись в угол,
Хмуро, словно с облаков:
На пространстве бледном луга
Дремлют сумерки богов.

Им осталось петь и плакать...
Ветер, по площадке снуй!
Значит, осень, значит, слякоть,
Значит, хочется заснуть!

Август 1935, Мариинск

XI

Ветер полынной настойки свежэй,
Небо изрезано визгом стрижей,
Небо наполнено синим простором,

Упрямо вращается крутым косогором
В самое небо суровая даль...
Сколько вокруг тишины и прохлады!
Тонкого воздуха звонкая сталь
Скоро, оплаканная листопадом,
Нáдолго погрузится в печаль.

Сентябрь — октябрь 1935, Мариинск

ВЕСЕЛЫЙ РАЗГОВОР

II. Так почему же?

Мне грустно, может быть, потому,
Что не пишет жена,
Или, может быть, потому что в Берлине
Арестован известный поэт
Генрих Гейне —
Его сняли с высокого постамент
И под охраной штурмовиков
Отвели в полицей-президиум;
А может быть, и потому, что травы пожухли
И журавли готовятся к лёту.
Их длинный, пронзительный треугольник
Сегодня долбил картофель
На поле колхоза Rot Front.
Это от моего окна
Не более полутора километров,
Если прямо пересечь Кию,
Но я этого не могу сделать:
Крыльев у меня нет,
А лодки и обласки
Улетели на ловлю
Знаменитой сибирской нельмы.

Сентябрь 1934, Мариинск

III. Поразговаривали

Я знавал тебя, скука, не в первый раз
Ты приходишь со мной беседовать!
Ты приходишь, садишься и с глазу на глаз
Начинаешь жалковать и сетовать!

Бьешься головой о стену,
Порываясь в Москву, —
Ты подобна бескостному
Головоногому существу!

Ты как нудный слепец,
Любопытно-дотошный...
Положим этому конец,
И без тебя тошно!

Сентябрь 1934, Мариинск

VI

Чем жить,
Что пить,
Как рассчитаться с грустью,
Как избежать вопросов от души?
Бегут ручьи,
Цветут цветы,
И пусть их, —
Часы струятся следом пары лыж.
Глядит закат; с таким закатом грустно,
Он прогрустит до полных десяти;
Я в ссоре с ним и письменно и устно,
С таким закатом — мне не по пути.

Июнь 1934, Мариинск

VIII. Разговор

Здравствуй, смерть, как ты грустна
В этом тусклом одеяньи!
Сколько ты ночей без сна
В лунном провела сияньи?

Сколько раз влюблялась ты
В мой восторженный румянец,
Под покровом темноты
Встретивши меня меж пьяниц,

Меж поэтов и творцов
Небывалого волненья,
На сырой груди торцов,
В нежный час отдохновенья?

Сколько раз ты мне клялась
В нежности к моей персоне,
Выметая пыль и грязь
От моих больших бессонниц?

Сколько раз я говорил:
Нам не спать в одной постели!
Как я ждал большой зари
В марте влажном иль в апреле!

Так и не дождался зорь,
Жизнь идет в плену бумажном,
На губах осела соль
От ветров сухих и влажных!

Здравствуй, ты опять скулишь
У больного изголовья,
Как ты жизнь мою томишь
Беззастенчивой любовью!

Как мне хочется сказать,
Прямо посмотрев в глаза:
Нет, не спать в одной постели
Нам ни в марте, ни в апреле!

1-2/IV 1935, Мариинск

IX. Веселый разговор

Мы вечеряли у патефона.
Ласково и внимательно
Помигивала она очами,
И мы довольно-таки занимательно
Наступающую ночь встречали.
То есть: мы тянули молчанье, как пиво,
Глуша за квартою кварту...

Я ставил на карту:
Галстух, повязанный красиво,
Прическу, усы,
Полузастенчивую улыбку.
Она лóжила на весы:
Грудь, бедра, плечо,
Взгляда скользкую рыбку
И вкусную линию щек,
Дыханье, которое было ароматно и горячо...

Она улыбалась, ласково хорошея,
Млела самкой лося перед течкой,
Она закрывала глаза, вздыхая: ах, да?..

А впрочем,
Не подкашливайте, мадам,
Дома своя на печке!

1-2/XII 1934, Мариинск

ВЕСЕННИЙ КВАРТАЛ

* * *

Водой набухли небеса,
По-вешнему шумят леса,
На ветках прядают галчата,
Бегут ручьи, живет вода
И воздух!.. Угол непочатый
Густого воздуха весны!

По целой ночи колобродит
Мозг, погружаясь в бред и в сны!
Кружатся в пестром хороводе
Ветра, бегущие с высот!

И я бегу навстречу водам,
Я ночи провожу без сна...
Так начинается весна
Тысяча девятьсот
Тридцать пятого года!

Март 1935, Мариинск

* * *

Апрель морочит голову пургой,
Крылатый снег кружит над головой,
Гудят, над улицей провиснув, провода,
В речушке стынет зябкая вода,
Дрожит снежинка на луче косом,
Опять деревья погрузились в сон;
Из золотого солнце стало рыжим,

А ветер солью посыпает крыши,
Зернистой, крупной и сухой, как лед,
И глухо на́ ухо моя печаль поет...
Я спать ложусь, в уме часы считая,
Грущу о вас да Дельвига читаю.

10/IV 1935, Мариинск

* * *

Мария, зажги снега —
Томятся в плену фиалки!
Не время ли обнажать луга
И разговорчивые балки
Наполнить громом до краев?

Смотри, как яростны капли!
Земля сквозь талый лед поет!
Горит и ерзает в постели
Сознание дерзкое мое!

Каким веселым ураганом
Все звезды сметены!
Как черно небо, черны ветки,
Как почки яростно пьяны!

Как в небе пьяный гром грохочет,
Как сны огнем раскалены,
Как сердце радостное хочет
Пить влагу терпкую весны.

Апрель 1935

* * *

Снега отцвели и сгорели,
Осыпались вьюги цветы,
И влажные звезды апреля
Горячим питьем налиты!

Дай руку, подруга, пусть ветер
Поет, за плечами крылья,
Одна только ты ведь на свете,
Моя дорогая земля!

На теле от ветра ожоги!
Крутая, как насмерть, борьба!
Куда мне бежать от тревоги,
Что сердцем гремит в барабан?

Пожар в голове поседелой!
Пылай же, о сердце мое, —
Ее драгоценное тело
Мне спать по ночам не дает!

Апрель 1935, Мариинск

* * *

Летел дождик и сел на ветку,
Шла вода и сбежала в море,
Село солнышко, свесив ножки
На откос бугорка над речкой,

Небо тише, чем взгляд любимой,
Ласковое и большое,
Лес запушился дымом —
Зеленоватой дымкой.
Бледные побеги трав
Червячками бегут по долу,
По низкому побережью,
Освобожденному от воды.

Бездельник скворец щебечет
На тонкой ивовой ветке,
Он очень доволен маем,
Его солнцем и синевой,
Крепко прогретой влагой
Луговин, тишиной крылатой, —
Я тоже почти доволен,
Мне почти хорошо.

Май 1935, Мариинск

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Смуглое распластав тело,
В большой, как вода, тоске
Девушка лежала и пела
На розовом песке:

— Ах как я устала
Целый день плясать,
Забросить к солнцу, иль куда попало —
Руки — под самые небеса!

А потом придет вечер,
Свежий, как тополя,
И ляжет на мои плечи
Ночь, и заснет земля...

И поплывут качаясь
Море, ночь, горизонт.
Взойдет луна золотая —
Это мой сон...

Смуглое распластав тело,
Потому что плясать невмочь,
Девушка лежала и пела
В глубокую ночь:

— Закинуть руки наверх —
Прямо луне на грудь,
И закружиться навек
Однажды вдруг!

Чтобы поплыли кривые
И море и горизонт.
И это будет впервые
Мой настоящий сон!

Июнь 1934, Мариинск

* * *

Я вчера утоп
С головой, с душой,
Мне сколотили гроб
Веселый и большой.

Вода воняла тинной,
Лягушачьей икрой,
И туча сухой хворостиной
Торчала за горой.

Утерянный мной бумажник —
Мягкий и голубой —
Луной большой и важной
Плыл над моей головой.

Вода текла в сапоги
И сочилась наружу;
Я молился тебе: помоги
Выбраться мне на сушу.

Луна смеялась длинно,
Растягивая рот до ушей, —
Милая, не печалься о моей невинной
И смешливой душе!

Ей все хорошо и все ладно:
Небо, овраг, луна...
Земля велика и неоглядна,
И жизнь любезно-длинна!

Май 1934, Мариинск

* * *

А ты не пой, а ты не плачь,
Что пользы от того!
Ты лучше сердце раскулачь
Соседа своего!

Сосед любим. — Его жена
Нежна и хороша.
А у тебя лишь тишина,
Да нищая душа!

Соседа сердце велико,
Любовь в нём и цветы.
Ты отбери у старика
И нежность и мечты...

Ты по миру его пусти,
Пусть клянчит под окном, —
Ведь все равно цветам цвести,
Таков весны закон.

12/1 1936

ОПЫТ

Помнишь парк?
У сосны,
Такой раскорячистой и уютной,
Вечера проводили.
Галчата
Мальчишками-школьниками трещат
Перед закатом.
И красноглазая ведьмой
Заря запускала глаза
В наше благополучное существование...

Чтоб комары не кусали и не мешали
Нежному лепету Ламы,
Мы устраивали дымарь,
Собственно я устраивал,
Я не хотел, чтобы ты оскверняла
Любимую белизну рук
Прикосновением к сухим лепешкам,
Оставляемым добродушной коровой...
Как они мило горели, пофыркивая
Желтым мечтательным пламенем.
И ночь не делалась менее

От того, что горели не сучки и задоринки леса,
А так называемые экскременты.

Не сердись, дорогая, за слово,
Выпадающее из ряда
Влюбленного лепета лирики, —
Как же быть, если нету
Более подходящего.

15/1

* * *

Мне холодно. — Апрель не хочет греть,
Устала муза — не желает петь.
Стучит капель холодная, как гвозди
Вбивая в темя. Отсырели звезды.

Сырого неба серый балахон
Висит и мокнет за моим окном.
Седатых туч опухнувший наплыв
Чуть отражается в холодной мути лыв.

Сочится сырость в сердце, в мозг и в поры, —
Мне надоели дряхлые заборы,
Где примелькалась каждая доска:
И жить не хочется и умирать тоска.

17–18/IV 1936, Мариинск

ЛИРИЧЕСКАЯ СЮИТА

I

Обстоятельства, время и место действия

Посвящаю:

*трем живым
и
памяти четвертого*

*А у нас —
Тишь да гладь —
Божья благодать!
А у нас
Светлых глаз
Нет приказа поднимать!*

Анна Ахматова

§ 1

Вечер катится, что жернов,
Льется сумрака моча, —
Звезд нацеленные жерла
Смотрят в сердце и молчат...

Небеса — большая лужа, —
Липнет глина к сапогам,
Где-то бродит моя муза
По московским кабакам...

И проведать не заглянет —
Рвись, струны живая медь! —
Накопилось столько дряни,
О которой надо петь!

Что же, муза, песню пестать
Не приходишь? Сироты она и я!
Вот обстоятельства времени и места
Моего бытия!

§ 2

Как живем,
Где живем,
Что жуем —
Я и муза моя вдвоем —
Об этом и речь ведем:
Разговариваем, поем...

Соловьем на ветке
Жизнь наша качается,
И, между прочим, детки,
Вас это не касается.*
И нечего вам гадать,
Выпаливаю одним духом:
У нас благодать —
Блажени нищие духом!

И уж само собой разумеется,
У меня ничего за душой не имеется —
Омниа меа мекум порте!

§§ 3–4–5

.....
.....
.....

* Вас — это не вас,
Сиречь, кого-либо из нас:
Льва, Валентина или Игоря.
По поводу вас
Мне этого не выговорить!
(прим. автора)

§ 6

Когда последняя карта бита,
И мои заплатанные штаны
Лягут знаменем на мой труп,
Который отныне обнажен и открыт
Всем и каждому для обозренья,
Мои сокамерники произнесут
Высокоторжественным хором:
Ванитас ванитатум, омниа ванитас!

§ 7

После трудов дневных
Мы сходимся за столом
И с наслажденьем за обе щеки
Уписываем прозрачную как небеса баланду
Или мутный как рыбий глаз рататуй,
После чего, выходя из триклиниума,
Каждый, приклоньши колена, молится:
Ave Cezar, murituri te salutant!

§ 8

Глядя в щелку, я подсмотрел,
Как некий профессор,
Заслуженный историограф,
Сидя в ватерклозете,
Сосредоточенно занимался тем,
За что парывали и гимназистов,
И на хмуром фронтоне
Велемудрого лба,
Будто возженна, светилась мысль:
Quidquid agis, prudenter agas
Et respice finem!

§§ 9–10

Если мы когда ссоримся
За картами или за чашкой чаю,
Мы не боимся, что антагонисты
Схватятся за ножи
Или вцепятся друг другу в волосы,
Ибо каждому из нас ясно, что:
Ворон ворону глаз не выклюет!

Если же наше возвышенное начальство
За приписываемые нам вины
Причесывает нас с ветерком —
Мы не обижаемся, ибо знаем:
Homo homini — lupus est!

§§ 11–12–13

Над входом в уборную
Мы ничтоже сумняшеся пишем:
Оставь надежду, всяк сюда входящий!
На портике шоколадного дома
Лapidарно иссечено:
Не печалься, входящий,
Выходящий, не радуйся!
И:
Кто не был, тот будет,
Кто был, тот не забудет!

А над моею кроватью
Мой предшественник вывел
Крупнозернистую славянской вязью:
Памятуй, человек:
Ты смертен, ибо не вечен,
А поэтому не горюй
Если ты бит, брит и сечен!

§ 14

Мне уже обмыли лапочки,
С сальцем, как полагается,
И я уже по обычаю их облизал
(Так что вполне домашний!),
А посему, товарищи-граждане,
Откровенно, как «в святое причастие»,
Со всею ответственностью заявляю:
Плевать,
Все там будем!

§ 15

Опаленные огнем
Справедливости, мы бдящи,
И покуда, что живем,
Вписанные в журнал входящий,
А когда придет черед —
В исходящий нас запишут,
А пока что третий год
Доживаю — сердце бьется нормально и легкие
дышат! —

Значит, как никогда
Я жив и здоров!
Впрочем, что такое года
Для таких боровов —
Вода,
Обмывающая виски,
В результате чего
Оные виски седеют!
Что такое три года
Для парня тридцати лет?
Просто смена погоды
В течении весен, осеней, зим и лет —
Солнце, мороз, дожди,
Секущие плетью...

Но ведь такова жизнь
Во всем ее великолепии.
И уж ежели ее брать,
То уж в полном объеме,
Чтобы при случае знать,
Стоит ли ее верить
Не благонадежной обойме!

II

Разговор с собой

*Плаваете?
Ну плавайте, плавайте, —
Говно тоже плавает!
Костандило*

*Проговорили до свету
О том, о сем...*

*Я приду к нему и
скажу ему
(В. Маяковский)*

Плавающим и путешествующим

Моей составной частью
В моем нежилом углу
Живет мое несчастье,
Распространяясь и вширь и вглубь...

Роемся в пыльном соре
С зари и до зари, —
Мы с ним сегодня в ссоре
И крупно говорим.

Собственно, говорю я,
Вспыхивающий скоро,
Вставши в позу среди мурья,
Глубоким тоном укора:

Ты обыватель, несчастье мое,
Горькая неудача!
Ты — не от счастья поешь,
Ни от печали плачешь!

§ 1

И мой мозг иногда
Начинает бузить,
И начинается это всегда
С того, что ему надоело жить.

Он ноет, точно слепец,
Жалуясь на судьбу,
Под нос мурлыча строки так, что их великий отец
Переворачивается в гробу:
 «Не пылит вдали дорога,
 Не трепещутся листы,
 Подожди еще немного,
 Успокойся и ты!..»

Я бы вкусно поспал
Под этой обширной сенью,
Ах, как я устал
За юность мою осеннюю!
Опустите мне веки
 На отверстия зрачков,
 Чтобы мне отдохнуть навеки,
 На веки, века веков!

Дремлют вершины гор,
В сумрак погружены,
И я бы опустил взор
В густой раствор тишины.

Спит большая дорога,
Мосты рек
И древес листы,
Друг, обожди немного,
Уснешь и ты!

Я, успокаивая его, говорю:
Милый,
Как это, глядясь в зарю,
Ты бредишь могилой?
Слушай, ты бегал босым,
Был крепкогрудым юнцом,
Так чего же дождем косым
Хнычешь перед концом?
Вот тебе руку мою,
Умирать — так не еженедельно,
А я на смёрть тебе спою
Варьяции колыбельной!

I

Спят леса и поля, —
Да ну же, приподыми веки! —
Хладнокровно живут тополя,
Хладнокровно волнуются реки...
Как уверен и прост их вид,
Но и они пробегут, минуясь,
А поэтому и ты живи,
Холодно волнуясь!

II

Брось, не сутуль плеча,
Живи полной грудью, или

Спи спокойно по ночам,
Так, как будешь спать в могиле!
Приползет зеленый червь,
Мозг изложет, выпьет очи,
Я тогда тебе, поверь,
Пожелаю доброй ночи!

III

Вытянешь спокойно ножки
В объятиях мечты,
Подожди же еще немножко
И насмерть выпишься ты!

IV

Мне ж не хоца умирать –
На кладбище ветер свищет,
Мертвецов слепая рать –
Просто сброд калек и нищих!
Не дождет седая смерть,
Что скажу я: сердцу худо!
Не желаю спать, и впредь
Так же, как теперь – не буду!

V

Сердце верное мое
Мне поет, — напев недолог:
Ворон ворону глаз не клюет!
Пролетарий хозяину — волк!

Эта песня мне любезна
Оттого что потому

В ней живет закон железный,
Созидающий страну!

С этой песней — никнет вечер,
С этой песней — день встает,
Опираючись на плечи
Звонких строек и работ!

Здравствуй, песня, навсегда
Я вступил в твои ряды
Разрушений и побед,
Созиданий и борьбы!

§ 2

Сосед и соратник, перед лицом зари,
Что сейчас в наши окна брызнет,
Давай сядем и поговорим
О лучших методах жизни...
Солнцу не время еще блистать,
Пока еще разольется его сиянье!
Давай распределим наши места
И наши сферы влиянья!

Под тихим покровом священной мантии
Ночи, не так зазорно твоему глазу,
Я знаю, в тебе дышит и будет дышать романтик,
Пока я не пришиб его сразу!
Он будет плести и плести меледу,
Пусть выскажется раз навсегда,
Иначе нам не жить в ладу,
Иначе нам не работать в ладу,
Ни пить, ни есть, ни спать,
Ни петь, ни любить, ни страдать
Не придется впредь никогда!

Мы будем отданы в руки валам
Внутреннего раздора,
И нас, как льдину, напололам
Сломает шторм ссоры!
Уже и сейчас искривился рот
Предчувствием беды —
Нас изломает, нас изотрет
Торосистый лед вражды!
Бери же в руки орудие смерти,
Стреляй и ложись, освобожденный от жизненных лат!
Идите, гробовщики, и отмерьте
Ему материи на деревянный халат!

Он начал прогуливаться из угла в угол:
— Слушай, ответственный по квартире,
Мне приходится туго,
Мне хочется грудь развернуть пошире,
И чувствую, нечем дышать —
Горло обжигает колючий спирт,
Жизнь бьет, слепя и глуша,
Воздух напряженно сперт,
И тоскуя болит душа!
Слушай,
Я был молодым,
Мчались и босым, —
Я был веселее живой воды
И звончей, чем зреющие овсы,
Но все это было еще до того, как я,
Фета прочтя, постарел,
И, полюбив Достоевского, сделался русским
интеллигентом.
И теперь я — как выморенный в монастыре
Или выращенный под тентом!
Теперь я рыбой об лед колочусь,
Не находя покоя:
Я звонкого солнца боюсь,
Я свежего ветра боюсь,
Я жить один на один боюсь —

С глазу на глаз с собою!

Ах, боже мой, сколько пыли
Книжной, и сколько поту!
Мы распоясались и мы поплыли
Плесенью по болоту!

Как мне найти себя,
Когда под ногами — плывун,
Если я сумраком ночи объят,
По вдоль болоту плыву?
Если каждая моя строка —
А ей невозможно стать другой —
У всех вызывает сарказм,
А у меня — боль?

Тогда запевай свою
Любимую: не по нас погода!
Не наши песни юноши поют,
Не нашим именем волнуются народы!
А как же мне совладать с собой,
Если думаю, боль затая:
Почему же любимая не со мной
И, может быть, не моя?
Как мне втиснуть в напев сухих
Строк боль утрат, если стих стал черствым?

Милый мой, я слыхивал эти стихи
Году этак в двадцать четвертом!
А как же выправить этот изъян,
Неужели просить прощенья,
Если начисто я изъят
Из обращения?
Как бороться, если наш век
Культурою не богатый...

Продолжайте, продолжайте, молодой
человек —

Вот вам подходящая цитата:

«Как же быть мне твоим поэтом,
Коммунизма племя,
Если крашено рыжим цветом,
А не красным время?»

Да, как видится, нам не по пути:
Вы — в пивную, а я — в уборную! —
Холстом дорожка! Катись
И не отсвечивай!

§ 3

Упорная
Луна выкатила зенки,
Разинув рта ворóта,
По густому молоку небес — пенки
Облаков.

Зевота

Луны наводит сон...
Ветки деревьев выгравированы четко.
По улице колесом
Катится чечетка!
Весело!
Прекрасен мир
Божий — радостно живущий.
Девушка идет в сортир
Оправиться на сон грядущий!
Уверенно ее жизнь льется,
Сейчас ей не досчитать дó ста,
Она нацелована досыта,
Намята, натискана, — спать хотца!
Ей — житуха, у нее хахаль,
Желанье блудить, молиться,
А у меня — не ахай! —
Ни бога, ни хахалицы!
Ну, значит, пока и не надо —
Ныряй в глубокий омут труда,
Черпай бочонками радость
И доставляй на поверхность сюда!

§ 4

- Манька, ты где?
- В хляву!
- Что делаешь?
- Варэнья вару!
- Чай врешь?
- А если я скажу — чай пью, — небось поверишь?!
- Ну подтирайси, айда на ярмарку!

§ 5

Ходят красные, что павы,
Девки в шелку, —
Грузные от тела и от славы,
Воздух трамбуют, землю толкут!

§ 6

- Почем?
(Шелестит веткой)
- Триста пятьдесят дают!
Единоличный сектор —
Покупают и продают...
Бород, вздохов, божбы
Столько, что в воздухе чадно!
— Ежели бы погуще дожди,
Вот это бы было ладно,
А то недород,
Засуха!
И шепчет перекосивши рот
Продающему на ухо:
— Плохи ноне корма,
Корова-то, она съись!..

§ 7

Ихнее дело —
Продать,
Наше —
Социализм!

§ 8

Мое уважаемое ALTER EGO,
У вас седина в волосах,
У вас за плечами 32 года,
А нам еще не пришлось ни разу
Встретиться в деловой обстановке.
Я знаю ваши стихи —
Это ни что иное, как разговор,
Лирическое излиянье
Себе самому на ушко!

А впрочем, промежду прочим,
Вся ваша братия — одного поля ягода!
Есть такой Саша Чибис —
Как он величествен и байронообразен!
Он глядится в свои стихи
Словно как в зеркало,
И в стихах отражаются
Запонки и перчатки,
Заграничный, прямо с иголки костюм,
Клок волос надо лбом,
Сладчайшая истома глаз
И пустота пустая!..

Мне жаль, что всеблагая природа,
Создавая из капли спермы
Этакого красавца, не была подсудной:
Я бы припаял ей по статье 116

За ничем не оправдываемую трату средств.
Я бы не дал и капли мочи
На этокое произведенье!
А впрочем, не стоит заводить ссор
Из-за того, что нам в мире тесно.
Помнишь, поется в песне:
«Ни к чему весь этот разговор!»
Ты не исправишься, я не устану ворчать,
Должно быть, до конца века,
И, может быть, на своих плечах
Вынянчим нового человека!

III

Введение в область лирического

Ильзе

Мой друг, давай ронять слова...

§ 4

Песня, — крылатая слов стая,
Нежности теплый пушок,
Песня, вставай, рокоча и блистая,
Кроме тебя, у меня ни черта за душой!

Песня — крылатой нежности вздохи,
Звезд беззвучное лепетанье —
Лирическое сочетанье
Слов восставшей эпохи!

Тепло от звезд.
Угоришь,
Как от нежного шепота,
Как от твоих поцелуев!

В крови
Сухой муравейник.
Кровяные тельца — огоньки — вспышки
Бегут по руке на ладонь!
Майские светлячки.
Червоточиной сердце изъедено —
Плакать хотца!

1934–1935

РАЗГОВОР С ЛЮБИМОЙ

И грех мой предо мной

Есть

пс. 50

Ильзе

§ 1

Тридцать лет в чудаках,
Тридцать лет в дураках,
Тридцать лет неудачи...
– Чего плачешь,
Раскис!

Тридцать лет потешаешь...
– Ах, помилуйте,
Как же не знать-то, конечно, знаю,
Но талант?
Ах, как это можно,
Чтоб милостью божьей
В колпаке с бубенцами!

Ах, цветки, цветки,
Опустили головки,
Милые!

А слава-то, слава — петух начхал,
Большая, как воз в гору!

А они говорят:
— Нахал, —
Подстать самому Егору!
Философ,
Грицко Сковорода!

§ 2

Мир тесен,
А мне сковородку,
Чтобы поджариваться и страдать!
А где же приятели, —
Как рубль на водку!
Друзья налицо,
О них на гу-гу — шито-крыто —
Один письмецом
Отмахнулся, другой открыткой!
Один письмецом в лицо,
Будто плюнул...
Есть два друга — они в мире
Такие, что нет других!
И каждый грустит — не его ль покрыли?
Звенят бубенцы забубенной дуги...
Да где их,
Они далёко
И их завалило
Далью голубоокой!

§ 3

Вот встану на колени и буду каяться:
Три у меня любимые,
Три, как одна,
Мимо которых мимо
Не пройдешь, не проедешь!

Ты, посторонний, не смей читать,
Тебе никакого дела,
А я не знаю, с какого конца считать
Своим любимое мною тело!

Какая боль!
Лопается голова!
С кем мне перемолвиться, если не с тобой,
Мама,
 Некого мне целовать!
Как она дышит?
Как ей не видно моей тоски,
Она наверно не слышит
Как перебираю я ее волосы,
По одному пересчитываю, и каждый — радость
Поверх головы!
Всю грудь заполнила жалость
Как запахом травы!

Я в глаз бы ее потонул,
В глубокий ее зрачок,
Это он греет и потому
Мороз меня не печет!
Мама,
 Ветер долдонит
В уши пургою — жуть!
Вернусь и сердце в ее ладони
Собственными руками положу!

Мама,
 Небо не дышит,
Холодное, как покойник,
Мне небо мое не пишет,
Мне солнце мое не пишет,
Мне сердце мое не пишет, —
Неужто и голос ее потонет
В сухой филигранной пурге!

Он норку в беспамятстве выроет,
Прозвенит ветерком в овсе:
Ты устала, милая,
Больше всех!

Не услышишь грубое
Слово, даже во сне;
Спи, моя лóббая,
Лучше всех!

Боли разбереживая,
Стукнет луч зари:
Встань, моя нежная,
Поговорим!

Нежности не жалея
Как бы сердце мое запело,
Если бы жить, лелея
Любимое мною тело!

Слышь,
 Я дышу, где бы ты
Ни была, тобою,
Нависая щебетом
Над тобою,
Веткой звёзд,
Ягодой,
Теплой мглой,
Лепетом,
Нежностью,
Синевой!

Не сердись, что жизнь груба, —
Что же делать?
Сколько их по моим губам
Прошло и сердца моего не задело!
Сколько их в память, как в решето,
Кануло, и — мимо;

Сколько их целовано, и ни одной
Любимой!

Все это давно когда-то,
Будто небыло никогда, — дико...
Не надо у глаз устаток,
Не надо на лбу сердиток!
Слушай, не надо,
Слушай, зачем, не надо!
Сердце тобой лишь радо —
Радостью твоих радуг!

Как-нибудь разменяем беду
На мелочь вспышек домашних ровных...
Сейчас я у песен на поводу,
Так пойдем же, я поведу
По саду любви огромной!

Помнишь, чуть шелестя крылом,
Вдруг пролетала нежность,
Будто искоркой о стекло
Будоража и нежа...

Помнишь вечера чайную зыбь
В комнате добрососедской, —
Входишь, и зацветает язык
Лепетом почти детским?

Помнишь, ягоды под обрыв
Катятся, держась за стебель,
И звон на сердце от игры
Милого сердца в небе!

Помнишь слегка протяжную хрупь,
Нарастающий звон событий,
Как я плакал тебе на грудь
Об уходящем быте!

Помнишь, плакало сердце мое,
А за слезами, за
Зацветало новое бытие
В нежных твоих глазах!

Помнишь, вишней оснежен сад,
Белый, белый, ну кто бы видел,
И тучею нависал
Рокот твоей обиды!

Взгляд твой завесили облака —
Дождичек мелкий, быстрый,
Хочешь, всю пыль у твоего каблука
Жадными губами вытру?!

Милая, что ж это будет,
В небытие моё сердце тонет,
Я отлучен от твоей груди,
От теплых твоих ладоней!
Вон обиженный Арчикас,
Тоже отдан метелям в плен,
Освистаны ветром березы, —
Чем же дышать сейчас,
Если нету твоих колен, —
Некуда спрятать слезы!
Как мне душно,
Как ворот узок,
Будто горло заполнил газ...
Вот, припавши, крылатая муза
Рыдает — ей больно за нас.

§ 6

Как далёко ты, как тоскую,
Как сердце стучит тревожно!
Чем недовольна ты,
Разве тем, что люблю другую
Больше, чем любить можно,
Больше, чем допускают мечты!

Она сердится. —
Шелест трав
Стал сухим и холодным. —
Чем виновен я, чем не прав,
Почему мне нельзя свободно
Жить и дышать с тобой!

Как неровен,
И как сбивчив
Сердца горячий бой, —
Будто дубовый битчик
Бьет оно невпопад, срывающимся перебоем,
А ведь грезился вешний сад
Нам с тобою обоим, —

Красная смородина
Вся в огнях!..

Осердилась Родина
На меня.
Стал сухим и жестким
Голос трав, —
В чем виновен я,
В чем неправ?

Лучше б в сердце горячим свинцом;
Наглухо похороненному в яме!..

Я учил, Родина, твоих птенцов
Быть соловьями!

Я хотел, чтоб весело,
Звонко пели...
Ты мне тучами занавесила
Путь к цели!

Мне не запомнить
Кем я стал, —
Для меня заперты
Все места:
Где гулял,
Где певал,
Где посвистывал...

Как же <пробиться>
Сквозь холод льда,
Чтобы снова светило лучистое
Солнце в окно дня.

Четыре любимые,
А словно одна,
И все от меня вдали.

Как мне встать, как подняться со дна
В зеленый рассвет долин!

Как встать,
Разогнуться, выпрямиться,
Глянуть во весь горизонт,
Если ты, любимая, со всех сторон
Очертила меня грозой?

Хлещут синие молнии гнева,
И я слушаю, поседев,

Справа от меня и слева
Рокочет ослепительный гнев!

Слушай, любимая,
Твои глаза
Яростью воспалены,
Ими освещен зал
Суда, ими ослеплены
Лица присутствующих лиц!

Дай мне последнее мое слово,
Чтобы слова пронеслись,
Чтобы выпело сердце боль!
Словами, чтоб пелись и жглись,
Я прощаюсь с тобой:

Я шел в рядах твоих сыновей,
Я смерть носил на плечах,
Я, воинствующий соловей,
Гремел пулеметом в ночах!

Я резал лопатой
Рыхлый торф
Для твоих огнедышащих топок,
Я у наковальни гремющий Тор,
Я пехот твоих гулкий рокот.

Я кость от костей твоих, кровь от кровей, —
Солдат твоих армий непобедимых,
Я самый любящий твой соловей
И стану самым любимым!

1934–1935

ТРИ ПОЭМЫ

Отшельник

Поэма

Льву Гладкову

I

Вот я поселился в шалаше,
Он сделан из веток и сухой травы,
Он помещается на опушке леса,
У самой подошвы горы Арчикас.

В двух шагах зеленокрылый луг,
В десяти — река.
И я, проснувшись поутру,
Не узнаю в себе старика.
Мне не больше 30 лет,
Тридцать, слишком наполненных всклень
Густым молоком крынок.

Вот я лежу на траве,
Выживая краснопёрых рыбок, —
Одни из них похожи на удлинённый полумесяц,
Другие — на вытянутый плевочек звезды...

В тени развесистой лиственницы
Стоит берестяной туесок воды.
Во время моего отсутствия приходит медведь,
Понюхает хлеб и уйдёт, ворча:
— Почему это когда есть хлеб, нет меду,
Или — наоборот?..

Он доволен моим соседством
И мне не мешает он, —
Мы оба нашли средство

Или не встречаться, или
Не замечать поклонов.
Поклоны весьма неудобны —
Они обязывают...

II

Мысли мои прозрачны и легки,
Они медленны и возвышенны,
Они у ног моих тишиной легли
И потягиваются неслышно...

Они меня совершенно не утомляют,
Будто их вовсе нет,
И задумчиво падающий на мои колени
Меня не беспокоит лист...

А мысли мои и того легче,
Легче чем этот упавший лист,
Вот их короткий перечень,
В него включены: солнце, река, луговина и лес.

Всемирное тяготенье не дает оторваться
Любимой моей земле
От любимого мною солнца.

Лес тянется к воде — напиться,
Река протекает лугом,
Траву покрывает роса...

Медведь, проходящий мимо в сумерки к водопою,
Покрыт росой на меньше, чем в самые сильные росы
Покрыта росой трава...

Между птицами в небе и рыбами в море
Я больше нахожу сходства,

Лес зеленой листвою дымит,
Луга клубятся паром,
Облака расползаются
И земля обрастает загаром
Густым, как мех солнечных зайцев...

Течет вечереющая трава
Вдоль милых перелесков.
Мило клонится голова,
Прелестно
Выпуклое плечо
Горизонта розовое.

А веточкам ничего, не печёт!..
Тихо шепчут березовые
Листочки, лепечут нежней,
Чем аромат зари,
И по сердцу тишине
Пошептаться, поговорить
С говорухой осиной...

Горько, горько ей в вышине
Перелистывать говор синий...

А время купаться, волна омота вкусно шлепает волну,
Я бы, письменно и устно,
Целовал тебя одну!
Лелеет песню прохожий, —
Шелковый поясок
Его, на рассвет похожий,
Брошен на влажный песок...

Не стучи в окошко солнышко лучиком,
Свежо на рассвете!

Золотым ключиком
Смеха открывают калитку дети
Дню в сад...

Крупными каплями росы
На ветках соловей висит.
Хмель веселый, словно подёнщик,
Распустил усы
По ветру — что длинней, то тоньше!
От травы влажный угар
Клубится...

Мошки, букашки, жучки, козявки,
Былинки, стебельки, корешочки
Подымают тихую канитель-копотню, —
ух ты!

Шмель, как в декабре на свадьбу —
Кушаком перепоясана шуба.
А бабочки — чтоб им! —
Стрекозе вертихвостке подстать!
Один муравей деловито
Хоромы строит.
Березы стоят... Стоят и стоят...

А у меня небо над головой
И то — чужое, —
Дали на время, на подержанье:
Хлебай, уважаемый,
Чай с водой! —
Запивай прохладой сумерничающих трав...

Летит жучок голубой
Тихим следом,
Упираясь головой
В свод неба.

Я узнаю из газет о мире,
О том, как формируются силы,
И о том, что делаем мы.

Друзья мне пишут о том, что
Москва гудит словно улей,
Что строится, что большая,
Больше большего моря
Кипит в этом городе жизнь.
О том, что проложены рельсы
В тяжелом московском грунте,
И что под Москвой прошелся
Первый поезд метро...

Потом я берусь за книги,
Читаю и перечитываю,
И перед моими глазами
Встает многоцветная жизнь,
И сердце снова начинает биться
Сбивчиво и горячо,
И снова хочется, снова
Все переиначив, переделав
Жить, бороться, расти...

1934–1935, Томск — Мариинск

4-6/VIII 1934

(В сокращении)

Ильзе

I

О колокол луны веткой
Царапает ветерок, будто о сердце. — Метки
Оставляет, число царапин растя,
Умножая раны...
Так живу я, дыша и грустя,
Проснувшись спозаранок...

II

Ощущая прозрачный звон
Солнца в мое окно,
Я стряхиваю с плеч сон
Легкий и тонкий, как полотно.
Прохладная его рука
Еще баюкает мои ресницы,
И издали, издалека
Доносится стон птицы.
Курлыкает журавель,
Готовясь лететь на юг,
И уже лучи солнца среди ветвей
По-августовски поют...

III

В тонких и мутных водах
Неощущаемой мной Томи,
Рассекая зеленый воздух,
Камушек звонко тонет,
Он пущен моей рукой,
Описывает дугу.

Кулик проносится над рекой,
Чтоб попастьись на лугу...

Шелестят обаски,
Взмахивая веслами будто птица,
И в тон моей тоски
Шлепают мокрые плицы...

IV

Ни колокола звон,
Ни песни напев
В воздухе сквозном
Не задержится...

Ах, где вы, где
Ровно нарезанные мои дни,
Где вечеров наполненные крынки молоком,
Когда я и ты одни
Отдыхали воздушно легко...

Мы уходили в лес,
Мы ложились в траву,
А теперь чутким ухом во мгле
Я слушаю Москву...

Она поет голосами струн,
Жалобами валторны,
Густыми вздохами туб...
И вдруг пионерский горн
Взрывает покой,
Как недвижим он и как туп,
Тяжеловесный и мертвый такой.

Москва говорит мне: Здравствуй!
И я зачарованный жду,
Что скажет еще мне черный раструб
И чем порадует мою тоску.

V

Распространяется стен охрана,
Вечер крадется стороной...
Москва идет по экрану
Доморощенного кино...

Переворачивая сознание,
Вместо скуки, повисшей над душой,
Плывут башни Кремля и зданья:
Консерватория, Малый, Большой...

Отблеск милый и сладкий
Улиц родных, далеких,
Близкая пыль книжной лавки,
Ветки бульвара ломкие...

Площадей и друзей лица,
Единственное лицо любимой,
Но долго ли это длится? —
Минута и мимо!..

VIII

Ночь —
 пуста.
 Дорога —
 пуста.
 Река
пуста...
Смотрит, мерцая, ба́кан...
Кто-то кого-то ласкает в кустах,
А я один как собака...

1934–1935 Томск – Мариинск

Совершенно просто

Поэма (в сокращении)

III

- Будет нечаянный интерес... Дорога...
Будешь жить в другом городе...
Ты понимаешь меня?
Улетишь от нас...
Улетишь...
- Брось, — говорю я ей, —
Некуда мне лететь!
Нет у меня интересов!
Нет пути...
А к тому же:
«А уже, соколама припешали крыльца,
поганных саблями!»

1934 Мариинск

IV

Машина, тяжело дыша, плавно вращала пластинку, быстро разматывая накрученный на нее фокстрот.

Фокстрот сопровождала песенка. Песенка была польской...

Рядом с машиной стояла хозяйка — красивая, полная, 35-летняя женщина. Она не хотела сказать того, что она чувствовала. Она заставила говорить машину...

И машина сдавленным страстью голосом высказывала чужую страсть.

Она звала обнять тоскующее, 35-летнее тело и кружиться, кружиться по комнате...

Женщина кусала губы и смотрела в мои глаза.

Молчать было неприлично и я сказал:

— Простите, мадам, мне очень жаль, но я не танцую, я не умею танцевать!

Я не умею думать и чувствовать ногами...

Глаза женщины потухли.

Она остановила музыку и предложила чай.

Чай был простым и уравновешенным. Он формулировал простую человеческую любезность.

Прощаясь, я поцеловал руку...

Мне было жаль женщину.

Мне казалось, что я обидел ребенка: глаза были так хороши, а взгляд очень просил ласки.

1934–1935, Мариинск

ЛУГА КАЛЕНДАРЬ ВОСПОМИНАНИЙ

Любимому брату Сергею

*Что мягче и нежнее
Груди любимой и луговин родины?
(Вопрос в пространство)*

Вступление

*Я не хотел бы ни плыть по Нилу,
Ни спускаться по Амазонке,
Ни пересекать экватор под парусами,
Ни углубляться в джунгли
На спине непропеченного слона, —
Все это слишком торжественно.
Природа разряжена и расфуфырена
Так, что становится тошно!
Местами слишком обнажена, а местами заляпана
Бляхами и позументами, как на бал!
Мне даже жена моя больше нравится,
Когда она дома в халатике,
Немного помятая после сна,
С очень легкою ленью в движениях,
Спокойно разливает чай.
Она смотрит в мои глаза
Теплым домашним взглядом,
И когда приподнимает руку,
Я заглядываю ей подмышку.
Мне делается так тепло и уютно,
Что я, право, ничего не хочу
И мне ничего не надо!*

*Или — наоборот:
Сверкают ее глаза,
Румянец покрывает щеки,
Слегка загорается шея,
И вся она — до зубов,*

Таких ослепительно белых,
Будто пронизанная огнем, —
Это она трактует
О суффиксах и приставках
Собранным со всех точек мира
Глядящим ей в рот студентам.

Я совершенно уверен,
Что для нее в это время,
В этом солидном зале,
Я вовсе не существую...
И тогда я могу спокойно
Глядеть на нее и видеть
Каждую ее сединку,
Каждый луч ее взгляда,
Не видящего меня...

Я навеки постигаю
Ее теплоту и нежность,
Законченность ее движений...
Я знаю, любясь ею,
Что она не заметит
Моего поглощающего ее взгляда...

Так было в первые дни любви —
Я так же любил любоваться
Ею так, чтоб она не знала,
Где я в данный момент.
Так в первые дни я понял,
Что она хорошеет
Не для меня специально,
А хороша вообще!
Что прекрасна той красотой,
По которой тоскует сердце,
Руки мои, мои губы,
Взгляд мой и мой язык,
Которому время от времени необходимо

Выболтать то, что хранится в сердце:
Песней, стихом или смехом
С рифмой или без рифмы.

Должно быть по аналогии с милой
Мила мне простая природа
Не блещущая красотой,
Той красотой, что походит
На размалеванные кулисы
Романтического театра
Во время постановки пьесы
О чем-нибудь небывалом...

Я прошелся от моря до моря,
Пересекая степи и горы,
Переплывая реки
И углубляясь в леса,
И нигде так себя уютно
Я не ощущал и не чувствовал
Как на лоне родных пейзажей
В окрестностях Волоколамска...

Наши холмы не круты,
Наши овраги не мрачны,
Леса не шумят, как в сказке
Какой-нибудь небывалый бор;
Наши ручьи и реки
Населены рыбой
Не сложной, как в Амазонке
Или в глубинах морей.
В наших лесах грибов нет
Более ядовитых,
Чем покрашенный ярко
Лакированный мухомор.
Зато как богаты россыпи
Золотистых лисичек,
Милый фаянс сыроежек

*Розоватых, зеленых, красных —
Влажный такой и прохладный
И такой невозможно хрупкий,
Что страшно коснуться пальцем!*

Весна,

*Когда зелень полянок
Убрана, будто стол в колхозной,
Чисто вымытой и просторной,
Пахнущей смолой избе,
У нас такая веселая,
Что, право, похожа на девушку,
Идущую за водой.
Идет она прямо, как ветка
Убранной в пушок бредины,
Позванивая порожним,
Жаждающим влаги ведром.
Уйма ночных фиалок
В сумерках преподносит
Такой тонкий, ласковый и домашний
Непередаваемый аромат...*

Лето,

*Когда над полем
Перемешаны запахи:
Густых золотистых ржей
С запахом суховатых
Пламенно-синих-синих
Лирических васильков,
С буреющими от зноя,
Позванивающими овсами,
С запахом вставших стеною,
Густых как ночь клеверов,
У нас такое большое,
Такое необозримое,
Что хочется бесконечно
Вдоль него плыть и плыть...*

Осенью кованой бронзой
Украшена каждая ветка
Каждого лесного жильца,
Будь то говоруха осина,
Горьковатая ли береза,
Или гибкий, как тень под вечер,
Шатающийся ивняк,
Расцветают такие созвездья
Загорелых на звонком солнце
Тонконогих опят.
Опушки лесов украшены
Розетками из фланели —
Это божественные плевочки волнушек...

А вы, кто хоть раз пробовал
Выковырять из грунта
Хрустящий, как репа, белый, —
Мне незачем вам описывать
Рисунок на его ножке,
Он напоминает муар!
А те, кому неизвестно
Собиранье грибов и ягод,
Ловля раков и рыбы,
Ранний выход на пашню,
Мокрые травы луга,
Свежесть ночной росы,
Глухие воды объятья,
Горячее солнце жатвы,
Резкость ночных ветров;
Кто не собирал клюквы
В болотах за Телешовом,
Не объедался брусникой
В Монастырском бору,
Пойдемте со мной скорее,
Я научу вас видеть
Не виданное доньне!

Я поведу вас сквозь рощи,
Сквозь травы лугов, сквозь кочки
Прошáлова, где вам будет
Страшно и хорошо.
Сквозь льны, сквозь овсы,
Вдоль речек;
Через Софьинскую канаву,
Мимо зарослей Букарихи
На Сазонов бугор!

Какая россыпь названий,
Звучащих яркой гирляндой,
Украшающей путь:
Крупиха, Маслиха, Клинья,
Избушка, Разлив, Огорок,
Котово, Марьина роща,
Дальняя шейка, Блуди,
Мошки, Тишово, Хрулёво,
Волчьи ямы, Боярский омут,
Поповкино, Заовражье,
Буйгород, Спирово, Чаши; —
А впрочем, узнаёте сами,
Мое дело вести...

Дорогой Сергей и
Дорогой Лев!

На этом поставлена точка и подведена черта.

Я мог бы не продолжать.

Пойдемте со мной и вы увидите. Впрочем, это относится ко Льву и к друзьям, Сергею все это очень хорошо известно.

Но я боюсь, что мои друзья, а особенно ты, лучший из друзей и брат мой, чье имя стоит в заголовке этого ёвра, скажут:

— Да, да, дорогой мой, мы, конечно, пойдем, но пойдем тогда, когда вещь каждому из нас будет прочитана

от доски до доски, когда она будет напоминать скошенную луговину, на которой видно каждую, не заслуживающую внимания кочку.

Мы пойдем с тобой, и будем представлять собою умудренную опытом комиссию по качеству, дабы проверить подлинность изложения, когда каждый из нас будет контролером и будет тебе указывать твои недостатки и промахи.

Ну что же, чем хуже, тем лучше! Значит, вам придется основательно подождать, а у меня будет время для того, чтобы мои луга расчистить, раскорчевать и осушить, чтобы во время наших прогулок вы не могли ни споткнуться, ни запнуться, ни бессмысленно промокнуть, отчего и заболеть недолго! Уж я постараюсь как можно меньше доставить пищи вашему кровожадному критическому аппетиту. Словом, вы увидите сию вещь (как говорят в Сибири) не раньше 1940 года.

Надо же мне освежить свою память и свои впечатления.

Итак, счастливо оставаться, дорогие мои!

Апрель 1935, Мариинск

Глава первая

Грачи летят

*Ай, качи, качи, качи,
Прилетели гарачи,
И черны, и жалки
Схватили по палке.*

Я не ощущаю святости святых отцов,
Но очень люблю имена их,
Снабженные примечаниями и прозвищами,
Которыми их снабдили православные
И богобоязненные российские мужички:

Дарья — говённый-проруби,
Василий — капельки,
Мария — зажги-снега,
Герасим — грачевник —
Грачи летят!

В это самое время готовят топливо —
Пилят, колют и рубят дрова
(Я думаю, что всем понятно, что колка и рубка
Далеко не одно и то же!),
Чтобы они пролежались за лето,
Подсохли к зиме,
Сложенные в поленницы...

Начинается с пилки.
По морозу поет пила
Весело и зазвонисто,
Как бы выговаривая:
 Чуракам, дуракам —
 По бокам, по бокам!..
Это пила чураки честит!
Двух с половиной-метровые чушки —
Четыре реза — пять плах —
По полметру,
Или по-старому
Трехчетвертовый швырок...

Розоватая пена опилок
Запустила подтаявший снег...
Пилят обычно мать и сестра,
Если же нет таковой,
То на сестрино место — отец.
Сыновьям колуны.
Про колун говорится:
— Не остер, да увесист!

Вон тот, что неопытен и не смышлен,
Долго возится с плахой —

Он ее прислоняет к другой,
Наклоняет ее от себя,
Чтоб удобней вонзить
В ее череп прямоугольный
Лезвие колуна.

Чудноватая рожа у плахи:
Там — сучок, здесь — морщинка,
Лишай или глупая шишка наплыва...

Парнишка поддернет штаны,
Сдвинет со лба к затылку
Надоевшую за зиму шапку,
Широко, как ворота, расставит
Дубоватые ноги,
Размахнется —
И где-то над теменем
На минуту замрет лезвие колуна
И ударится вкусным и влажным шлепком поцелуя,
Древесина рассядется — если удар
Был направлен удачно —
И пахнет на тебя отстоявшимся медом березы!..

Колун встанет к ноге,
Паренек перевернет разбитую плаху
И опять пополам разобьет половину...
Неудачный удар —
Это значит осколки и клинья. —
Измочалит полено и бросит:
Пущай, мол, за лето просохнет,
Расщеляется и тогда
Разобьется!..

После длительной пилки отец,
Когда больше пила не звенит,
А шершавую шваброй шуршит
Да воркует с сырой древесиной,
Размахнется, и как-то навыверт ударит,

Перевернет, приподымет и грянет
О здоровый комель обухом...

.....
И выходит, что даром парнишка трудился,
Зря до лета откладывал плаху.

.....
Есть другая метода колоть:
Топорище зажато одною рукой,
Чуть поближе к обуху,
Плаха — держится левой,
Пара взмахов коротких и резких, как взгляд,
Два коротких еще,
И летят в отдаленье, звеня,
Четыре душистых, пахнущих медом полена...

Здесь я должен прервать
На минутку повествованьё
Парой строк поясненья:

1) Для работы одной рукой колун выбирается среднего веса.

2) Рукоятка должна быть хорошо обработана — стеклом и наждачной бумагой — и должна охватываться рукой без всякого напряженья.

3) Взмах должен быть коротким и отрывистым, т. к. при работе одной рукой действует не столько вес колуна, сколько сила удара.

Обладая здоровым сердцем, верным взглядом и хорошей рукой, можно колоть в три раза быстрее, конечно, при условии, что дрова будут сухими. Березовые, дубовые, ольховые, осиновые; ель и сосна колются только в сыром виде; в сухом они колются плохо и тогда лучше работать обеими руками.

Вот и подробности: комельки,
Даже щепки, разложены
На припеке, вдоль бревен
И вдоль завалинки...

Разражается звонким приветствием грач!
Он с дороги — еще худощав,
Черноклюв и восторжен,
Но обнюхается и обживется...
Он трубит во весь голос —
Труба боевая весны —
Лягушачьих предшественник трелей...

Завтра утром
Проснешься чуть свет,
А уж он — за работой!
Он потащит за прутиком прутик —
Предварительно дерево облюбовав...

Как до сих пор никто
Не заинтересовался
Архитектурой гнезда!?.
Чуть, чуть-чуть не на самой вершине
В развилку заложен
Первый прут,
И пошло, и пошло, и пошло —
Глядь, и под вечер пара
Уже новоселье справляет...

В это время
В деревне,
Где есть хоть какая-нибудь
Речушка, ручей
Или просто канава,
В которую в водопель
Из реки
Забегает вода,
Или пруд, —
Старики — вырезают иглички,
Бабки — пряжу садятся сучить,
Ребятишки —
За прутьями в лес собрались...

Закипела работа.
Там — наметку готовят,
Там — бредень,
А здесь — норотá или верши...

Через два дня — разлив.
Продубленная дель
Просыхает на кольях плетня,
И остроги насажены...
Рыболовы готовы.
Через два дня разлив...

Не мешало б сказать об охоте,
Но ружье — не моя специальность.
Я люблю, как пролетные гуси кричат,
Как звенят журавли...
Я совсем не охотник,
Пусть живут,
Размножаются птицы и звери.
Я бродило-грибник —
Крохобор,
Собиратель брусники
И клюквы.
Я люблю подсмотреть,
Как бежит вдоль канавы
Вдруг замолкший, исчезнувший чибис,
Как прорежется первый побег дягилей,
Как зальется в лугах коростель...
Я совсем не охотник,
И право...

Впрочем, завтра разлив...

Апрель-июль-декабрь 1935 – 1/1 1936, Мариинск

Глава вторая

Голоса ночи

*Ночь говорит со мной
на языке понятном
лишь ей и мне.*

От Суворова прет ледоход.
Дальней шейки и Марьиной рощи кусты
Уже по́ пояс плавают,
Залиты паводком.

Ширина стала шире еще,
Ослепительно блещет разливом!
Полдневище, собрав воедино
Разлитую паводком воду,
Уплотняет ее.

И набухнув
Сверканьем и яростью, воды
Мчатся прямо на новую гать.
Мост снесло! — Будто не было!
Полумесяцем вырытый пруд
Собирается выступить на соединенье
С основной силой вод.
Кузница плавает.
Луговые сараи
Готовы отчалить —
Плавно снимаются со своих оснований.
Журиха гудит, зазнается, подумаешь — тоже река! —
Кипятится и пенится!
До Левонцева мчатся
Взмыленные гоньбой
Одичалые кони воды.
Гривы, пенясь, разметаны,
Кони мчатся и мчатся,
Раздувая хвосты.

Эта чертова уйма пространства, воды
и простора кипит!..

Разноголосица роц по ночам затрудняет дыхание:
Крячут утки,
Звенят кулики,
Глуховатая вдовушка выпь
Все не может утешиться,
Будто сваи вбивает
Тяжелыми, гулками Нур!
Заблудящим бараном,
Высоко зарвавшись, как в небо
Блеет вальдшнеп.

Оживают кусты.
Ночь наполнена жизнью,
Будто капля стоячей воды
Толчейей инфузорий.

Мягко сумерки сели на воду,
На рощи.
Каждый куст запекает по-своему.
В каждой кочке,
Барахтаясь и борясь,
Шебуются невидная жизнь...

Я бреду и прислушиваюсь
К голосам издалеча.
В омутах у мостов
Густо плещутся щуки,
Пора расставлять норота.
А пока я бреду,
Задыхаясь от пенья и свиста,
А пока в голове горячо,
А пока распирает желанье
Петь по-птичьи,
Забывши о том,
Что бессмыслицей величают
Песню, что родилась бессознательно в час,
Когда ночь, словно милая, руки положит на плечи

И дыханьем горячим обвеет
Так, что сердце замрет на мгновенье, и снова
Застучит, запоет...
И опять, обрываясь, утонет в блаженстве:

Ночь, захлестнутая синевой,
Стелется во всем величьи.
Тихо плавают надо мной
Веселые голоса птичьи.

Сколько, сколько поналетело птиц!
Воздух тонок и невесом.
Смотрит месяц из-под ресниц
Легких и золотых, как сон...

Будто медленная вода
Легкие плывут часы,
Звонкая дышит вода
В разливе своей красы...

Легко брести в такую
Ночь одному сквозь сны,
Вдыхая золотую
Прохладу ночной тишины...

Еще не успела песня
На губах просохнуть,
А уж другая просится
На ее место.
Поется бездонно,
Безданно-безпошлинно, бездумно,
Как соловей, бездомно,
Будто в горячий полдень вода
Пьется, пьется и пьется —
Напьешься... и опять жажда.
И горло просит прохлады...
Я снова пою, и песня
Плетется кружевом нежным...

И от песни надбровные дуги
Вздрагивают у меня.

Я хотел бы петь важно,
Как журавли, как бор,
А в песню вплетается нежный
Лирический узор...

Ах, луга, луговины, заполоски,
Трав густые побеги,
Ах, волн кружевные заплески,
Тишина тишины и неги!

Пой, голубая прохлада,
Пой, мое сердце, плавай
В тихой грусти сада.
Нежно дымитесь опаловая
Даль.
Это все, что нам с тобою осталось:
Лес, любовь, тишина, усталость,
И остального не жаль!

Июль 1935 – Январь 1936, Мариинск

Глава третья

Верши

*Орет, как черт в вершу!
(Пословица)*

На лошадях,
Верхами, вплавь,
Пешкодером —
в разные стороны рыбаки...

Мы пешком.
Свежий запах воды,

Как укроп:

Холодит,
Будоражит,
Бодрит
И лелеет

Упругость мускулатуры!

До Лесеевны — прямо.
Направо — пески,
Спустишься и
Влево — низинкой —
Рукой подать — пруд.

Здесь, что озеро —
Залито все!
Гребешок отмечает проток,
Он правей, где береза
Стоит в отдаленьи солидно и строго —
Седая...
Там еще куст можжевельника, страшно шершавый!

Бережком не глубóко —
По колено, не выше!

Вдоль шиповской канавы
Места, как нарочно, для верш!
Не ширóко,
Вода стеснена!..
Стрежень —
Рыба валит, как на ярмарку в праздник сельчане,
валóм!

Топоры застучали в четыре руки, —
Что за музыка!
Древесина, что мед!
Нужно: пару жердей,
Кольев — штук восемнадцать,

Можжевельнику;
Дерну нарезать...

Стукотят топоры.
Ветерок пробежит и, согретый до нежности,
Ляжет у ног мохноногим щенком.
Стукотят топоры...

Высоко, высоко —
В непроглядной, как ночь, синеве
Колокольчики льются.
Стукотят топоры...

Впереди, за протокой от моста,
Девять верш Головастого...
Головастый — сосед —
Широротый, крикливый и сбrehоватый...
По соседству — Андрей.
Если выпивши —
Поторжественнее — Данилыч...
Напившись, он страшно грустит:
Поет песни, потом колобродит,
А пóд вечер матерится.
Он завистлив и жаден,
Жуликоват.
Порой — рассудителен,
Порою — нахален...

Девять верш, как одна,
Непрерывной цепочкой.
Коль поставить такую цепочку на месте, за ней —
Вода как процеженная —
Ни рыбешки!
Пуда пó два Андрей выбирал каждый день.
Мы бы ниже не встали,
Когда б не расчет на протоку.
Впрочем, протоку учел Николай еще в прошлом году.

Николай — это брат — теоретик
И практик рыбалки.
(Я ж грибник.)
И протока нас выручила.
Как на зло Головастому
В нашу вершу полезла отборная рыба.
Потащишь вершу на сушу,
За хвост тряхонешь —
Луговина, как высеребрена — блестит!
Голавли,
Красноглазая, как после несчастья, плотва,
Караси,
А порой длинноносая, хищная
Долотообразная морда речного разбойника — щуки.
Улыбается,
Как будто облизываясь, обнаглев,
Обнажает отогнутые к горлу, словно иглы,
Клыкастые зубы.
Я уверен, что если увеличить размер существующей щуки
Метров до двадцати,
То акула окажется нежным щенком.

Однажды,
Какой-то добавочный лед
И снежок
Забил
Верши
Андрея трухой —
Снеговой окрошкой,
Запрудивши протоку.
И вода, обойдя
Девять верш Головастого,
Направила в нашу,
Всех, что были в протоке, жильцов...

Мы пришли, когда ругань висела,
Как плеть, над окрестностью.

Опускаясь, стегала по воздуху,
Снова взвивалась
И снова ложилась кровавым рубцом
На луга, на березу, на воду —
Одним словом, на все.

Головастый выдергивал колья,
Разбрасывал их, собирал
И разбрасывал снова,
И опять собирал...

.....
Наконец, успокоившись,
Он перешел на наш берег.
Вдруг, увидев, что наша
Верша рыбой забита,
Как перина пером,
Что втроем мы насилу осилили
Выволочь и поднять,
Он опять стеганул
Раскаленным арапником матерщины.
Он вздрогнул, подумал с минуту
И стал заколачивать колья
Метров на десять выше чем мы...

И когда было вбито довольно,
Николай стал выдергивать их.
Головастый брал только что вынутый кол
И опять забивал —
Николай выдирал его с корнем!
Головастый — забил,
Николай — снова вырвал.

Состязанье в упрямстве
Проходило в молчаньи.

Мы смотрели. Казалось,
Что один забивать будет вечно,

А другой выдирать...
Что какой-то садист
Осудил их обоих
На вечный, бессмысленный труд.

Нам казалось, что в небе гроза,
Что вода пахнет кровью,
Что окрестность изрубленным мясом дымится,
Что сейчас Головастый топор повернет лезвием
И опустит его не на шест,
А на голову брата,
Что сейчас они схватятся и замрут,
И пока не задуют друг друга в объятьях,
не выпустят

Друг друга из тисок...
И гроза разразилась. Андрей
Вдруг взмахнув топором, опустил его резко.
И ругань
Уже бессловесную
Выплюнул вместе с кровавою пеной,
Всунув в рот перешибленный обухом палец...
...Потом отошел,
Стащил свои верши
К огромному пню,
Клал на пень их хвосты
И хвосты отрубал.
Так провел через плаху все 9.
Сел верхом и уехал.
И бесхвостые верши валялись
Долго.
Почти до осени.

Июль 1935 — Январь 1936, Мариинск

Глава четвертая

Сечи

Пенья, коренья да ягоды.

Зеленый — ароматный дым
Над лугом, полем и над рощами...

Река, что девушка, бежит, звеня сережками...

Трава кудлатая,
Как мех щенят, и нежная,
Как нежный пух щеки
Единственно любимой...

Лопату взять,
Нажать
И взрезать луга грудь —
Запахнет свежим
Хрупким огурцом...

Листва берез еще нежна, терпка
И горечью насыщена такой, что обалдев,
Жуешь, из губ не выпуская
Листа в зазубринах,
Щекочущих язык...

Любимая,
Ты знаешь, как душист
Зеленый лес,
Как облепила пни
Мохнатых мхов богатая семья.

Братишка, мы
С тобой шатались вместе
По зарослям глухим
Крупихи и Ворот.
Мы тысячу, а то и больше раз

Пересекали большой дороги сечь.
Ты был совсем белесым и незвонким,
В то время, как срубили это место.
А впрочем, нет,
Тебя еще на свете
В то время не было,
Иль было года два.
Тогда еще Хорек
Петр Николаевич был пацаном совсем.
Лишь года два спустя
Мы с Колькой, кажется,
Его еще тогда не кликали японским богом,
Блудились здесь
И шли домой,
Перегруженные сверх наших сил
Одними белыми, как на подбор, грибами —
Он плакал...

Здесь жили ягоды...
Здесь было земляники
Столько, что дышать
Было почти нельзя.
Теперь здесь лес:
Веселый березняк;
Глухой и душный
Ольшаник, делающий
Тягучим и густым
И сладким точно сусло
Зеленый воздух;
Осинник, что лепечет
И день и ночь
Лирическую сказку...

Сергей,
Мой дорогой,
Любимый мой,
Братишка мой, Сережка,

Как грустно мне
И как мне тяжело!

Я обошел здесь все до основанья:
Почти что каждый пенёк
Мне руку подает...
Вот эта ель
Ровесница моя...
А этой вот, стоящей у опушки
Осине, как и мне, не повезло —
Она одна, охлестана ветрами,
Заметил я,
Листва редка на ней
И волосы мои
Вот так же поредели...

Сережа, милый мой,
Ведь целых десять лет
Я жил и ждал тебя,
Бродя по этим нянчившим меня
Любимым зарослям...

А сколько ягод здесь

Я собирал!
Спроси седатого и мощного как дуб
Иван Никитича,
Он, коль захочет, скажет:
Я приносил их чуть не каждый день
В душистой, беленькой
Берестяной коробке. —
Вот и сейчас мне слезы выжимает
Далекий, нежный запах земляники.

Теперь здесь тишина,
И ягоды ушли
Верст на пять дальше
От родной деревни...
Теперь они за Софьинской канавой,

За лугом вспаханным,
За сенокосом, в Монастырском —
На правой оконечности бугра.
Ты помнишь, чай,
Что левый склон его
Ископан и изрыт
Лисицей то ли, то ли барсуком...
Ты помнишь, чай,
Еще не так давно,
Году в двадцать седьмом,
А может быть, в тридцатом,
А может быть, и в тридцать третьем даже,
Мы здесь с тобой
Сбирали землянику?
Как в детстве я, содравши бересту,
Скрепил ее расщепом —
Наивная воронка, —
В нее мы клали ягоды,
Огромные как капли
Весеннего, душистого дождя.

Сережа, милый мой,
Любимый мой малыш,
Сходи и в этот год.
Пусть в августе, иль даже в сентябре,
Иль в декабре, на лыжах,
И передай бугру горячий мой привет,
Шепни ему
В его густое ухо,
Что я вернусь
И вновь приду с корзиной,
Огромной, точно дом,
И глупой, точно детство,
Большое детство — глупое мое.
Приду и буду собирать грибы,
Лежать в траве и нюхать землянику...

Я вижу и теперь
Куда нужно пойти,
Где можно пересечь
Его седое племя,
Я и сейчас подошвой ощущаю
Шершавую его поверхность,
Поросшую лишайником и мхами...

Скажи ему,
Мол, Ванька обещал
Опять придти сюда с своей любимой,
Что с нами ты придешь, —
Пусть он готовит ягод,
Что я спою
Ему такую песню,
Какой не пел досель
Ни я, ни кто другой!

Июль 1935 — Январь 1936, Мариинск

Глава пятая

Песни моей памяти

*Лес пел песни на языке,
которого я не знал, и то, что я
понимал эти песни, было
простой случайностью.*

I

На седом, как я, бугре
Рыжий лис живет, —
Тёпло жить ему в норе,
Толст его живот...

Тихо смотрит старый лес
На седой бугор.

Льется синева небес
На сосновый бор...

Елки тонкие стоят,
Славно елкам жить,
Память робкая моя
К ним под тень бежит...

Елки-палки — лес густой,
Ни женат, ни холостой, —
Где любимая, где брат?
Памятью одной богат...

В тридцать весен в серебре
Тишины ищу.
Я грущу о том бугре,
О лугах грущу!

II

Шепотком седым
Шелестит вода,
Будто у воды
До колен борода!

Софьинской канавою
Я брожу да плаваю,
Вот лишь по колено

И...

Ух с головой!
Кудрявая пена
Плывет надо мной!
А я на самом донышке
Играю в пятнашки с солнышком...
Ах, замарашка,
Куда тебе
Ловить струйки песен в живой воде!

Я вымоюсь по темечко
В живой воде!..
Милое времечко,
Сядь посидеть,
Давай померекуем,
О том, как жить!
Солнечными реками
Жизнь бежит.
Бежит, шелестит, лепечет,
Гудит, говорит, поет:
Время память лечит,
Вылечит и сердце мое!

III

Сколько у солнца
Любимых мест:
Шишково, Левонцево,
Монастырский лес!..

Ах, как же хорошо вам —
Синём-синё!
Хрулёво, Телешово,
Пашково, Мусино!..

Время не сурово к вам,
Песней теленькает:
Гусево, Суворово,
Шилово, Телегино!..

Вам песни петь, работая,
Шириться, строиться,
А мне с седой погодюю
Не однажды ссориться!

Мне еще зиму зимовать —
Пургой пылит!

Зиму зимовать, словно век вековать
Вдали!

Еще осень на плечах
Дождями гудит,
Еще седая печаль
Лежит на груди!

Когда же встану
С вами в ряды?
Когда же я стану
Опять молодым,

Кудрявым да ярым,
Влажным от рос,
Когда вы меня примете
К себе в колхоз?

Ведь столько у солнца
Любимых мест;
Почему же я солнцу не по нраву?
Я хочу в Левонцево,
В Монастырский лес:
Строить и петь, и косить травы!

IV

У парней —
 девочки,
У матерей —
 детки,
У девочек —
 веточки,
У мальчиков —
 ветки...
А у меня —
 где милая?

Пустота в руках!
Бежит за окном длинная
Чужая река.
У нее ни кустика,
Ни камушка,
На ее груди
Солнышко
Пятнышком...

Я купался —
в Чулыме,
В Киё, в Томі,
А ведь вот по Москвареке, да по Ламе
Тоска томит!

По далеким, далеким полям-огóркам,
По кустам, перелескам, да пёнышкам,
По листочкам березовым горьким,
По окошкам, отделанным солнышком...

А здесь —
сторона,
Будто дед давний.
На плечах —
доха,
На глазах —
ставни!

Сквозь такие глаза
Не видать любимой!
Залетит стрекоза,
Да и та — мимо...

Зачем ей звенеть
Стеклянными крылышками,
Здесь дождик зайдет
И... пройдет краешком...

V

Был, как ночь, вороным,
Как цыган, вороватым,
Для родной стороны
Был товарищем, сыном и братом.
Ночь крыла простирала
И синяя бровь
В тишине загоралась
И пенилась душная кровь.
И гремел громовой,
Словно гром барабана,
Молодой Громобой,
Просыпавшийся рано.
Он в три пальца свистал
И над ухом любимой
Соловьем нависал...

Пролетающий мимо
Ветер, стихнув и еле дыша,
Останавливался, замирая,
С громобойною песнью в ушах,
От желанья и неги сгорая...

Песня нежила, словно пушок,
Обжигающий губы...

Постепенно и медленно шел
Сумрак тихого утра на убыль.
И тогда Громобой,
Отсвистав, уходил восвояси
И тонул в голубой
Тишине головой,
Словно в небе вершиною яшень...

Он подолгу над дымною речкой сидел,
Волоса развевались, от влаги мокры,
И бледнели остывшие на смерть уста!

.....
Отсвистал Громобой, Громобой поседел,
Соловей молчаливым, застенчивым стал,
Молчаливей безжизненных рыб.

Июль 1935, Мариинск

Глава шестая По грибы

*А вы, грибки,
Встаньте на дыбки!*

Облачно.
Небосклон
Еще только глаза продрал,
Еще рассвет не в силах
Разогнать тумана.
Еще по травам блещущего луга
Тропинки не проторено.

Росою

Синеет луг,
И воздух не шумаркнет.

Корзины за плечи
И в руки — подожки.
Крупиху —
напролет!
Мимо Избушки —
мимо.

Случайный дождь, и Софьинской канавой —
Хоть вплавь пльиви —
Синё!
Водою залито просторное пространство
Между Избушкой и Монастырским лесом.

Шумлив, шершав, насуплен и суров
Седатый бор.
Глухая мгла,
Где допотопный ельник
Прошит осинником.
Здесь бархат тишины
Проштопан шорохами мхов...

Дорожка вьется меж дерев и кочек
Гадюкою.

Такая гуща,
Что мужа,
Присевшего на корточки под елкой,
Жена не видит
И поет протяжно:

— Евдоким, а-у-у-у!

Высоким и пронзительным фальцетом,
Спокойным взглядом в землю упершись,
Двойным ударом, словно черт по бочкам,
— Гоп, Наталья! —

отвечает муж.

Расселись лесные помещики,
Я знаю их нрав,
Они с хитрецей!..

.....

Вон там,
По разреженному
Зимней порубкой березняку,
Сквозь утопанный грунт,
Пробиваются белых
Загорелые лысины.
Чуть посуше,
Чуть-чуть горячей
Глянет солнце
Со своей колокольни
На эту полянку,
И начнется переселение.

Белые ниже уйдут —
В золотую прохладу
Мхов кудлатых, как бороды
Древних седых воевод.
Это место займут валуи, мухоморы, сухари,
Да бледных поганок
Ненужные толпы...
Или рыжих лисичек
Кружевные созвездья.

Чуть пониже,
В прохладе травы и кустарников редких и нежных
Сыроежек сервизы...
Сыроежки!
Каких не видал я!
Какою расцветкой природа
Не раскрасила их!
Вот только что вынырнувший
на поверхность болванчик —

Что белей?

Ничего!

Лишь крупинка песка
Слегка поцарапала кожу.
Что нежней?

Ничего!

Есть желтые,
Солнцу подобны,
Рассажены в мхах огоньками болотными;
Голубые,
Как неба тончайшие срезы,
Их развернутые розетки ютятся
Под сенью привольной березы
Или ломкий бордо
Сыроежек кочарника;
Почти синие,
Те, что родятся

Грузды — я их знаю 15 сортов:
То грузны, как саксонский старинный фарфор,
То нежнее мейсенского,
Ломкий,
То такой, что и пальцем не тронь:
Тронешь — метиной синей зажжется.

Дуплянки холодные,
Влажные, будто
Из воды вынимаешь их,
А не из трав.
Рыжик оранжевый, нежный
Интеллигент...
Луговые опенки,
Чей корень дуплист и присадист...

Впрочем, где ж перечислить
Разноплеменность пластинчатых —
Я ж не трактат,
А простую поэму пишу.
А коль взять козляков
Да маслят,
 этих худших из губчатых,
Да внимательней к ним приглядеться,
То и их можно сотни —
Различных
По виду, по форме разыщешь.

Ну а белых я знаю
Три сорта.

Растущие
На березовых огорках,
Что похожи на головы,
На шарики —
Эти растут
На лысоватых

Песчаных местах
И на супесях,
Можжевельниками засиженных;
На местах плоскостных,
Черноземных, травистых
Растет
 другой сорт —
Тонконогие, низкорослые и широкошляпые.
Таковы у Избушки на скатах,
В Монастырском
И за большою дорогой...
Огромные, рыхлые
Импозантные бородачи
Залегают по мшистым борам,
Чем глубже мхи,
Тем невероятнее формы корня...

Есть кочки,
Из которых
Хоть лопатой выкорчевывай белых.
Корень из ваты
И искручен невероятно затейливо!
Редко-редко не сломишь
И
 как обидно потом,
И кажется все,
Что в земле-то осталось
По крайности столько еще!..

Но они хороши только с виду:
В сушке они неважны —
Они усыхают
И запах теряют почти что совсем.

На отроге бугра,
К луговинам поближе,
Там где ельник живет молодой и зеленый,

Где трава, словно волосы милой,
И мягка и покладиста,
Россыпи рыжиков звонких и тонких
И хрупких настолько, что их осторожно срезаешь
ножом,

Опасаясь сломать...
А пониже — волнушки,
Груздья в осиннике прячутся
В заваль листвы...

Тишина допотопная елок
Глуха,
Но ее разбавляет осинник.
Влезешь в чащу
И вдруг
Обалдеешь:
Стоят, будто будки
Под красными крышами,
Подосиновики...
Начинаешь с поменьше,
Потом устаешь
И режешь одни только головы
Часа полтора без разгибу,
Устанешь и тянет на солнце
В березняковое мелколесье,
Там растут простаки —
Подберезовики.
А размеров — любые —
Начиная с наперстка
И кончая готовым упасть шлюпиком.

Концовка 6-ой главы

*Цвело ауканье веселое, как в праздник —
Цветистых платьев яркие ветра,
Что нежат, холодят и дразнят...
Сплошным ауканьем цветут утра.*

Август 1935 — Январь 1936-7/1 1936, Мариинск

Глава седьмая

Рыбалка

*Выйду ль я на реченьку,
Посмотрю на быстрюю...*

Песня

*Чешуйчатое серебро реки трепещет
В моих руках, отражаясь в глазах
Огненно-рыжего, щедрого солнца,
Переливаясь и источая прохладу.*

Сказки реки

Выйду за ворота,
Посмотрю далёко,
Далёко далёко —
На луга, болота...
Где луга-болота —
Озеро глубоко!..
Во этом во озере
Живет рыба-щука —
Живет рыба-щука —
Бéлая-белáя,
Белая-белая,
Где ж моя милáя?
Моя расхорошая
По бережку хóдила,
По бережку ходила,
Неводочек нóсила...
Первый раз закинула,
Ничего не вынула...
Ничего не вынула,
Второй раз закинула...
Второй раз закинула,
Много грязи вынула,
Много грязи вынула —
Еще раз закинула,
В третий раз закинула,
Карасика вынула...

Окунок, окунок,
Золотая рыбка,
Окунулась, перьвернулась —
Показалось глыбко...

Я был на том озере
С бредешком,
Обходил и облазил пешком
По песочку
Низочком,
Тишком
По кусточкам...
Точка...

Далёко-далёко Сазонов бугор —
Лужки, перелески, лесочки...
Он смотрит в упор
На меня,
Из глаз моей памяти, и его взор
Уводит меня в глубины
Подпочвенного бытия,
В область памяти глухой и богатой,
Как бор:
Земляникой,
Мхами,
Птицами,
Ягодой.

Лежит бочагом,
Перерезан пушистой и пыльной дорогой,
Опоясан кустами,
Дорогой моей памяти детский узор:
Из воды;
Облаков, отраженных глубоким и чистым песочком;
Из песков золотистых и нежных;
Из лугов,
Что зелёны и плавны,
Точка...

На крутом берегу —
Наша ставка —
Шалаш...
Словно братья разбойники,
С топором, у костра
Я и братья:

Сергей,
Словно грач,
Говорлив и неповоротлив;

Николай,
Чья речная походка в развалку
Прошла сквозь Прошáлово ночью...

Мы сидим у костра,
Перечувствовав ливень,
Неводочек разостлан
По бережку,
Еще травы мокры
И деревья блестят серебром, отражающим солнце...

Мы брели в непролазной трущобе,
Где листья лопухов
Лопоухих
Ушами Джиндау
Заклеили глянец воды,
Их протяжные стебли
Тянулись до самого дна,
Где вязались узлами
Огромных и грубых,
На канаты похожих корней...

Если с берега
Рыбкою,
Вниз головой...
И когда легкий обруч воды

Над головою сомкнется,
Вдруг откроешь глаза,
То в зеленом пространстве,
Туманном, как ранний рассвет,
Ты увидишь зари
Розоватые отблески
На чешуйках сороги,
На глазках плотвы;
Розово-алый,
Полосатый как тигр,
Горбатый, щетинистый окунь
Глянет прямо в глаза тебе
Немигающим
Ласковым взглядом.
Робких рыбок
Крылатая стайка
Стайкой школьников
Ринется врассыпную —
И нет их!
У кустов,
Где подмыт
Глинобитный
Обрывистый берег,
Ютятся налимы;
У осок,
Где вода, как процежена, —
Щуки;
В лопухах —
Караси и лини;
На бырях,
Где по донышку выслан
Узорчатый камень,
Окуней разбитные стада
И задорных ершей...

Мы тянули
Сквозь травы;

Сквозь воду, густую,
Как наваристый борщ,
Неводок,
Горловиной...
Уж рыбешка плескалась в мотне,
А конец
Обещал нам богатый улов,
Когда звонкой стрелою
Через горлышко озера
Мчащийся уж
Пересек нам дорогу...
Рыбаки — кто куда!
Крылья невода всплыли
И словно подбитые
Ястреба крылья
Тихо и мертво повисли...
Нет охотников в воду соваться,
Если в ней,
В такой близкой,
Прохладной и милой — гадюки!..

Неводок мы выуживали потом,
А на ужин
Рыбачили рядом —
В бочажке карасей...

Хорошо отдыхать вечерами
Вдалеке от поселков и сел,
Когда ближе, чем за пять
Верст, даже дымом не пахнет!..

Луговина мокра от росы,
А в кустарниках птицы
Щебечут, непохожие на денных,
Птицы ночи. Задумчивей как-то,
Как-то тише денных,
В голосах их какая-то тихая грусть.

Плачет вальдшнеп,
Да выпь
Где-то ухаает изредка
Бархатным басом...

Далеко над Кузьяевом
Тихое зарево песни,
В Телешове,
В Харламихе — тоже поют...
Догорает костер.
Время спать —
Завтра утром, чем свет,
Николай по жерлицам пойдет,
А часов с девяти,
Позабывши вчерашние страхи,
Снова с неводом в воду —
Не с пустыми ж руками
Домой возвращаться!

А пока
Я, почти засыпая,
К сказкам ночи прислушиваюсь...
Хорошо — шепчет лес,
Хорошо —
Тихо травы лепечут...
Костер догорает...

Наши реки не блещут
Глубиной,
Наши щуки —
Не крупней, чем в три фута...
Я спросил у реки:
— Ну а если
Щука вырастет на три аршина,
Что тогда?
— А тогда мы ей купим колеса.
Без колес
Ей у нас не прожить,

По пескам ей ползком
Не пробраться —
Вот она на колесах
И покатится
Словно автобус
По пескам, перекатам
И отмелям...

Костер
Догорел.
Время спать...
Я уже засыпаю.

*Декабрь 1935 — Январь 1936, Мариинск
18–19/1 1936*

Заключение

*Сияй, сияй, печальный свет,
Любви последней, зари вечерней.*

Ф. Тютчев

*Далеко позади
И темно-коричневый март,
И веселых апрельских капелей лирический лепет...
Гулкого мая лихой ледоход сглажен и смыт
половодьем,*

*Июнь отзвенел синевою,
Июль переломлен, и август
Начинает постукивать в раму оконца...*

*Тихий и ласковый шорох сочится
В провалы глубокие сердца
И тишиной обволакивает перелески...
От зноя уставшие травы
Подернуты первою желтизною...*

Пойдемте по ягоды!
Бор глухоманью манит в долгожданные чащи
Седых лиловеющих мхов...
Пойдемте по ягоды!

Будто бусы любимой
Рассыпала на землю осень спелых брусник ароматно-
бордовые брызги...
Будто бусы любимой лежат они, влагой подернуты,
На пушистой подстилке из мхов и листвы,
Облетевшей при первой попытке
подуть ветерком от Кузьева...
Нежно-оранжевой вьюгой повеяла осень.
Березы сквозь прозелень блекнут...

Здорово, подруга!
На какой тишине ты настояща, милая?
Какой густотою насыщен язык твоих трав и цветов?
Послушай,
Мне кажется в этом году
Мы вдруг стали ровесники, враз и надолго!
В равной степени густо
Виски серебрятся.
В равной степени сердце
Устало...

Сколько ягод рассыпала осень,
Сколько крупных пунцовых брусник;
Сколько горечи яркой и терпкой
В твоих поцелуях, подруга!
Наша осень, как ты, хороша и крепка, и надежна.
Дорогая моя,
По весне сквозь листву проберется подснежник,
Сколько нежно-зеленых побегов пробьется
Сквозь когда-то шумевшую зелень!
Сквозь меня прорастут
Несгибаемых роц молодые стволы!..

Значит, осень.
Простая и крепкая осень!..
Золотой листопад.
Золотая пора увяданья...
Значит, осень.

Пылают закаты.
Изгибается грустной усмешкою бровь,
На губах отцветающей осени свежесть.
...И, наконец, последняя любовь —
Ничем ненарушаемая нежность!..

26–29/II 1936, Мариинск

НАПИСАННОЕ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ 1936 – 1941

* * *

Не дразни меня, подруга,
Мне и так довольно туго,
От того, что в мире этом
Счастье только по билетам;

Оттого, что в мире этом,
Где живу любя, старея,
Счастье только по билетам
Выигрышной лотереи.

Не дразни меня, подруга,
Мне и так довольно туго —
Безбилетником скитаться
Беспризорным в мире этом;
За твоим столом встречаться
С взглядом сытого портрета.
Ревность что? — Пустое слово, —
Я и так тоской приучен,
Я и так почти что сломан,
Пуст почти, почти беззвучен.

Не дразни меня, подруга,
В песне большего не скажешь,
Видишь по надбровным дугам,
Что и так довольно туго:
Быть с тобой на «Вы», и даже
О тоске не заикаться, —
О тоске не заикаться,
По столетьям не встречаться,
Знать, что в ящике стола
Фотокарточка другого,
Тоже может дорогого,
Словно в сердце залегла.

Май — сентябрь 1936

Толкнешься к старым приятельницам,
Авось приютят на ночь,
Им терять нечего,
Кроме доброго имени.

Или к старой компании —
К наркоманам и шулерам —
Это в доску свои —
В горе не выдадут!

Найдется ж бутылка водки,
Селедочная голова,
 (за упокой души),
Место между двух стульев
И связка собственных произведений
Под бесприютную голову...

Брось, муза, корчить аристократку,
Будешь иметь ночлег
И на завтра тему
Для лирического излиянья.

Примечанье к теме

Увесисто, неопровержимо
И редакторски жирно
Дублированное замечанье:
 – Не выдержан размер
 И слишком физиологично!
Удивительно тонко и безошибочно —
Хоть брось, хоть погоди маленько —
 Завтра выбросишь!

Сидит он, как ω микрон,
Не смыкая рта.
Смотрит он на меня, как байрón,
На новые воротá.

ЯНВАРСКИЙ ИНЕЙ

I

Закат на лыжах беговых
Скользит вдоль по бору, блестящую дорожкой,
И сумерки сороконожкой
Ползут из далей голубых.

IV

Что грустишь, о чем тоскуешь,
Почему не улыбнешься. —
Сумрак звездами пронизан,
Воздух полон тишиной...

У тебя, моя подруга,
Две соперницы, — не стóит
Ревновать ни к той, ни к этой, —
Муза грустная да мать!

VII

Бор зелен и шумит. Как будто сказку
Ворчунья-бабушка бормочет спрехвала...
Будь пацаном!

Теперь бы на салазках
Катался с гор, пока не позвала
Домой старуха мать...

Как трудно расставаться
С далеким детством, что давно прошло
И потихоньку стало забываться...
Каких сугробов за ночь намело!
По берегам реки, закраинам оврагов
Каких карнизов налепила ночь!..

Вчерашней оттепели крупным виноградом
Застыли слезы на ветвях, точь в точь
Жемчужные подвески на уборе
Невесты девушки, сверкают и горят,
Звенят, переливаются...

На косогоре
Далеком старая сосна, маня,
Кивает ветками...

Махну туда на лыжах!
Поскрипывает снег да свищет ветерок
В ушах...

А сзади словно выжег
Две ровных полосы...

Паденье, бугорок,
Спуск снова, снова взлет, и снова
Захватывает дух скольженье быстрое и взлет!
И наконец пахнул в лицо сосновый
Настоянный на хвое воздух...

Льет
Со лба <уж> пот и капает горячий
На твердый наст — на хрупкое стекло
И на обломки звезд беззвучных и горящих
И сразу хорошо: просторно и свежо!..

Январь 1937

* * *

Все скрепы неба колыхая,
Грозя начать сплошной погром,
Гремучей силой набухает
Безудержный весенний гром.

И вырываясь вдруг на волю
Из туч, что налиты свинцом,
Он скачет с грохотом по полю
И ржет стоялым жеребцом.

Потом, пройдясь как черт по бочкам,
Подхлыстнут молнии линьком,
Запляшет по набухшим почкам
Голубоватым огоньком!

И вдруг замрет в дали туманной,
Отряхивая с неба дрожь;
И крупной дробью барабанной
На грудь земную хлынет дождь.

Апрель 1937, Москва

ИДИЛЛИЯ

Лес — тишина — прохлада...
Густым молчаньем набухли
Тяжелые лапы елей
Медленным ароматом сосен
Сочится оно лениво
По капиллярам дремучим леса...

Влажные сугробы мхов
Выстлав подножье рослых
Темнозеленых, с проседью
Бушующих в синеве вершинами
Незыблемых великанов,
Зовут отдохнуть:

— Прилягте

На бурую нашу хвою,
Будьте как дома, — спите,
Смешивая в одном сосуде
Добрый день и спокойной ночи!..

Конопатый лишайник на солнечных пролысинах
Топорщится, — сладу нет, — кочевряжится.

Врезанная в рамку сосен полянка,
Будто еще осерчав, пофыркивает
Краснорожим лабазником самоваром, —
Ух,... чтоб тебе! Как отдувается!..

Баритонального тембра
Упитанный жеребец заслунял романсом
Всю подноготную леса и луговины. —
Оскорбляя целомудрие зелени,
Захлебывается с храпом и присвистом:
— Мне грустно потому что я тебя люблю...

Замолчи, дурак, знаем, какой ты любитель, —
Был да весь вышел, — сматывай удочки!..

Двадцатилетний балбес
Примазывается к вдовушке, —
Поберегись, сынок, споает,
А неровен час — лет через пять-шесть
Чем невесту порадуешь?!

.....
Попéли, пóпили, — Роса ложится! —
Как бы того-сего, несмотря на ковры,
Тюфячки и подстилочки, не усугубить
Наследственные ишиасы и геморрой!

Некий остряк в отставке
Без мундира и пенсии
Лирически резюмирует:
Еле-еле
Доехали до ели,
Сели поели,
Поехали назад!..
Вот потрянул стариною, дедушка,
Спасибо, — порадовал,
Запишите в альбом, на память —
До смерти не забуду
Этакое der Mot!

Август 1937, Паулино

Ночь, шитая золотом по бархату, обнимает
окрестности,
Утоляя алчбы́ и жажды; нежа, лелея, мучая;
У каждого в жизни одна такая ночь неминуемая,
Которой не запить, не заесть, не вычеркнуть, —
Ее глаза — без дна, ее темноты не вычерпать
Даже поцелуями в губы... Ей слагаются оды,
Поются сонеты и кантилены, и целые, целые годы
Одною ею освещены... Она наполнена
сердцебиеньем любимой,
Ее дыханьем, ее тоской... Ночи этой не обойти мимо,
Сама подойдет подруга,
Ласково возьмет за душу, обоймет вниманьем,
Глянет в глаза, не дыша, и упруго
Поведет по саду воспоминаний...

Стоят зеленые
Как дым леса,
Бродят влюбленные,
Притушив глаза,
Кабы не звезды — могила,
Если б не луна — тоска!
Торгуется милый с милой —
Приласкать или не приласкать?
Таковыми влюбленными
Пляжи залежаны,
Сады заплеваны,
Леса исхожены...
Пойдем по следам влюбленных походим,
Посмотрим, чем любовь дышит?..

От благоуветливой луны-подруги
 Заслонившись кустом бузины,
 Прислонился друг к подруге —
 Девушке осьмнадцатой весны...
 Что говорить, — и девушка хороша,
 И паренек недурён!..
 Ох, как заливица у парня-соловья душа,
 Как язык вкусён, ядрён! —
 Слушал бы ночь напролет соловья,
 Нанизывая ожерелья трелей,
 Каждое слово соловья лоя,
 Словно это сердцебиенье капли!
 Так капель заливается поутру,
 По звонкому солнцу апреля,
 Возвещая веселый весенний труд,
 Которым в ноябре заговелись...
 Я бы слушал и слушал, низал и низал
 Жемчужную нитку песни,
 Пел бы, закатив под облака глаза,
 И не было бы той песни заливицей и чудесней!
 Я бы рассказал о любви такое,
 Какого никто не знает:
 Как успокаивает любовь и как беспокоит,
 Какая она небесная и какая земная;
 Сколько в ней тишины и сколько
 Веселого звонкого хмеля,
 Я бы рассказал... но только
 Кажется, у соловья похмелье...
 Он говорит, между прочим: ну что ж, —
 Надо поговорить с врачом...
 Она говорит: уж лучше под нож...
 Он: Ты прими, — говорит, — в расчет
 Наши с тобой капиталы,
 А не хочешь — я не при чем...
 Милые детские губы из алых

Становятся как снег...
И девушка, словно во сне,
От очень большой обиды
Всхлипывает сквозь смех...
Хорошо, что никто не видит
Огромной тоски сквозь слез,
Которая ширится и острее,
Сердце пронизывая насквозь...
Только б не закричать!.. Быстрее!
Пока еще стон не слышен
Еще быстрее, бегом, —
Под маленькую глупую крышу
К маме под крылышко, в дом...

.....

Пошел паренек посвистывая:
Гора с плеч!
Небо большое... чистое...
Где бы отдохнуть прилечь...
Млечный путь — молочный поток
По синему бархату поднебесий...
А ведь в сущности — не высок итог
Соловьинной песни...

.....

II

Ночь, не вздыхай, — блажь
Романтики отзвеневшей... —
Смотри, как серебрится пляж
Вдоль реки посиневшей!
Я знаю — песок хранит
Тепло отгоревшего дня
И река, будто конь, храпит,
Колокольчиками звезд звеня...
Река бежит, поглощая даль...

Сколько пляжей на ее пути,
Сколько любви, и жаль,
Что ты не хочешь со мной пойти!
Послушаем горячее сердцебиение,
Прерывистое дыхание любви,
Золотое ее горенье,
Кипенье ее... — Не зови, —
Отвечает ночь, — пойдем,
Мое дежурство сегодня,
А то, что крови высок подъем,
Значит только, что тон приподнят...
Смотри, какая плывет луна...
И звезды, — с луны золотыми сдачи, —
Откуда любовь? На пляже она —
Случайно забредший дачник...
Мелочью звезд и лунными дребезгами плещась,
Плывет наяда легко и молодо,
И плащ волос на ее плечах
Сверкает, затканый золотом...
Она говорит: Поплыло
К луне отраженье моей красы...
И вдруг нисходит к ней с берега Аполлон,
Одетый в лазоревые трусы...
Он был кифаредом когда-то, в его руках
Жило звучание звезд прекрасных,
Смотри, как отражает река
Отцветшую молодость его бесстрастно!
Он рядом с любимой, он беззвучен и строг
Он поет, пародируя страсть: плыви, —
Твоя любовь — эта тысяча строк —
Поэма о счастье и о любви...

III

Ночь, ты бледнеешь от ярости, ты седа,
Ты олицетворенье скорби,
Отворотись от реки и смотри сюда, —
Лес полон любовью!
Лес — он исстари тянет к себе, зовет, влечет
Глубиной тишины и широтой тени,
Ветер ему — по плечо,
А влюбленные по колени.
Он стелет мхи густые им на постель,
Ветвями затеняет от взоров,
И в недосыгаемой высоте
Расселяет тысячеголосые хоры
И нежно-нежно шушукая, сам
В собственные уходит глуби;
Как же лесу глянешь в глаза,
Если обманываешь, если не любишь?
Если нежностью не дорожа,
В нежность рядишься (маскарад!)
Если обнимаешь любимую, не дрожа,
Если счастьем ее не рад,
Если ее ладонь не баюкает сердце твое,
И если в ответ на ее песню сердце твое не поет, —
Уйди, товарищ, не твоему
Сердцу биться у ее груди,
Другие руки ее обоймут,
Другой ее счастьем будет!

.....
Ночь в сторону отошла и встала
Непричастная лжи... Помню,
Солнце взошло, и стало
Все просто и ясно, как на ладони:
Еще звезды росы на ветвях горели;
Ржали кони в лугах ретивы,
И на ветках поникших елей
Висели презервативы...

От пашни пышной и сырой,
От тихо повевающего ветра...

Будто грусть моя капает... кап-кап...
Капли как мир огромны!
От тяжелого грохота колес скат
Насыпи подрагивает неровно...

Секунды бегут кружась по горизонту,
Будто циферблат мира пошел вокруг своей оси
повертываться;
Наскоро остановится, вскрикнув, локомотив,
И, подсунувши под ноги тощий дощатый настил,
укатит,

Дыша простором лесных пространств
И набирая скорость,
Вдоль нежного разлива трав
В заполненный гулом город...

§ 3

И вот я с глазу на глаз с собой,
На всей своей вольной воле,
А вокруг меня мир беспредельный и голубой:
Леса,
 небеса,
 кустарники,
 воды,
 поле!..

§ 4

Небо течет, Волга течет,
И я на ее берегу,
Дыша ее ширью, встал,

И передо мною по небесам бегут
Зари побежалые цвета
От густо-алых до нежно-оранжевых по краям
Воздушно-прозрачных облаков...
И вершины бора горят
Бездымным пламенем... И легко...

Пламенем рассвета обожжены
Дали реки, плывущие мимо;
И льется на меня с вышины
Ровное сердцебиенье мира...

§ 5

Мир на мгновенье замолкает... И вот,
Новой мелодией звуча в ушах,
Из-за бора,

из-за холмов,

из вод

Возникает солнца огненно-алый шар...
Мир зацветает новым, дотоле неведомым бытиём,
Звучит торжественным серебром фанфар,
Окрашенный живою водою росы, которую пьем
Все, о себе забывшись...

Тишина дорастает до моего плеча,
Крылья раскинувши за плечами,
И все растет и растет плещась
В час зарожденья, пробужденья и молчанья...
И только в бездонной голубой глубине,
Под воздушной прозрачной крышей
Жаворонок — хрустальный бубенец —
Льется выше, выше,

И выше!..

§ 6

Вкусным ксилофонным сердцебиением,
Цокотом восьмидесяти копыт óземь,
На утренний водопой летит колхозный табун.
Пышнозеленая озимь,
Служащая табуну фоном,
В одно мгновенье
Ковром-самолетом взмывает,
За спинами промчавшихся коней, в небо!..

Приляг на теплую грудь земли,
На влажное ее лоно,
Приникни ухом и слушай,
Как внятно, как важно гудит
Ее необъятное сердце...
Бьет о тяжелый грунт
Раскованная резвость коней
И на каждый удар земля отвечает
Неизъяснимо нежным ответом...

Вслушайся, если хочешь,
И разложив гуденье,
И уяснив, если можешь,
Пой с землей в один голос
Какую умеешь песню!..

§§ 7-8

Двадцать пар лиловых, жарких
Глаз, сверкая и горя,
Поглощают пламень яркий,
Именуемый заря!

Двадцать раскаленных крупов,
Распластавшись на лету,

Мча вдоль поля рысью крупной,
Небо гривами метут!

Впереди вожак крылатый,
Как из солнца отлитой,
Мчится, пламенем объятый,
К Волге, сквозь простор густой!

И у самой кромки стали,
Волжских вод на берегу,
Вдруг, как вкопанные встали,
Раскалившись на бегу!

Встали. Каждый будто замер,
Кожей тонкою дрожа,
Кони пьют, кося глазами,
Пьет и фыркает вожак!

Плещет сельтерская влага
В берег, в ноздри, через край!..

И солнце праздничным флагом
Осняет проснувшийся край...

.....
Пьют кони, пьют птицы, люди —
Я тоже пью
Румяную влагу рассвета!..

§§ 9–10

Девушки по воду, словно по ягоды,
По склону холма, к реке
Бегут, посыпая зернистым смехом
Серебряный от росы лужок...

.....
По-ветхозаветному пасторально

Рассказывает пастуший рожок
О том, как на зореньке-на заре
Подоила Дуняша коровушек,
Как цедила она молочко,
И чтобы для милого и белым-бела,
И вкусным-вкусна
Отныне и навеки Дуня была,
Она смешанным с зарей молочком
На ранней на зореньке умывалась...

§§ 11

Над полем, над огородом, над лугом, над пашней,
Над бороньбой
Начинает клубиться домашний,
Растворяющийся в голубой
Высоте, производственный гуд,
И до самого до полудня по полям
Похаживает горячий, любовный,
Солнцем прогретый труд...

20/IV – 14/VI 1937

Москва – Перловка – Паулино

II

ВСТРЕЧА У РУЧЬЯ

§§ 1–2

Ух ты, жара какая!..

.....
Расплавленной бронзой струится зной
Над миром огромным и золотистым.
Над головой небо цвета иранской бирюзы,
Подернутое невнятною прозеленью...

Волга натянутой до предела струной
Почти беззвучно поет о прохладе,
И я, захлебываясь ее голубизной,
Плаваю в ее гладях...

Будто кто-то щедрой рукой,
Перемешав искорки золота с солнцем,
Расстелил по всему побережью
Золотистую скатерть пляжа...

Лежишь ты, моя любимая,
В нежных объятьях мира
И сквозь раскрытые свои глаза,
И сквозь настезь открытые поры
Вбираешь в себя окрестное
Цветенье и зарожденье.

Вот он, вот он как на ладони,
Весь необъятный и необозримый,
Такой близкий и невообразимый мир.
Глядишь на него и видишь:
Ни конца ему и ни краю,
И весь-то он залит солнцем,
Лелеющим и пьянящим.

Прищуришь глаза и видишь:
Он весь на твоих ресницах
Поблескивает, золотыми искорками горя; —
Откроешь глаза пошире:
И вот он лежит, сверкая,
На всем, на что ты ни глянешь:
На водах, на травах, на пляже,
На поле, на лесах;
Он в шуме соседних сосен,
В шелесте трав и всходов,
В лепете веток тонких,
В трепете птиц и рыб;
Он плывет распаленным солнцем,

Плещет волной о берег,
Кукушкой перекликается
В недалеком березняке,
Льется щебетом соловьиным,
Жаворонком над полями,
Гудит над поляной шмелем,
Кузнечиком в травах звенит;
Вбирай его, дорогая,
Пей его зной и влагу,
Тяни его каплю за каплей,
Дыши его синевой!

§ 3

Сквозь тонкое пенье скрипки,
Пленяющее неуловимым, почти неоощуаемым бытиём,
Подобно росткам весенним прорастают далекие
побеги звуков,
И, почти матерински баюкающая,
Невнятная и неизъяснимая,
Течет песня ручья.

По шелковой подстилке трав,
Нежней нежного, как пушок на губах любимой,
Который ежевечерне и ежеутренне целую, бежит вода.
Любопытный лютик, склонив золотую головку,
Заглядывает наивно в ее голубые глаза...
Что ты смотришь, смешной, незрячий,
Придавленный неосторожно грубым сапогом прохожего?
В рыжем твоём зрачке не вызовет отраженья
Мгновенная рыбка улыбки, мелькнувшая
из-под листа кувшинки,
Ты даже не отзовешься отблеском на мимолетное
мерцанье луча,
Упавшее на затерянное на самом донышке стеклышко,
Заброшенное невзначай шалуном...

.....

Красноглазая рыбка, будто с горя все слезы выплавав,
Глядит на меня любопытными немигающими глазами;
Что понимаешь ты, робкая незатейливая рыбешка,
Прядающая на глупую приманку удильщика,
Ты вроде моего сердца, позовут — отзываешься,
Нахмурятся — уходишь под берег,
Сверкнув зеленовато-длинными радужными плавниками...

.....

Висит стрекоза над зеркалом полужаснувших вод,
Висит, перебирая крылышками,
Звеня и переливаясь иссиня-золотистым блеском...

.....

Кукушка кукует вдумчиво, где-то в дали далекой,
Всхлипнет и остановится, и снова: ку-ку, ку-ку!..
Плывет над миром спокойное, тихое благоденствие,
Под размеренное и ровное методическое ку-ку..
Летят, суетясь, секунды, и складываются в минуты,
Минута за минуту цепляется — складываются часы.
Кукушка в дали далекой отсчитывает минуты,
Часы группируются в сутки, пересыпанные ку-ку...

§ 4

Ах, мать честная!
С которых же это пор
Спят не засыпая
И не закрывая глаз?

Скажите пожалуйста, как убаюкала?!
А впрочем, может быть, и на самом деле,
Только кто-то другой, не я,
Там наверху над берегом
Из зелени ракии пытается:
— Кукушка, кукушка, сколько мне лет?
Ах, какой ослепительный, какой золотистый голос
Летит в синеву, трепыхаясь

И капая каплей в море,
Последним лучом закатным
Растворяется в неизреченном
Спокойствии пламенного полудня.
Услужливая кукушка отсчитывает:
Пожалуйста, — нам не жалко —
Подбирайте и пользуйтесь!..
— Ну и завралась, кумушка,
Ровно на два обмерилась,
С прошлого выходного
Мне восемнадцать лет!

.....
И девушка — весны ровесница,
Розовая, кудрявая, смеющаяся, как май,
Такая, что ночью подругой месяцу,
Утром — заре товаркой, в полдень —
солнцу сестрой,
Из гущи небес, из зелени, из рощи
цветов и трав
Выпархивает крылатой ласточкой,
Цветя загорелой юностью,
Слетает к ручью попить...
Плещет струйка зеленокрылая
Прямо в лицо, в глаза ей,
В губы ее целует,
Бежит по ее груди...

.....
И вдруг, прямо в бусах, в кофточке,
В сережках, в загаре, в золоте,
Бух прямо в воду с берега, —
Плещет, хохочет, фыркает,
Брызгается, плывет...

.....
— Кто вы, откуда вы, девушка?
— Кто я? Я Нюрка-солнышко,
Коровница из колхоза, а вы?
— Я дачник.

(Они по глупости!) —
И как поведет плечом,
Так будто и костер потух —
Инда в глазах темно!
Будто и месяца в небесах
Как не было!
Будто и ночь-то давным-давно,
А если и светится где огонек,
Так только у нее, у Нюрки в глазах,
Который кому-то только и свет в окошках.

.....
Кому за тридцать перевалило,
Вспоминает былое,
Да и то не вслух,
Чтоб сердце не опалило...
А где-то у самого берега Волги
Поет пастух:

§ 3

Пляши, любимая, пляши,
А мне нет времени!
Все девушки на свете хороши,
Да нет мне времени,
Чтоб отыскать красивее, чем ты,
Где взять такую?!.
Плывет луна, цветут цветы,
А я тоскую!..

.....
Пляши, любимая, — не жаль!..
Чудесный вечер!
Как просторна за Волгой даль,
Как ласков вечер!
Я слышу голос твой, поешь
О волжских глубях, —
Густая тихо шепчет рожь

О том, что любишь...

.....
Как лунный челн плывет высок!..

Я знаю,

Ты не уйдешь с другим в лесок;

Я знаю, —

Затихнет улица — придешь

Вон той тропею,

Наклонится густая рожь

И нас прикроет!

.....
.....
И будет тихо петь волна,

Плещась в прибое,

Как жизнь моя полным-полна

Тобою!

§ 4

И песня плывет над полями и далями

Тихой грустью большого счастья,

Перемешанная с веселыми

Выкриками коростелей и с частыми

Постуками каблука.

И в каждом теле, в каждой былинке,

В каждом даже дыхании ветерка

Заложена большая,

Глубокодышащая жизнь,

Насквозь пропитанная молодостью и силой,

Коричневым загорелым здоровьем,

Мешающим иногда видеть, как синий

Прозрачный небосклон затянуло

Тучами с запада и с востока...

Никому невдомек, что луна затонула

В густых дымчатых тучах,

Что гром взволнованным администратором

Начинает похаживать из угла в угол,
И что тонкие струны тишины
Натянуты до того туго,
Что вот-вот оборвутся, и грянет с крутой вышины
Ослепительный грохот
И покатится рокотом барабанов и литавр,
Сплошным безудержным и беспросветным ливнем —
Оркестром без дирижера...

§ 5

А у костра еще не допеты песни,
Еще танцы не дотанцованы;
Еще стрекозою голубокрылою
По золотисто-оранжевым уголькам
Огонек перепархивает...

Ах, как залиvistы, как высоки
Мечтательные голоса девушек!
Как песня без конца и без краю
Льется вольным дыханьем по лесу,
И нету ей удержу, как весеннему паводку, —
Белеют кудрявые гребешки волн,
Все выше и выше ажурные заплески,
Нежней и нежней глубокое дыханье песни...

Девушки поют о счастье
Дышать, любя, и цвести,
О ясном и прекрасном
Солнце, смеющемся с высоты;

О пышнокрылом клене,
Под которым встречали рассвет,
О мире большом и зеленом,
Лучше которого нет...

Давай-ка, отряхнем куст,
Ай, думаешь, я бумажная,
Размокну?..

Теперь армяком накроем...

Вишь ты, какой шалаш,
Хоть свадьбу играй, только плясать темно!..
Ау, дождик, теперь шабаш, —
Больше не намочишь!..

Занимай место!

Вот так, а я около
Милого, как под крышей...
Скажут — жена сокола —
Подымай выше!

§ 2

Мне дождь помешал подслушать
Идущий от самого сердца поцелуй;
Звук его нежный, как дыхание уснувшего,
Растаял на вольном ветру...

§ 3

Затишье...

Железное легло на плечи
Неопрровержимом грузом...

Дышать нечем!!!

Будто в непроницаемый омут
Средневековья погружен запад, и ни пастуху,
ни мне,

Ни самой Нюрке-солнышко, и никому другому
Не разглядеть ни единой звезды, ни блика;
И хоть ты на крик кричи — не докликать
До соседнего сердца!..

Тучи...

Собрались, облегли, набухли,
Сворачиваются круче и круче,
Вот, кажется, вспыхнут, воспламятся — и в угли,
В пепел испепелят
Такой ласковый, теплый, зеленый мир...
Кровью зальют поля,
И вместо травы зеленой, мягкой
Вырастут кости сухие и желтые на лугах,
Желтые тучи хлора, рыжее солнце затмив,
Поползут, убивая посевы, сады, зелена и лягут
Бескостной зеленой слизью на обугленных ребрах
земли...

Кто бы ты ни был, в чьих жилах кровь,
Чьим солнцем стала
Звезда пятиалая,
Кто нежит жизнь
И лелеет любовь
Во имя любви и жизни,
Наступи на горло бронированной гадине!

<...>

Москва, Перловка, Паулино

Март — Сентябрь 1937

Паулино 16/IX 1937

ЛЕЗГИНКА

Ашуг — седая голова,
Ашуг, построй в ряды слова, —
Расклинь их ритмом и взнуздай
И в вожаким бубен дай!
Из родника в твоей груди
Напой их песней и веди!..
Заставь их броситься в народ,
Брось в танец их и не умрет
Вовеки слово соловья!..
Мне песня слышится твоя
Сквозь толщу времени, сквозь гром,
Сквозь тишину. — Мой ветхий дом
Дрожит и рушится... Зовет
Гремучая с собой вперед!..
Рвет бубен мертвенный покой,
Как сладить с силою такой?
Чего ты, сердце, ждешь? Запой
И выходи на звонкий круг,
Пока зовет седой ашуг!..

Сто тысяч конников в поход
Ашуг сквозь облака ведет,
По голубому льду..
Неукротимые идут
Навстречу золотым лучам,
Вперед, по восемь в ряд,
И крылья песен на плечах
У каждого горят!..
Орлы отправились в полет!..
Сверкает песни синий лед,
Пылают в зареве снега,
Небес прозрачные луга —
Привольно-широки!..
Крылят свободны и легки

За птицей птица, — взмах крыла,
И тень просторная легла,
Как от мужской руки,
На горы, на́ поле, на лес,
На заалевший край небес,
На кромки облаков...
Крылят свободно и легко
Орлы за кругом круг,
И песня впереди плывет,
И песню в поводу ведет
Седой как снег ашуг!..

Выходят девушки на круг —
Воздушные плывут, —
Ашуг им тоже брат и друг,
К тому же милый тут!..
К тому ж крылатый хоровод —
Горячий круг певцов,
И песня говорит, что в ней
Живет и дышит твой народ,
Живут дела твоих отцов
И сказки матерей!..
И девушки, закрыв глаза,
Щеками побледнев, —
И увлекая и грозя,
Ведут вперед напев...

.....
Небес и глаз горячий блеск
Слепит глаза мои...
Ладоней плеск и крыльев плеск
И свищут соловьи!..
Волна ложится на песок...
Напев рекой течет...
Горячий шоркает носок...
Бьет воздух каблучок...
.....

Ашуг, здесь сердцем твой народ
С напевом и с тобой!
Звеня, рокошет коновод —
Горячий бубен твой...
Он расширяет круг, — томит,
Как песня на заре,
И танец заливаает мир
При блеске газырей!

Декабрь 1937 — январь 1938

Москва — Паулино

* * *

Нема михайловская глушь. —
Метель, неразбериха, чушь,
Забвенья нежилой покой,
Тоска, и пополам с тоской
Бессмертья мертвая вода...
Бредут словно слепцы года,
Стуча клюками в ворота...
И никому ведь невдомек,
Что как ворота на замок
Жизнь до рассвета заперта!..

Ночь неприглядна как чума,
Кто скажет — долго ль до рассвета.
И кажется сойду с ума,
Пойду бродить по белу свету
С калеками и со слепцами,
С юродивыми, с сорванцами
Проселков и больших дорог,
Которым помогает бог
И с голоду не околеть
И Лазаря вприпляску петь...

Назло скопцам и дуракам
По ярмаркам и кабакам
Пойду юродствовать, кряхтя,
В рубахе красной и в лаптях,
Петь, вспоминая оны дни,
Стихи Вольтера и Парни,
Или плясать перед народом,
Как полагается юродам;
В святых стенах монастыря
Во славу белого царя.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА

*А хоронить везли крадкой, как украли...
Боялись они нашего Пушкина...
Из легенд об А.С. Пушкине*

*Снова тучи надо мною
Собралися в вышине...
А.С. Пушкин*

Гроб, выкрашенный в черный цвет,
Водрузили на розвальни... Трогай!
В последнюю ссылку поедет поэт
Проторенною дорогой...

Через болота, через леса,
Сквозь ночи, сквозь свет зыбучий.
И снова российские небеса
Заволокли тучи.

Но теперь уже все равно,
Жандармский аллюр не внове, —
Конечно, в могиле будет темно,
Но ведь не темнее, чем в Кишиневе!

Ах, ваше величество, как легко
Было мне умирать — поверьте,
И уже бессмертие недалеко,
Гораздо ближе смерти...

Вы отпустили мне все грехи, —
Быть милосердным — сладко,
А я вам на память оставил стихи,
Словно копье под лопаткой.

Оно до смерти покоя не даст,
Рану не скрыть под платьем,
И родина проклянет вас
Страшным материнским проклятьем.

И будут звенеть тысячи строк,
Жалящих и проворных,
И знаю, что если бы только мог,
Поэт улыбнулся б задорно.

Но мчится, замазанный в черный цвет,
Гроб, накрытый рогожей, —
В последнюю ссылку едет поэт
По русскому бездорожью...

Февраль 1938

* * *

Зима — это утро в огнях —
Зари ослепительный трепет.
Зима — это скачка в санях
Под звонкий бубенчика лепет.

Зима — это зной в декабре
Улыбка морозов зубастых
И солнца пылающий бред
На искристом сахаре наста.

Зима — это пригоршни звезд
На синем шелку небосклона
И крепкий душистый мороз
Настоянный хрустом и звоном!

Зима — это печь и тепло,
И прыгает пламя упруго,
И в тонких узорах окно
Слегка запыленное вьюгой!

Зима — это вьюга, метель,
И под завывание вьюги
Нагретая милой постель
И жаркая ласка подруги!

* * *

По бронзовым соснам, по белым березам
Ударило крепким и звонким морозом!
По темно-зеленому бархату елей
Прошла чехарда очумелых метелей;
Луга облило и обмыло поляны...
Курится дымком синеватым и пьяным
Поземка по взлобьям и по перелогам.
Плывет по проселкам, по торным дорогам
Веселой поземки дымок кудреватый
И нежный, как вздох, и летучий как вата,
То выше взлетит, то опустится ниже...
Поют востроносые гибкие лыжи

УПРАЖНЕНИЕ НА ГЛАГОЛ

Я еду степью. Меркнет день,
Закат горит сухим огнем.
Со мною рядом скачет тень
Коня и всадника на нем...

Сверкают саблями лучи
На небе голубом...
И я молчу, и степь молчит,
И все молчит кругом...

Над головой орел плывет,
На степь спустилась тишь.
Куда ты правишь свой полет,
Куда, орел, летишь?

Ложится на вершины скал
Покров прозрачной тьмы...
И я устал, и конь устал, —
Устали оба мы...

Ночь синей тишиной полна
И тысячью огней...
Сверкайте, звезды и луна,
Чтоб стала степь синей!

16/V 1938. Москва

* * *

Будто с тонких хоботков
Бабочек ночных и мошек
Мрак струится и легко
Заполняет глубь окошек...

Будто с легкого крыла
Пух летит, — кружась по воле,
Очарованная мгла
Падает на лес и поле.
Спишь? На краткий миг очнись,
Ночи выслушай известья:
Шорох бабочек ночных
Заполняет все предместья
Ночь как снегом замело
Белым пламенем черемух, —
Все беззвучно, все бело,
Вплоть до уголков укромных

СКОРО ПОЙДЕТ ДОЖДЬ

Подруга, не плакай, и горе осядет
Росой на зеленую хвою,
А счастье прозрачной и нежной рассадой
Начнет зеленеть под Москвою!

Скворцы прилетят, и на ветках сирени
Заплещут веселые капли,
И то, чем высокое небо сереет,
Рассеется скоро, не так ли?

Грачи затрубят на высоких березах
Хвалебную песню прохладе,
И схлынут на землю веселые слезы
Как день золотых виноградин!

21/V 1938, Москва

* * *

Подруга, не грусти,
Что ж что обида саднит,
Не дай тоске расти
И муть авось осядет!

Бурлит водоворот, —
Течет большая жизнь,
Кружится хоровод,
Ну что ж, и ты кружись!

И ты кружись и пой
В сплошной неразберихе,
В лад с шушерой сухой
В осатаненьи тихом.

Туманит шалый хмель
Всем головы неплохо,
От мелких пустомель
До крупных пустобрехов

* * *

I

Любимая, хоть пой, хоть плачь,
Хоть горькую пей до дна —
Одна лишь подвыходная ночь
Под жизнь нам отведена, —
Одна, — как хочешь в нее уложись,
Хоть поперек, хоть вдоль
И мы укорачиваем нашу жизнь
И удлиняем боль.

II

Любимая, хоть пой, хоть плачь,
Пей горькую до дна
Одна подвыходная ночь
Под жизнь отведена!
Одна, как хочешь уложись,
Хоть поперек, хоть вдоль
И укорачивая жизнь
Мы удлиняем боль.

* * *

«Стучите и отверзется!»
Учили и люди верят,
И каждому из нас все еще грезится:
Растворяются двери
И привратник дивится —
Улыбка на створках рта:
Ах стоит ли, молодой человек, ломиться
В открытые ворота?!
Входите, вам рады очень,
Садитесь, или как вам угодно!
И на будущее, между прочим,
Вход свободный.
Я стукнул, чтобы не спорить
И получил ответ...
Ворота все еще на запоре
И входа нет!

* * *

Ни телеграф ко мне не достучится,
Ни телефон ко мне не дозвонится;
В мою кромешную незыблемую тьму
Не залететь крылатому письму!
Не забежит ко мне ни недруг и ни друг, —
Гуляет ветер день и ночь вокруг...
Не скажет справочник мне: где моя квартира,
Нет у меня ни спальни, ни сортира, —
Брожу вокруг да около во мгле —
Мне нету места на родной земле,
Нет для меня ни сумерек, ни дня, —
А может нет и самого меня!

14–15/VI 1938

* * *

Мои возлюбленные дети,
Я умер, нет меня на свете,
И право-слово — страшно рад,
Что я покинул шумный ад
Издательств, клубов и газет,
Что я покойник — не поэт!

Живу в торжественном раю, —
Веселых песен не пою,
Не сочиняю пышных од
На рождество и Новый год!
Глубок мой вынужденный сон!
Ни телеграф, ни телефон

Не выведут меня
Из моего небытия

* * *

Над самой речкой, на ветру
Стояли двое поутру,
Прощались, целовались,
Смотрели вдаль, на тихий лес,
На бег реки, на синь небес,
И сызнава прощались...

Такой улыбчивый рассвет!
Так ярко свищут птицы,
Что, право слово, силы нет,
Простившись, спать ложиться!..

И вновь садятся на траву,
Как утомившись дети,
Как будто грезят наяву,
Молчат, вдыхая синеву,
Забывши все на свете!

* * *

Я значит снова буду быть:
Любить и есть, любить и пить,
Любить и плакать... А пока
Смотрю, как надо мной плывут
Большие облака...
Смотрю, как в небесах крылат
Сквозь веток и ресниц
Густые выводки орлят —
Стальных и зорких птиц, —
Они плывут вдоль бытия,
И день покуда тих,
Я молча слушаю как я
Шепчу стихи о них...

Июль 1936 – август 1938 Москва Паулино

* * *

В прабабушкиных валенках
И в майке голубой
Я вышел на завалинку
Поговорить с луной.

Струится добрый вечер
По травкам, по листьям,
И легкокрылый ветер
Порхает тут и там.

Молчаньем полон воздух,
В густых ресниц лучах
Готические звезды
Торжественно молчат.

Пугливо месяц бродит
Меж облаков
И я один в природе
Как будто ни к чему

8/VIII 1938. Паулино

* * *

Ночь брела по пням и кочкам,
Где ни ходу, ни езды, —
В небесах ни светлой точки —
Ни плевка и ни звезды!
Выли псы, а люди спали,
Праздно шлялись ветерки, —
В берег медленно плескались
Волны скаредной реки...
Ветки тощие трепались
Над тяжелой головой...

Ночь сказала: Брат, пропали
Наши головы с тобой!

Сосен темные ресницы
Опустились на глаза
Люди спят, а мне не спится
Почему? не рассказать

* * *

Выпорхнет из-под ворот
Помещенья летнего
Счастье воробьем и вот
Снова на год нет его

Догоняй, держи, лови,
Заклучай

* * *

Похрустывает под коловоротом
Надтреснутая доска,
Во взломанные ворота
Въезжает на тройке тоска, —

Три черта косматые живы,
Как бор-глухомань! А глаза
Такие, что кажется: криво
В ночи ухмыльнулась гроза!

И сил нет ответить отказом,
Когда она без предисловья
Вошла, как хозяйка, и сразу
Уселась у изголовья...

Сидит и бормочет все то же
Все то же, все то же, про то же
И дрожь побежала по коже,
Как в острых зазубринах ножик,

Вот глазом, как яблоко голым,
Уперлась и замыслы тушит,
Она, не касаясь до горла,
Одним только взглядом душит...

1938 сентябрь, Паулино

* * *

От тайных происков природы
Хиреют силы с каждым годом...
Теряет слово смысл и соль,
А шутка жгучий привкус перца
И глупая зубная боль
Терзает будто совесть сердце.

14/X 1938, Паулино

* * *

Придурковатая природа
С утра до вечера весь день
Следит за мной из огорода
Через погнувшийся плетень

Следит из вод бегущих мимо,
В раздумьи забывая течь,
Из облаков, из клубов дыма
Что густо изрыгает печь

Из веток сосен и березок
Из страшных муравьиных куч
С обрыва, что и крут и розов,
И с голубых небесных круч

Она предать <меня> готова
За то, что ей не по нутру

Мой сон тяжелый поутру

* * *

Конечно, я не плакал, — нет, —
Но это тоже не причина
Обманывать... Остыл обед
И стынет сердце, — туч овчина
Не в силах сердце уберечь
От холода ненужных встреч...

Конечно, я не плакал, — но, —
Не только слезы выход грусти, —
Глядел в туманное окно
На улицы сырую пустошь... —
На улице шел дождик... слякоть...
И знаешь? — Мне хотелось плакать...

Октябрь 1938, Паулино

* * *

Творцы бессмертной ерунды
Стяжавши лавры за труды
И отзвонив законный срок
Забились в тихий уголок
Где говорят о чистоте,
О красоте, о простоте,
О должной в поведеньи норме,
О содержаньи и о форме.

Без напряженья и труда
Течет слащавая вода
Из уст великих и маститых
Голодных лириков и сытых,
Превознесенных до небес
Творцов безжизненных словес,
От коих словно от козла
Не видно ни добра ни зла
Не ждите

* * *

Жив ты или нет,
Откуда мне знать,
Глубокоуважаемый поэт,
Но я не забыл<,> как звать
Тебя<,> и твой голос,
Хоть изредка, а тревожит

Наша поэтическая знать,
У которой чутья ни на волос

За шесть лет, ~~живя~~ не дыша

* * *

От можжевеловых веток,
От шелестящих берез
Друг мой крылатый — ветер
Привет мне сегодня принес
Стремительным комсомольцем,
В синеющей высоте
От самого Яропольца
Он без посадки летел.

19/II 1939

* * *

Приказано завесить зеркала —
Душа скоропостижно умерла...
Закройте окна и запирайте двери, —
Я не приду. И голос музыки лжив...
А если стих мой скажет, что я жив,
Я вас покорнейше прошу не верить.

21 апреля 1939. Москва

ТЫ ЗНАЕШЬ МЕНЯ НАСКВОЗЬ

И.М. В.

Ты видела меня отпетым,
Женатым и холостым,
В сумрак густой одетым,
Холодным и пустым...
Видела меня пьяным,
Раз и навсегда,
И бледным, и румяным,
И пресным словно вода...
Видела меня лежачим,
Которого не бьют;
Немым, глухим, незрячим,
Над таким панихиду поют...
Ты видела меня даже...
Да говорить не с руки!..
Но ты никому не скажешь,
Что видела меня таким...
Теперь, моя дорогая,
Изучив меня вкривь и вкось,
Ты знаешь, я полагаю,
Меня всего насквозь!

8/IV 1939. Москва

* * *

Всей памятью упругой,
Посредством зол и бед,
Навек, моя подруга,
Я прикреплен к тебе!

Москва — Тбилиси. Степи спят —
Храпят, свалившись черной грудой!
А сколько звонких звезд в степях
Разбросано повсюду!..

Летят, как дождь наискосок
И гаснут в темноте истаяв...
Вот от виска на волосок
Летит одна блистая...

Слегка царапнула окно
И, слившись с хороводом прочих,
Как будто канула на дно
Как сон бездумной ночи...

И снова звездный листопад
Вокруг уснувшего вагона
Заводит пляску, невпопад
Сопровождая звоном...

И звезды липнут к теням лиц,
Как будто прячутся от стужи
Под сень прижмуренных ресниц —
И вот вагон разбужен...

И к окнам все, чтоб рассмотреть,
Льнут к стеклам, позабыв степенность,
Взглянуть, как станет степь сереть,
Проснувшись постепенно...

И вот блеск звезд сводя на нет,
К вагону подошедши боком,
Зеленою водой рассвет
Смывает ночь с вагонных окон...

А звезды все еще летят
И падают и снова реют
И тем, что и проснувшись спят,
Они желанней и милее.

30/VI 1939. Грозный

* * *

Дорогая наша Оля,
Нет у нас терпенья боле
Выносить жару такую,
Мы по холоду скучаем,
А стоит жара, хоть тресни,
И по холоду тоскуя
День и ночь поем мы песню:
Чаю! Чаю! Чаю! Чаю!

Вместо Волги здесь Сунжа —
Не чиста и не свежа,
Будто нищенка с похмелья
День и ночь чумит она,
День и ночь без передышки
Чтоб ей сдохнуть, чтоб ни дна
Не было б ей, ни покрышки
Если спросит кто, скажи,
Что на свете нет Сунжи
Ни грязней, ни безобразней
Будто дворник иль лабазник
Льет помой день и ночь —
Нефть, мазут и проч. и проч...

Были мы в ауле горном,
Вот где воздух чудотворный!
Солнце жжет, а ветер веет
И чем выше, тем свежее.

Мы забрались в Хорочой
В Хорочое — хорошо,
Там с горы бежит водица
Как слеза из глаз девицы,
Нет прозрачней той воды!
Вот забрались мы куды!

* * *

Досадно! Почти не осталось души,
Только на донышке, а как раз
Я только что узнал, что есть Ингуши,
Чеченцы... И вообще Кавказ

ОЧЕНЬ ПРОСТО

Самая живая повесть, —
Не остывшая, сырая...
Я гляжусь в тебя, как в совесть,
Сердца ход с твоим сверяя.

Мне глотать не стоит воду
Легче от воды не станет
Если ты собьешься с ходу
Сердце биться <перестанет>

* * *

Поэт, постись и бедствуй,
Скитаясь по лесам, —
Погасли звезды детства
На черных небесах!

От этакого неба
Не жди себе куска
Лирического хлеба, —
Там черствая тоска
Бесплотного блаженства...
Вот дар тебе его:
Тупое совершенство
И больше ничего!

14-21/VII 1939. Горячеводск

* * *

Ни голубая прохлада, ни болотистый зной,
Ни ажурная тень акации, распластанная надо мной,
Утешения не приносят, ни отдыха, ни покою,
Я одинок, как прежде — с глазу-на-глаз с тоскою!
Ни плывущие облака, ни травы, покорные ветерку,
И ни шумные воды, что на восток текут,
Не утоляют жажды, растущей в тишине!
Всё это друзья детства, приснившегося мне...
О, как они постарели под ветром бегущих дней,
Эти друзья и братья молодости моей!..

14-21/VII 1939, Горячеводск

Юности моей друзья: леса, луга,
Речка, плещущая звонко,
Обдающая берега
Дыханьем прохлады тонкой.
Как вы постарели, седина
На висках серебрится пышно.
Времени всесильная волна
Окатывает вас неслышно.

* * *

Я стал твоей вещью, любимая,
Запри же меня в комод,
Чтобы я не испортился,
Не запылится и не промок!

Посыпь меня нафталином,
Чтобы не тронула моль,
Чтобы не завелась в сердце
Какая-нибудь посторонняя боль!

И буду я вечно новым,
Как только что из мастерской,
Начищенный до блеска
Слезами и тоской!

14-21/VII 1939 Горячеводск

* * *

Мне снилось, что ты умерла

Как хорошо проснуться на рассвете
Неверующим ни во что на свете:
 Ни в чох ни в сон
 Ни в похоронный звон
 Ни в ночь без сна
 У твоего окна
 Ни в бред ни в дрожь
 Предчувствия, что ты любимая умрешь

Как верить в то чего не может быть
<...>

* * *

Я покидаю город, — до свиданья,
Вокзалы, площади, бульвары, зданья,
Глухие улицы и берега реки,
И навеки прощайте, тупики, —
Нам встретиться уже не суждено,
Разрушат вас, и новое звено
Войдет в историю красавицы-столицы
Приеду встретить уж иные лица
Я вывез книги, сердце, только память
Еще скитается между домами

* * *

*В избе заколочены окна;
Знать верно никто на живет.*

Народная песня

Стучит холодный молоток:
Тук-тук... Тук-тук...
Последний воздуха глоток,
Последний гвоздь... Тук-тук...

Дрожит доска в моей руке...
Тук-тук... Тук-тук...
Как много злости в молотке!..
И горечи... Тук-тук...

Ну вот: последнее окно:
Тук-тук... Тук-тук...
Как стало пусто и темно!..
Как холодно!.. Тук-тук!

Прощай! Последнею доской
Заколотил... Гудит...
А сердце — молоток с тоской
Еще стучит в груди:

Тук-тук...
Тук-тук...

22-24/VIII 1939, Шишково — Москва

* * *

И что тебе не спится?
И Волга и я,
И цикада — ночная птица
Баюкают тебя...

Милая, глупая, смешная,
У моего плеча
Что тебе спать мешает,
Какая печаль?

Махни рукой на все, чего не было,
Ведь не было и того, что было,
Я никогда никого не любил,
Никогда никого не называл милой!

Август 1939, Паулино

ВОЗВЫШЕННАЯ

Великолепной подоплекой
Гордится ныне жизнь моя,
Рекою чистой и широкой
Текущая вдоль бытия.

Она за выпренность в награду
Обновой мне подарена
И золотистым листопадом
Великолепно убрана!

Торжественна и своенравна,
Прозрачна и тонка на свет, —
Она не знает в мире равной,
И в мире ей подобной нет!

Сверкай же многоцветьем полдня,
Греми и лейся через край,
На гребень волн твоих приподнят,
Я вечный созерцаю рай!

Гори, доколе не померкнет
Незыблемая в блеске твердь,
Пока на землю не повергнет
Меня подруга жизни смерть!

24/X 1939, Москва

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

Я только заикнулся о могиле,
А уж приятели давным-давно забыли
Каков я из себя и голос мой каков.
Ну да, мол, был да сплыл, весь вышел, был таков —
Исчез, не высказав чего-нибудь такого,
Что стоило бы ласкового слова!..
К тому ж покойник был не очень и хорош-то:
Ругался матерно ни за́ что и ни прó что,
Пил водку, ёрничал и дрался на кулачки,
Спал поздно за полдень и весь опух от спячки,
И в тридцать с небольшим, запас истратив сил,
Он умер безобразнее, чем жил!..

Слова анафемою черною звучат.
Приятели рубнуть стараются с плеча,
Решив восстановить в своем сознании черством
Принцип античности торжественной: О мертвом
Иль вовсе ничего, иль хорошенько!.. Баста!
Здесь точка и предел их клевете зубастой —
Заупокойной траурной обедне.
Все сказанное кляузы и бредни!
Ответствую без лжи и без натяжки:
Я просто сплю после болезни тяжкой,
Но как бы ни был крепок этот сон,
Довольно далеко еще до похорон!
Я сплю и вижу рост моей отчизны,
Я слышу полнокровный голос жизни,
Он глушит вашу траурную медь, —
Даже сквозь сон я порываюсь петь!..

Неутолима песенная жажда!
Я ото сна очухаюсь однажды
И запою: о зелени лугов,
О золотистых кромках облаков,
О полных влагою душистою лесах,
О наших соколах, парящих в небесах,

О мощном беге наших кораблей,
О нежных шелестах и шорохах полей, —
Они как море без конца и края,
Раскинулись и зреют загорая,
На солнце нежатся и высокою дышат,
А ветер их волнует и колыхает...
Волна волну, захлестывая, топит,
А ветер новую на смену им торопит,
И катится тяжелая волна,
Напóбнная солнцем до пьяна,
Сама пьянящая как старое вино...
Вот-вот рассыпется у самих возле ног
Певучим шелестом и нежным и густым...
Червонным золотом колосья налиты,
Чистейшим золотом бесценного зерна...

Как дружный улей пчел гудит моя страна
Под яркой солнечною позолотой,
Высоким гулом счастья и работы,
Весенняя горячая страда!
Течет торжественно симфония труда,
И освещает труд заводов, строек, пашен
Пять звезд рубиновых с пяти кремлевских башен!
Пять звезд, горящих в нашем небе синем, —
Нам в ночь светло, в мороз тепло под ними!
Пять пятиалых ярких маяков,
Бросающих лучи в пространство далеко...
О них родные соловьи поют,
Они сиянье радостное льют
В полярной ночи нежилую муть,
Куда страшится солнце заглянуть,
В ночь, что мерцаньем бредовым полна,
Где стынет ледяная тишина,
Где даже вал неугомонный стынет...
Один противостоял и смерти и пустыне
Средь блеска мертвенного синеватых льдов
Корабль со славным именем «Седов»...

Молчаньем смерти скован океан.
На мостике спокоен капитан, —
Кремлевских звезд сверкает пятилучье,
Средь ледяного мертвого беззвучья
Указывает путь, прорезанный во мгле...
К большой, надежной и родной земле,
Где радость никогда не отцветает —
Седовцы держат путь уверенно и знают:
Когда опасность станет велика, —
На помощь позовут, и все с материка
Услышат их, и от большой земли
На помощь им стальные корабли
Отчалив в море по команде: в путь!..
Им не страшна полярной ночи муть,
Ни тишина, ни смерть и ни твердыни льдов,
И будет к солнцу выведен «Седов»!

Клокочет грозами всемирный океан.
На мостике суровый капитан
Стоит, вперив в клочущий простор
Не остывающий, горящий страстью взор!..

Разлито в воздухе мерцанье голубое,
И радио доносит рокот боя...
Торжествен боя гром и в этом гrome
Тускнеет грустная твоя звезда, Суоми,
Звезда печали, горя и обид,
Звезда, что терпкой горечью горит,
Что выжгла синие твои леса,
Твои позорившая небеса —
Звезда — волчец, звезда — полынь и боль, —
Пусть разгорится справедливый бой!

В костер все осужденное на слом!
Взойдет на твой суровый небосклон
Звезда победы, счастья и труда —
Пятиконечная кремлевская звезда!

Ее тебе несут в пылающих сердцах,
Она на шлеме каждого бойца,
Она в груди у каждого из нас,
С нее в тоске не сводят жарких глаз
Индус, китаец, негр и все, кому не в мочь
Непроницаемая, нежилая ночь!

Пусть шторм кипит, вздымая вал за валом —
Пылает мира факел пятиалый,
Высокий светоч радостей земли,
Чтоб шли уверенные к цели корабли,
Чтоб видели все отмели, все мели,
Чтоб соловьи в родимых рощах пели,
Чтоб в блеск рубиновый оделась вся земля,
Чтобы цвели и ширились поля,
Чтоб каждая страна, ликуя и поя,
Цвела как родина любимая моя —
Моя цветущая и ласковая мать!..

.....
Какое ж право я имею умирать?
Покуда звезды на седом Кремле,
Я буду петь о счастье на земле!

<Декабрь 1939>

* * *

Восстав из мертвых голос свой
Я вмешиваю в общий говор

*

Кто жил как я меж двух смертей
Заглядывая в очи третьей

* * *

Подайте мелочи на полстихотворенья,
На строчку лирики, на полстроки, —
Весь зной, весь бред, всей юности горенье
Ушло по мелочам, на пустяки!

Апрель 1940

* * *

Рощи, поля, болота
Глубокая прозрачна даль...
Прохладная позолота
Осени. Тишина. Печаль.

Май 1940

Волоколамск — Москва

* * *

Есть на земной груди
Городок — малыш
Откуда в него ни войди
Гладь, глушь, тишь

* * *

Усатый запевало,
Задира и плясун,
Передразнивавший бывало
Весенних птиц в лесу,
Сложил тяжелые руки
На выпуклой груди,
Ни радости, ни муки
Не видя впереди, —
На белый свет не глядя,
Не жалуясь на судьбу,
Неужто не тесно, дядя,
Тебе лежать в гробу?
Не спляшешь, не выйдешь к чаю,
Должно быть, крепко устал.
Лежишь и не скучаешь —
Отпел и отсвистал...
По забубенности песен
Кто бы подумал, чтоб
Ни короток и не тесен
Ему сосновый гроб.
А вот пришлось в пору,
И успокоил навек.
А взрывчатый был, как порох,
Уснувший человек.
И вы, леса, не шумите, —
Вкушая последний покой,
Пусть спит Ефим Никитич,
Мой дядя дорогой!

Конец мая 1940

<ПРО ДОЖДЬ>

Мальчишкой школьником, пересекая площадь,
Под свист и гром бежит веселый дождик,
Бежит, подпрыгивая на бегу,
И я за ним угнаться не могу,
Хочу поймать, протягиваю руки,
А он выскользывает наподобье щуки
И мчится дальше — звонок и хорош
Задорный полнокровный дождь

8/V 1940, Москва

С рассветом шалуном подростком
Задорно постучал в окно,
А к полудню уже в глазах темно, —
Уму непостижимо просто —
Как повзрослел и вырос он!
Ему кричат ура! Со всех сторон
Приветствуют улыбками, словами,
А он совсем как равный между нами
Шагает и без усталости поет, —
Глядит на всех веселыми глазами
И льет благоволение свое.

Июнь 1940, Москва

Почетный гость и лучший член колхоза,
С утра взглянув на луг и на поля
Вдруг зашумел по зелени березы,
По веткам яблонь и по тополям.
Он увидал, что жаждою томима
Природа спит и злакам роста нет,
Ну как пройти, не оглянувшись, мимо
Как допьяна не напоить весь свет!

И он, в глубокой синеве купаясь,
Открыл объятья именно тогда, —
И хлынула на землю голубая
Веселая прозрачная вода.

* * *

За серебряной рекою
Загорается восток,
Я иду и под ногою
У меня хрустит песок.

Под дымком сквозит вдали
Бодрой свежести полна
В неизмеренные дали
За волной бежит волна.

Струйки мчатся с тихим звоном
С переливным говорком
Под прозрачным небосклоном
За проворным ветерком

* * *

Поговорим, старуха-жизнь
О том, как жить, какие виды,
Как времени река бежит,
Смывая слезы и обиды

Их за тысячелетье с лишком
Скопилось столько — сметы лет
Что только фатам и пустышкам
К лицу не замечать их след

Еще не все зарубцевалось
Под марлей вечности седой
Еще обломовщины вялость
Не смыта свежее водой

* * *

На крутолобом въезде над рекою,
В становище берез и тополей
Раскинулись просторные хоромы
На целый мир гремящих бондарей.
Здесь верховенствуют сознательно и строго
Друзья киянки, струга, топора,
Суровые по внутреннему складу
Бочарных дел крутые мастера.
В старинном кумаче (пунцовые рубахи!)
Седые патриархи ремесла
Обросшие серебряною гривой

* * *

Давно я не дарил тебе
ни строки ни цветы
И наконец принес — в обрез
четыре стебелька
Четыре ветки дождевых,
наивных и простых
Куда же мне поставить их?
Наверно спросишь ты!..
Не надо вазы им, у них
И вид и нрав простой
Им не обидно, если ты
Их просто спрячешь в стол...

Ну что за прок им в хрустале?
Как стиховая медь
Они могут лежать в столе
И медленно желтеть.

9/VI 1940, Москва

* * *

Глуша кузнечиков нежный звон,
Туша мерцание звездных точек,
Меня обступило со всех сторон
Мертвое пространство ночи.
И ни мечтою, ни песнею не пронять
Его, ни полетом птицы,
Ни бегом воды, ни скоком коня
Не нарушить его границы.
Она без циркуля обведена,
Уходящая в бесконечность
Безконцабескрайняя глубина —
Молчаливая вечность.

Июнь 1940, Белопесочная

* * *

Всю ночь металась муза, как в огне,
Перебирая вслух воспоминанья,
Слова понятные лишь только ей да мне
И утром умерла, не приходя в сознание
И все, что в сердце нежилось, росло
Со времени беспомощного детства:
Обрывки теплых снов и сыпь жемчужных слов —
Умершей музой мне оставлено в наследство.
И вот я занят впредь на целых на сто лет,

Не раз падут слез горестные росы,
Пока не подберу я на своем столе
Певучих снов не собранную россыпь.

12-21/VII 1940, Белопесоцкая слобода

* * *

За алой каемкой зари
Кончается счастье до будущей встречи,
На рассвете мы встретимся и проговорим
Все утро, весь день... И быть может весь вечер.
А ночь разведет, как суровая мать,
По комнатам нас и уложит в кровати,
И засыпая мы будем припоминать
Слова разговоров и проверять их.
И все что не сказано — повторим,
Шепча про себя и, наверное, снова не скажем
При вновь намечаемом в блеске зари
Назавтра свидании нашем.

* * *

Ночи паполома опускается на землю...
Дотлевают последний уголь зари...
Тишина тишине внемлет...
Тишина с тишиной говорит...
Дымятся луга, и коростели
В полях, под росой влажных,
Между собой разговор завели
Медленный, сочный, важный...
Вздоха медленнее облака
Плывут высоко надо мной...
Плавно дыша, река
Беззвучно плещет волной

* * *

Струится мрак давным-давно
В окно тобой забытое
В мое печальное окно
И всем ветрам открытое

Хотя бы посмотреть зашла
Как я живу невесело,
Ну хоть бы лампочку зажгла
Окошко занавесила

На сердце полночи темней,
Хоть не всерьез, хоть в шуточку
Зашла б, любимая, ко мне
Хотя бы на минуточку

Всю ночь звучит один мотив:
Горю тоскуя — мочи нет
Ну что бы стоило зайти
Сказать спокойной ночи мне

Летят с черемухи цветы
Душистую порошею
Какая ты... какая ты...
Какая нехорошая

Июль — август 1940

* * *

Жила была на свете черепаха
Были у ней череп и папаха
И кроме этого да пары рукавиц
У черепахи ни штанов ни ноговиц
Судьба обидела свирепо сироту
Не давши чем прикрыть ей срам и наготу

* * *

Уж ты, галка-скакалка моя,
Черноглазая птица чернявая,
Сиротою ты, галка, на свете живешь,
Сиротой-голодой непокрытою!
Нет у галки ни детей, ни внучат,
Ни отца у скакалки ни матери

Пролетел в синем небе орел
Принакрыл птицу-галку крылом
Будто туча крыло, будто черная,
Будто гром загремел, будто молния
Не видать ни дорог ни пути
Негде галке приюта найти

Уж ты, галка-скакалка моя,
Черноглазая галка чернявая,
Сиротою ты, галка, на свете живешь,
Ни с родными ни с соседями не знаешься
Скучно галке на свете тужить
Лучше б галке на свете не жить

Завела бы я галка детей
Завила бы я галка гнездо
Да куда ж тебе галка лететь
Если весь небосвод грозовой
Сиротою ты галка на свете живешь
Сиротою живешь неприкрытою

27-28/VII 1940, Белопесочная слобода

ПЕСНЯ О ЛЕБЕДЕ

*Тогда пуца десять соколов
на стадо лебедей,
который дотечаше,
та преди песнь пояше*

Слово о полку Игореве

*Привыкай рыдать о медном
Пыльном лебеде своем.*

Г. Оболдуев

Встав над сизую Окою,
Город смотрит в воды с гор;
В синих далях за рекою
Зеленеет шумный бор.
Звонкой хвастаясь обновой,
Зелен, строен и высок —
Бор зеленый, бор сосновый. —
Солнце, хвоя и песок.

От соснового соседства
Дни прозрачно-высоки
И совсем зеленым детством
Веет вечером с Оки...
И река прохладой манит...
Над чешуйчатой волной
Детство плавает в тумане
Радужном передо мной...

Детство песней недопетой,
Детство бредом золотым
Возникает каждым летом,
Каждым утром молодым...
В детстве лес стоял курчавый
Шелестящею стеной,
Плавал лебедь величавый
В синем небе надо мной...

Детство шло тропой тернистой
В черном зареве войны,
Озорным глушили свистом
Песню детской тишины...
Небо крылось черным лаком
И под тучей дымовой
Лебедь плавал, лебедь плакал
Над моею головой...

Лебедь пел о том, что было,
И о том, что будет впредь, —
Сердце билось, сердце ныло
И звенело словно медь
Детство дымкою густою
Скрыто, я мечтой томим,
Чтобы стало золотое
Детство лебедем моим!..
Волны катятся, с тоскою
Вижу — горькое мое
Детство меркнет... Над Окою
Лебедь плачет и поет...

Белопесоцкая сл. Начало августа 1940

Ты был моим лебедем, друг,
Веселою песней твоей
Был голос мой крепок, упруг
И даже пожалуй полней
Ты первый о лебеде медном,
О детстве и пыльном и бедном
Запел, — я пою за тобою

* * *

Все это, кроме неба, понятно,
Ерунда сплошь.
Одни только солнечные пятна —
Истина, остальное ложь

* * *

Саше Гладкову

Да! Шлялось, моталось, горелось,
Кипелось, металось, рвалось,
С утра и до вечера пелось,
Не елось и не пилося.

Да! Было такое и нету,
Жилось и рвалось пополам...
От дум недодуманных, песен не спетых
Лишь клочья, да пыль по углам.

Да! Было такое. Молчалось.
Сверкалось, что больно смотреть,
И плакалось и мечталось,
И в сердце и в песне звучала
Каленая, звонкая медь...

А что, если снова сначала
Опять забродить и запеть?

Октябрь 1940

* * *

Не знать души, что ноет и болит,
Не замечать ни ссадин ни обид
Не ощущать ни разумом, ни сердцем
Различия между вином и перцем

Не чувствовать ни радости, ни гнева,
Ни горечи тоски, ни сладости напева,
Ни сладостного жженья петь
И даже просто сердца не иметь.

* * *

Я кажется не должен никому:
Ни памяти, ни сердцу, ни уму!
Со всеми рассчитался понемногу
И с чистой совестью в последнюю дорогу
Закрыв глаза отправиться могу...

Такой конец и сладостен и редок,
Но быть беде, коль вспомню напоследок
Что я перед собой в долгу

* * *

А я б и от любви сбежал,
Стоило попытаться
Да жаль
О собственное сердце
Ноги заплетаются

* * *

Пожалуйста не стучите
В мое окно, —
Оборваны жизни нити —
Я умер давным-давно...

Нету меня на свете, —
Я умер и похоронён,
И из телефонной сети
Выключен мой телефон!..

Паулино. Москва. 1938-1941

* * *

Мало ли чего хочется,
Чем сквозь сон бредится —
Поздно нам с тобой расходиться —
Не идетя не едетя
Одно на нас смотрит солнце
С тобою с небес
Один белый свет в оконце
И мне и тебе
И я у тебя один, как ты у меня одна
Вместе нас жизнь была и радовала,
Теперь даже снега седина
Нам уже не первый снег на голову

13-14/II 1941

* * *

Без десяти двенадцать.
Пужинавши спать ложатся
Все те у кого образ жизни
Размерен и безукоризнен...

И попили и поели...
Раскрывают постели
И согревают перины
Пышные половины...

Укладываются мертвые души
И нацепивши на уши
Наушники из пластмассы
Подслушивают романсы...

Избежавшие злой напасти
Корректируют чужие страсти,
Внося суровые коррективы
В мелодии и в мотивы

Достигнув вершин блаженства,
Бесполое совершенство
Избрали себе уделом:
Мечтою, словом и делом...

* * *

Пока на свете место есть
Цветам и дуракам
Еще не стоит в петлю лезть,
Слепое сердце, нам

* * *

Хлебанул рассолу в лужах морей, —
Солонее и горше нет,
Погостил в гостях у отцов и матерей
Всяческих зол и бед.
Потолкался туда-сюда, постучал
В закрытые наглухо воротá, —
Мертвая тишина! Молчат...
Собака не разинет рта!
Значит кончено. Протекло по усам
Положенное на наш счет.
И больше тратиться небесам
Попросту — не расчет!
Да оно и понятно —
Мудрость скупа.
Деды говаривали просто и внятно:
«В двадцать не умен, в тридцать не женат,
В сорок не богат —
Гольтепа!»

29/V 1941

* * *

Семь лет на разных посудинах
По разным местам
Целых семь лет проплавали
Я и мой капитан
Ну и хлебанули рассола в лужах морей —
Солоней и горше нет,
Погостили в гостях у отцов и матерей
Всяческих зол и бед;
Некоторые великим чествовали
Горестный океан
В котором вдосталь победствовали
Я и мой капитан

* * *

Течет слепая жижа
Глаза слепит туман
Я ничего не вижу
Товарищ капитан

* * *

Жизнь всячиною богата —
Рвы, ухабы, пороги судьбы...
Я был соловьем когда-то
И перестал (им) быть.
Был волком — скулил по-волчьи...
Собакой — визжал щенком...
Синим пламенем ночи...
Болотным огоньком...
Был трижды ославлен вором
И четырежды — подлецом...
Каркает дряхлый ворон,
Нахально глядя в лицо.

Двадцать первого июля
Дядя Пуля, будто пуля
Собрался лететь в Перловку
Да случилась остановка
Он совсем готов в дорогу
Вдруг гудит гудок: Тревога
Тут вся армия труда
По команде кто куда

Ну а Пулька — вот чудак!
Мчится прямо на чердак
Встал к окошку и стоит
И на белый свет глядит

А прожекторов лучи
Словно белые мечи
Рассекая темноту
Ищут здесь и шарят тут,
Чтобы вражеский мотор
Не пробрался бы как вор

Как прожекторы нашарят
В небе вражий самолет
Так начнут зенитки шпарить —
Мчат снаряды напролет.

Бьют советские зенитки
По фашистам в небеса
Где попали, там вдоль неба
Огневая полоса
Значит вражий самолет
Отправляется в полет
Прямым рейсом на тот свет
Раньше был, а больше нет!

Бомбы сыпятся как град
И впазд и невпазд
И одна из них свалилась
На чердак и задымилась

Синим пламенем горя,
Ничего не говоря,
Ищет где б получше лечь
Чтобы удобней дом поджечь

Ну а Путька-то не прост
Цап-царап ее за хвост

Бомба в страхе задрожала,
Завертелась завизжала
Так и слышится средь визгу
Я тебе глаза-то выжгу
Я тебя согну в кольцо
Искалечу все лицо
Как взорвется егоза
Прямо в путькины глаза
Продырявила губу
И скорее за трубу

Бомба думает, что тут
Не затушат, не найдут



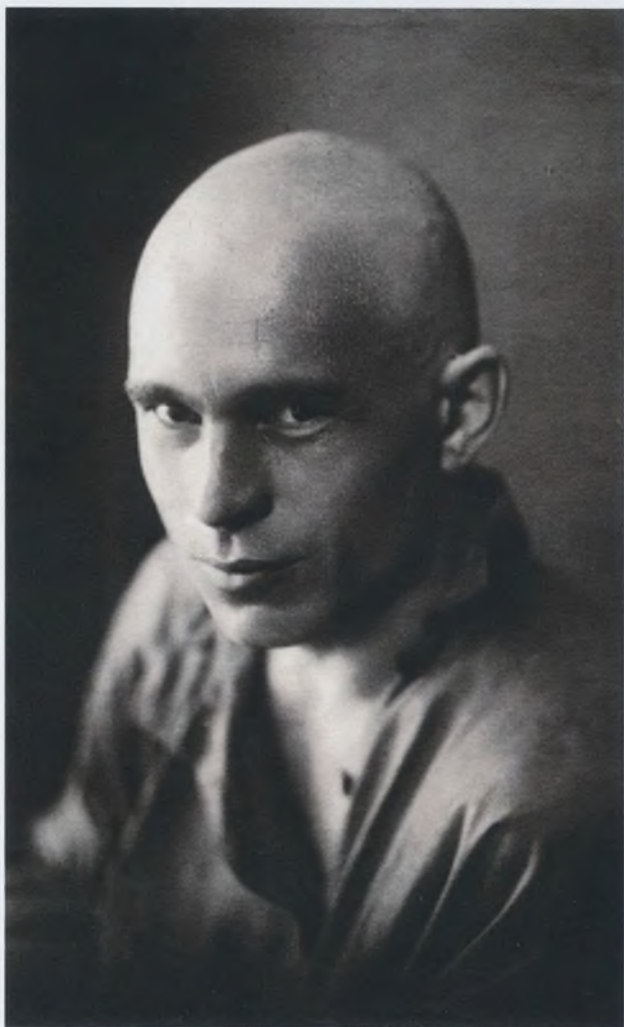
Евдокия Яковлевна и Иван Никитич Пулькины
с детьми Грушей и Сергеем. 1913



Иван Пулькин

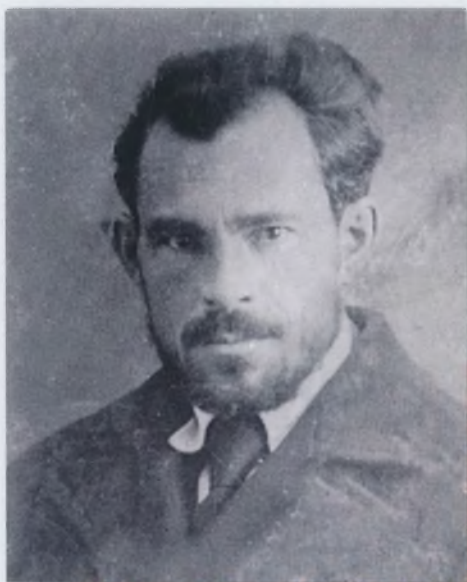


Иван Пулькин. 1922



Иван Пулькин

Иван Пулькин. 1934 (?)



Душевно
и материально
и морально
...
...
буду работать

Ужасно скучаю, развлекаться мне
некуда, Ковалева и Ягана, а еще хуже
каждый раз, если пошлешь по делу погулять.
У нас - это одно занятие. Ковалева она
малою или какому, и малою и
у меня нет.

Это кончается так.

Ковалева мне это напоминает про
Книгу не по тому что она мне дороже
жизни, она мне даже дороже.

Ваша А.

Кремль - там же сейчас явственно
когда Ковалева вступает.

Иван Пулькин

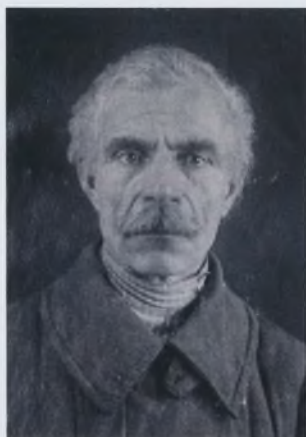
Письмо жене. 9 апреля 1935. Часть текста см. в прим. на с. 558



Обложка и суперобложка
рукописей поэмы «Луга». 1935



Евдокия Яковлевна Пулькина



Иван Никитич Пулькин



Паулино. Слева направо: Герман Белевицкий, Иван Пулькин, Илья Вульфус, Ольга Вульфус, Вера Белевицкая



Иван Пулькин



ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОЭТ ИВАН ПУЛЬКИН*

В бледно-зеленом конверте, полученном мной из архива Советской Армии, коротенькая справка: «Рядовой Пулькин Иван Иванович, 1903 года рождения, уроженец Московской области, Волоколамского района, села Шишково, находясь на фронте, пропал без вести в декабре 1941 года»**.

Талантливый русский поэт Иван Пулькин погиб, защищая Родину. Стихи его и его имя не должны быть забыты.***

* Публикуется по авторской машинописи. Этот текст в разной степени использовался в предисловиях к публикациям ИП, подг. Португаловым.

** В В. пытался получить больше информации, он писал в архив в ответном письме: «.. собирая материалы, касающиеся его биографии, я узнал, что в конце сентября 1941 года И.И. Пулькин находился в 99 запасном <стрелковом> полку в Ногинском районе. В октябре месяце он был переведен в Кунцево <свидетельство о браке от 9 октября 1941 выд. Кунцевским ЗАГСом>. Может быть, эти факты дадут вам возможность установить дальнейший воинский путь поэта и, соответственно, место его гибели.... Ваши сведения помогут нам найти его однополчан и получить от них подробные сведения о обстоятельствах его гибели»...

*** В предисловии к публикации в альманахе «Поэзия» начало другое: Несомненно, комсомольцы начала тридцатых годов помнят, что одной из их любимых песен было «Отряд сквозь ночь шел напрямик», музыку которой создали коллективно три композитора: В. Белый, А. Давиденко и Н. Чемберджи Песня начиналась так:

*Отряд сквозь ночь шел напрямик,
А ветер вслед летел,
К ночным дорогам он привык
И лишь тоскливо пел.
Вокруг лежал степной простор —
Эх, все за степь отдашь!
Но вдруг, тоске наперекор,
Запел товарищ наш:
— Если сердце грустит твое,
Смело глянь! Веселей споем!
Петь давай смелей!
С песней веселей
Вдвоем!*

Слова этой песни написал молодой тогда поэт-комсомолец Иван Пулькин. Имя его мало известно даже большим любителям поэзии.

...Волоколамск. Яропольская волость. Исконные русские места. Деревни Алферьево, Владычино, Гусево, Кашино, Мусино, Парфеньково, Телегино, Шилово... Посреди зажорин, лесов, болот — Шишково. Не хуже других деревня. Полтораستا дворов. Соломой крытые избы. Здесь-то в середняцкой семье 25 января 1903 года родился крестьянский сын Иван Пулькин.

Рос как все деревенские ребяташки: летом — в поле, в лесу, на реке, зимой — учился в церковноприходской школе. В 1914 году отец его, Иван Никитич, ушел воевать «за веру, царя и отечество». Все заботы о семье легли на мать, Авдотью Яковлевну*, — а семья пулькинская к тому времени была не маленькая, четверо ребяташек, — трудно одной прокормить. Устроила мать одиннадцатилетнего Ванюшку «мальчишкой» в трактир: сам сыт будет, да, глядишь, и семье помощь какая-никакая.

Только не по нутру пришлось ему эта работа, и через год дядя увез парнишку в Москву, определил в типографию учеником.

Может, и вышел бы из него первоклассный наборщик, да весной 17-го года закрылась типография и вернулся Иван в деревню, матери по крестьянской работе помогать.

Семнадцатый год. Бурное время. Гудит, ходором ходит деревня: сходки, митинги... Из окрестных имений помещиков словно ветром сдуло. Ленинский декрет до деревни дошел: землю — крестьянам!

Молодежь и подростков дома не удержишь — ни одной сходки, ни одного митинга не пропустят. И Ванюшка там. А когда в 1919 году в деревне Гусево организовалась первая в волости ячейка, Иван становится ее членом.

1920 год. Иван Пулькин вступает в ЧОН (часть особого назначения), в отряд самокатчиков при 1-й запасной автотомовелобригаде. С осени 1921 года работает в волостном политпросвете в селе Ярополец. В феврале 1922 года его посылают на курсы политпросветработников в Москву. После окончания курсов губком направляет его в Волоколамск на должность замзавполитпросвета уездного исполкома.

В это время Иван Пулькин начинает сочинять стихи. Чаще всего это были частушки о старой и новой жизни на селе, которые с удовольствием распевались молодежью на гулянках и посиделках.

* Годы жизни 1881–1946.

Бабы баяли, гуторили про нас:
– Что за мода, мол, у девок завелась?
Ночь по улицам шатаются,
С комсомольцами якшаются.
 Вон, мол, Поля –
 Дали волю –
 Нету сладу по ночам,
 А поди-ка,
 Говори-ка,
 Не уступит богачам...**

В начале 1924 года губком комсомола вызвал волоколамского частушечника в Москву и предложил ему работать в газете московской комсомолки — «Молодой ленинец». Так Иван Пулькин получил комсомольскую путевку в литературу.

Даже бегло листая комсомольскую печать двадцатых годов, то и дело натыкаешься на стихи и частушки, подписанные: «И. Пулькин», «П. И.», «Ванька из Волоколамска», «Ван-Пу», «Ванька Клин» и т. п. Газета «Молодой ленинец», журналы «Комар», «Юнкор», «Смена», «Комсомолка», «Журнал крестьянской молодежи» считают Ивана Пулькина своим активнейшим автором. На его стихи пишет музыку талантливый композитор Климентий Корчмарев («Комсомольская метелица», «Буденновцы»):

Кони по полю топали,
В далях вой,
Подшли к Мелитополю,
Дали бой.
С голоду да с тифа
Ослабли мы,
А крошили не тихо
Врага саблями.
В тыл с налета ураганом,
В грудях ти-ка-ет.
Ой, промажу из нагана,
Кольну пикою!

Песню о двадцати шести бакинских комиссарах на слова Пулькина написал композитор Протопопов.

** Из песни «Комсомольская метелица».

Работая в «Молодом ленинце», Пулькин посещает лекции в ВЛХИ — Высшем литературно-художественном институте имени В.Я. Брюсова.

В 1929 году поэт работает в газете «Московский комсомолец». С осени 1930 года он младший редактор массовой серии и консультант начинающих в Гослитиздате. С 1931 года — библиотекарь в Научно-исследовательском институте языкознания при секторе науки Наркомпроса РСФСР.

Иван Иванович очень много читал. Не получив, по сути дела, никакого систематического образования (три класса церковно-приходской школы да посещение время от времени лекций в ВЛХИ), он был образованнейшим человеком. Круг его интересов был необычайно широк. Он блестяще знал русскую литературу от «Слова о полку Игореве» («Слово», кстати сказать, было им переведено на современный русский язык) до поэтов-современников. Он знал наизусть невероятное количество стихов самых разных поэтов, часто — мало известных. Не менее хорошо знал он русскую историю, собирал литературу по фольклору, глубоко изучил русскую этнографию, — поэтому разговоры с ним всегда были весьма интересны и приносили массу самых неожиданных сведений.* Он охотно делился своими знаниями с товарищами, и, особенно, с молодыми литераторами.

Его волновали не только проблемы поэтического языка и вопросы литературного мастерства. Его чрезвычайно злил поток стихотворной серятины, рифмованных поделок, заполонивший

* 9 апреля 1935 ИП писал жене из Мариинска о продаже книг его моск. библиотеки:

«...Особенно сохранить всё, что касается Пушкина, его друзей и современников. И книги редкие вроде Слово (о нем сохранить всё!), А Григорьев Стихи 1842 года (маленькая книжица), Некрасов Мечты и звуки, Фет Лирич. Пантеон, Журнал Европеец 3 книжки ..

Короче (можно в крайнем случае) продать Символистов, они в цене, и Акмеистов, оставить только с автографами.

Ну вот, получилось опять таки, что продавать-то собств. говоря нельзя. Или продавать так, что это будет ерунда, да и то без меня ты этого сделать не сможешь. Условимся так: символистов продать можно в конце концов и с автографами. Но тебе же будет жаль Блока (увы, и мне тоже!), Ахматову тоже жаль! Гумилев и Есенин выручили бы, да у меня их почти нет...

Ну не сердись. У меня такое ощущение, что вывернуться можно... Поверь мне, что я цепляюсь за книги не потому что они мне дороже тебя. Они мне дороги вообще.

В них Я».

страницы газет и журналов. Он не мог без раздражения говорить об этом, и ругательски-ругал редакторов, не умеющих или не желающих отличать настоящую поэзию от псевдопоэзии, от версификации, пускай даже мастерски выполненной. Он писал:

Скажите, по какому праву,
К кому причислить,
Если трактуют стих как бронзовую оправу
Для деревянных мыслей?
Я требую, пусть вызубрят
От сих до сих,
Не исключая избранных,
Что зарифмованная мысль — не стих...**

В 1934 году, по ложному доносу, Иван Пулькин был репрессирован и два с половиной года находился в сибирских лагерях. Но и там он не перестаёт писать. Там созданы им поэмы «Луга», «Александра Смирнова», «Лирическая сюита», «Три разговора», циклы лирических стихов — «Дикие песни», «Соловьиный сад»*** и др. Стихи его и поэма «Александра Смирнова» печатались в лагерной газете «Сибирская перековка» и в многотиражке политотдела военизированной охраны****.

Возвратясь в Москву, Иван Иванович долгое время не мог получить работу и разрешение на прописку. И только с 1939 года начал работать библиографом в Московском институте философии и литературы, где и трудился до самого ухода в армию.

С конца тридцатых годов поэт не покидает ощущение близости войны. Его волнуют судьбы Родины, судьбы мира.

...Выйди в ночь и послушай,
Растворись в тишине и слушай,
В воздухе распластайся —
Слушай всем существом:
Слушай ушами, сердцем,
Обонянием, осязаньем,

** С. 118

*** Поэма «Александра Смирнова» нам неизвестна; «Три разговора» — видимо, «Три поэмы»; «Соловьиный сад» — видимо, цикл «Поет соловей», частично в одноим. разделе части I.

**** «Зоркий страж».

Слушай всем телом, слушай
Огромной глухой тоской!
Неужели тебе не слышно
Рокота барабанов,
Грузных шагов пехоты,
Грохота артиллерии,
Блиндированных поездов?
Это война рокочет, это ее копыта,
Бронированные копыта
Бьют по сухой земле!..
Слышишь, она готова
Взорвать тишину, нарушить
Рассчитанное течение
Отдыха и труда!..

.....
...Но если она нагрянет,
Я, недообедавши, отложу ложку,
Я выйду из учрежденья,
Не окончив спешного дела,
Оторвусь от тебя в постели
На сладостном полустоне,
Не выпив твоего дыханья
Из губ твоих до конца;
Я встану в ряды, чтоб вместе
Встать ей поперек разбега,
Чтоб вороненую сталь ей
Втиснуть между зубами,
Чтобы ударом приклада
Выбить клыки ей из пасти,
Чтоб обуздать, обуздать,
Взнуздать ее удилами
И впрячь ее в колесницу,
Везущую тихий мир!*

Так пишет он в августе 1936 года. А через пять лет поэт встал в ряды Красной Армии, чтобы «ударом приклада выбить клыки из пасти» войны.

*

* «Письмо» из сокр. раздела «Предчувствие».

...Писал Иван Пулькин много и интересно. Кроме большого количества лирических циклов: «Семь серенад», «Требник атеиста», «Дикие песни», «Романсы и элегии», «Лирические записочки», Колыбельные песни, «Соловьиный сад», «Лирический пейзаж», «Забавные песни» и др., им созданы поэмы — «Северолес», «Веряя», «Яропольская волость», «СССР (Москва)», «Луга», «Вокруг своей оси», «Александра Смирнова», антирелигиозная поэма «Житие Иосифа Волоколамского»** и несколько других.

Поэзия Ивана Пулькина всеми своими корнями уходит в народное творчество, в самые глубины русского языка, в замечательные традиции русской поэзии, потому-то так сочно звучит каждое слово его стихов:

На тротуарах мокрынько,
Снежок внатруску —
Скользкие...

Остановили окриком:
— Вы русские?
— Нет, мы — яропольские!
*«Яропольская волость»****

...В тридцать шестом году Иван Иванович говорил мне, что им написано «тридцать килограммов всяческих стихотворных произведений». Многое удалось разыскать, но далеко не все. Нет «Вокруг своей оси», нет «Александры Смирновой», нет «Кружилихи», нет «Соловьиного сада»...**** В годы войны квартира жены И.И. Пулькина, эвакуированной в Саратов, была занята посторонними, которые слишком «по-хозяйски» распорядились рукописным наследием поэта. Но все же, то, что сохранилось, позволяет нам увидеть, что Иван Пулькин поэт талантливый и своеобразный, а главное, что он советский поэт-патриот, горячо влюбленный в свою Родину.

** Поэма «Вокруг своей оси» нам неизвестна; в АП здесь названа и поэма «Кружилиха», также неизвестная.

*** Далее приводится окончание XI главы поэмы «Москва», нач. с «Наш говор плотно присобачен к быту» (с. 211).

**** В АП здесь названо еще «Слово Даниила Заточника», но оно есть; это пересказ изв. текста.

Пусть бьющее жизнью, любовью, кровью,
Сердце твое поет:
— Москва!
Умереть за твое здоровье,
Жить за счастье твое!

— так заканчивает поэт первую часть поэмы «С.С.С.Р.» — «Москва».

*

Хочется надеяться, что эта первая посмертная публикация стихов И. Пулькина поможет найти еще много его произведений, поможет собрать сведения о его боевом пути и выяснить обстоятельства его гибели.

А сейчас предоставим слово самому поэту, который сегодня, с этих страниц, уверенно шагает в нашу поэзию.*

Поэт из подмосковной деревни — Иван Пулькин**

Весна,
 когда зелень полянок
Убрана, будто стол в колхозной,
Чисто вымытой и просторной,
Пахнущей смолой избе, —
У нас такая веселая,
Что, право, похожа на девушку,
Идущую за водой.
Идет она прямо, как ветка
Убранной в пушок бредины,
Позванивая порожним,
Жаждающим влаги ведром...

* В АП статья заканчивается цитатой из «Не верю!»:

*Не верю в ночь и темноту;
Не верю в смерть и в пустоту;
Не верю в голод, в кровь и вой;
Ни в бойню пополам с чумой, —
Пока на небе солнце есть,
Есть освещающие весь
Мир
 звезды на седом Кремле,
Есть правда на земле!*

** День поэзии 1968, с.197–198.

Добротой, человеческим теплом и ясной простотой веет от этих строк. Но не той простотой, что хуже воровства, а простотой истинного искусства.

Строки эти написаны поэтом, имя которого пока еще мало известно нашему читателю.

Звали его — Иван, по фамилии — Пулькин. Сам он частенько смеялся: «Почитай что — Пушкин...»

<...>

Прочитайте то, что опубликовано здесь, и вас удивит сочность и глубокая народность языка И. Пулькина. Такому не научишься ни в какой академии, ибо язык входит в человека вместе с молоком матери, вместе с воздухом родных мест. Так он вошел и в Ивана. Мать его, Авдотья Яковлевна, знала бесчисленное количество сказок и песен, а отец, Иван Никитич, в разговоре так и сыпал поговорками, присловьями и прибаутками. Видно, отсюда-то и влился в стихи поэта Пулькина язык его отцов и дедов — потомственных русских крестьян.

<...>

Шли двадцатые, тридцатые годы. Росла и строилась страна. Ветер времени гудел в лесах новостроек. Ветер времени врывается в стихи молодых советских поэтов, в стихи Ивана Пулькина:

Круша нагроможденья гранитов и кремней,
Искрясь, блистая, звеня,
Мчится ветер времени,
Обвеивая меня!
Глуша болтовни обывательской звон,
Кипеньем наполнена всклень,
Клубясь, рокочет река времен,
На самый гребень кипучих волн
Вздымая сегодняшний день!***

...1936 год. Угроза фашизма становится все явственней. С сердечной болью ощущает это поэт. Боль немецкого народа — это и его боль. В поэме «Ночь повествует» он говорит:

Если Германия четыре года
Под каблуком фашистов, —
Это мою Родину душит
Свастикообразный паук!

*** «День, которому я очевидец»

Если Тельман в тюрьме томится,
И чья-то сестра рыдает, –
Это отца моего фашисты
Готовятся расстрелять!
Если топор и плаха
На перекрестках Берлина
Стали гербом и знаменем
Гитлеровской державы, –
Это значит и моя шея
Бледнеет под топором!

.....
Что делать мне с моим сердцем,
С моими большими руками,
Если по всему миру
Кипит огневая боль;
Если на моем теле,
На всем необъятном теле
Места нет без ожога
Или без штыковых ран?
<...>

...При жизни у Ивана Пулькина не было своей книги.

Второе рождение поэта произошло в 1965 году, когда, после почти двадцатипятилетнего перерыва, было опубликовано несколько его стихотворений.

<...>

Хочется надеяться, что в самое ближайшее время будет издана книга стихов и поэм талантливого русского поэта Ивана Пулькина, который всей своей жизнью и всем своим творчеством заслужил право встать перед советским читателем во весь рост.

Валентин ПОРТУГАЛОВ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В первой части книги не полностью публикуется машинописное избранное И.И. Пулькина (МИ), подготовленное И.М. Вульфius и В.В. Португаловым в 1960-х. Эту книгу они надеялись тогда опубликовать, что не удалось, хотя несколько публикаций из нее имели место в 1965–1969 гг.*

Порядок и деление частей сохранены. Предполагаем, что был какой-то авторский план, которому следовали составители МИ (т. к. конструкция довольно сложная, вряд ли кто-то кроме автора мог так составить), но в архиве он не нашелся**. Сокращены, в частности, некоторые произведения 1936–1941 годов, написанные явно в надежде на публикацию. Поэтика вещей такого рода, как нам кажется, достаточно представлена вошедшими в книгу произведениями, напр. «Паулино» и «Опровержение».

Подробнее о сокращенных вещах см. ниже в комментарии.

Текст избранного был, где возможно, сверен с авторскими рукописями, было сделано небольшое число поправок. По сравнению с МИ мы также в некоторых случаях даем в тексте более подробные датировки на основании иных источников.

Вторая часть книги — избранное из не вошедших в МИ оригинальных стихотворных текстов. Оно делится на три раздела соответственно периодам жизни автора: написанное до ареста в начале 1934, в заключении до апреля 1936, и в последние несколько лет жизни.

В этот раздел вошли наиболее интересные на наш взгляд вещи, в т. ч. некоторые неоконченные стихотворения. Возможно, некоторые тексты и части текстов просто потерялись. Заметим, что часть набросков, вероятно, относящихся к последним годам жизни, прочесть не удалось. Некоторые вещи даем не полностью, купюры отмечены <...>; также в угловых скобках — наши конъектуры. В публикуемом по рукописям сохраняем некоторую редуцированность пунктуации, за исключением тех случаев, где знаки необходимы для облегчения понимания.

Стихотворения расположены в хронологическом порядке с отклонениями там, где мы воспроизводим авторскую композицию.

* Была в целом положительная рецензия С.С. Наровчатова, который предлагал, все же, ее сократить.

** В 1929 и 1932 сам ИП подготовил две книги («Лирический опыт» и «Против эпоса») и предложил их двум разным издательствам. Обе не вышли. К сож. мы не имеем полных сведений об их составе.

Недатированные вещи располагаются среди датированных на основании расположения их источников. В иных случаях — на основании иных признаков, таких, как почерк, бумага, и, наконец, собственно, характер текста.

Не вошли в книгу переводы и пересказы (Слова о полку Игореве, из арабской классической поэзии и др.) и стихи домашнего назначения.

Составитель благодарит сестер Екатерину Николаевну и Елену Николаевну Емельяновых за помощь; Сергея Валентиновича Хализева за возможность заниматься архивом ИП и большую помощь в подготовке текста; и просит прощения за то, что не сумел закончить работу раньше на несколько лет.

Существенна была помощь Татьяны Ивановны Исаевой, благодаря которой мы смогли использовать некоторые материалы архива В.В. Португалова.

Благодарю также Андрея Валерьевича Пулькина (родственная связь с ИП не выявлена), который проделал большую работу в архивах, частично использованную в нашей книге.

Благодарю также мою жену Татьяну Феликсовну Нешумову за постоянную поддержку и разнообразную помощь в подготовке книги.

Иван АХМЕТЬЕВ

КОММЕНТАРИИ

Источники, помимо семейного архива:

БП Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. М.: Советский писатель, 1965. [Библиотека поэта. Большая серия.] С. 470-482

ПО Пять обелисков. [Выпуск 1]. Стихи поэтов павших на Великой Отечественной войне. М.: Советская Россия, 1968. Сост. и авт. биографических новелл В. Португалов. С. 199-267, 34 ст-я.

АП Альманах «Поэзия». Вып. 2. М., 1969. Предисл. В. Португалова. С. 147-157, 7 ст-й.

Издания Т. И. Исаевой из архива В. В. Португалова:

УТГУ Ухожу туда, где умирают: Стихи поэтов, погибших во время Великой Отечественной войны. М.: «РуПаб+», 2008. С. 36-107: «Луга», «Семь серенад» и еще 11 ст-й (тексты не выверены).

СПР Союз приближительно равных. — М.: РуПаб+ 2013. С. 40-62. 9 пр-й. «Познакомьтесь же со стихами, что написаны на ветру». — М.: Сам Полиграфист, 2014. С. 48-70. «Вереея».

РГАЛИ:

ф. 341 (Никитина Е. Ф.), оп. 1, ед. 659

«Март с весной наперевес...» и др. наброски к ц. «Серп и молот»; «Жили были дед и баба...».

ф. 1495 (Ромм А. И.), оп. 1, ед. 196

«Пройдя сквозь хорошую школу...».

ф. 1720 (Звягинцева В. К.), оп. 1, ед. 378

«Свиданье друзей» и еще два ст-я.

ф. 2590 (Гладков А. К.), оп. 1, ед. 530

«Да! Шлялось, моталось, горелось...».

ОР ГЛМ

ф. 135, оп. 4, д. 229; Никитина Е. Ф.

Использован также текст Антонины Ивановны Емельяновой (1924–2018) «Мой старший брат Иван Иванович Пулькин».

I

[1] ПОЛДЕНЬ (с. 9-20)

В этом разделе сокращено:

«Было белого гада порубано вдосталь...» (1939);

Не верю! (1939) — опубл. в БП и ПО.

ВОЛХОВ (с. 9-13)

В БП обозначено: «из книги «СССР»» (см. с. 179).

Мёдом сычёным (с. 10) — избыточность: **сычёный** — подслащенный мёдом или настоянный на меду.

летось (с. 10) — в прошлом году, прошлого года.

Эпос (с. 11) — в 1932 ИП составил книгу «Против эпоса», не опубл.

ОТПЛЫТИЕ И ПРОЛИВ ДЕТСТВА (с. 16-20)

Отплытие // «Октябрь», 1939, №8-9, с. 171.

Пролив детства // «Октябрь», 1939, №4, с. 103 (только ч II; с ошибками в эпиграфе).

Эпиграфы из кн. «Фрегат «Паллада»», Том 1.

То и др. в рукописи «Фрегат Паллада» (Сентябрь 1938, Паулино)

[2] СЕМЬ СЕРЕНАД (с. 21-30)

Яко денница пред светом... (с. 21, эпиграф) — из Повести временных лет, «аки дньница предь солнцемъ и аки заря предь свѣтомъ» (про св. кн. Ольгу).

ВСТУПЛЕНИЕ (с. 21)

драбант — телохранитель.

СЕРЕНАДА ВОСЬМАЯ (ЕДИНСТВЕННАЯ) (с. 29)

Ми велерещ в белопеве — очевидно, взято из книги «Описание памятников, объясняющих славяно-русскую историю, составленное Фадеем Воланским, переведённое Егором Классеном» (М., 1854) Это фантастическое «прочтение» этрусской надписи.

[3] ЛИРИЧЕСКИЕ ЗАПИСОЧКИ (с. 31-36)

В этот раздел вошла часть одноим. цикла, датир. 1928-1929 Остальные стихи из него см. в II на с. 282-285.

[В МИ 3 разделом был «Требник атеиста», но по хронологии он был написан после «Лирические записочек», поэтому мы переставили]

НЕ ЗА СЕБЯ ПРОШУ — ЗА НОЧЬ... (с. 31)

Есть маш. с назв. «Разговор за полночь» и посв. Инне Моисеевне Зусманович.

И. М. Зусманович (1901-1965) — литератор, публиковала очерки, переводы; писала стихи. Судя по нек. текстам ИП, они какое-то время вместе работали.

НЕ ВЕЛИКА ПТИЦА... (с. 33)

В рук. с посвящением Инне (Май 1939, Москва) называется «В двух словах».

Трепетный малинник — заря... (с. 36)

В той же рук. называется «Ответ».

В этой и другой рук. эпиграф: «Спасибо, в пепел ухожу,/А плакать есть о чем! // И. А. Аксенов» — из неизвестного нам текста.

[4] ТРЕБНИК АТЕИСТА (с. 37-44)

Посвящение Ильзе Максимилиановне Вульфийс (1895/1896-1984). «С января 1930 г. по настоящее время я состою в фактическом браке с гр-ой И. М. Вульфийс». Свидетельство о браке от 9 октября 1941 эпиграфы (с. 37):

Отверзу уста моя... — первый ирмос канона Божией Матери.

Нам не распятый в небосклонах.../Иван Аксёнов — из неизвестного нам текста.

Мир праху моему у твоих ног... — см. «I Снова, отрываясь насильно.. », с 38; в этом тексте.

I СНОВА, ОТРЫВАЯСЬ НАСИЛЬНО... (с 37-38)

В др. маш. 3 стр. с конца: «Говорю через жизнь, смерть, кровь, измену, любовь, века».

II Через окно — в форточку... [с. 38-39]

Там же после стр. 10 опущенное здесь:

*Москва-щеголиха —
Пустопорожня толчая чайных с ломовыми, —
А здесь-то меж столбовыми
Отрезками шоссе — внемлю
Успокоительное сердцебиение мира.*

Вероятно, весь цикл написан в 1930.

[5] РОМАНСЫ И ЭЛЕГИИ [с. 45-49]

КОГДА-ТО ДРУГ ДРУГА ЛЮБИЛИ... [с. 45-46]

В списке 1936 есть предпол. строфа:

*Жизнь очень скорым скорым
Пробежала за семафор
И за зеленым семафором
Живет пустой простор...*

ПЛЫВЕТ ВЕСЕЛАЯ ЛУНА... [с.48]

В одном из списков строфа 2:

*Качается ажурный свод,
Гуляют звезд стада,
В ласковый круговорот
Заманивает вода.*

ВЫПУЩЕННУЮ ВЕТРОМ ПРАЗДНЫМ... [с. 49]

сын мой уведён из зыбки — «У нас был ребенок, который умер 4-х месяцев в 1933 году» (см. ниже).

[6] ДИКИЕ ПЕСНИ [с. 50-63]

Все написаны в заключении в Сибири. В заявлении о снятии судимости ИП писал

«2/II-1934 г. я был арестован и 3/III-34 г. осужден Коллегией ОГПУ по ст. 16/151 УК к заключению в исправительный трудовой лагерь на три года.

Особое совещание, осуждая меня, исходило из единственного показания гр Брыкина Н.В., которое сводилось к тому, что он якобы находился в протivoестественной связи со мной с 1924 г. по 1926 г. Мои опровержения в свое время не были приняты во внимание.

С октября 1925 г я был женат на Н.Н. Медведковой, с которой мы жили вместе по октябрь 1929 г. С января 1930 г. по настоящее время я состою в фактическом браке с гр-ой И. М. Вульфius. У нас был ребенок, который умер 4-х месяцев в 1933 году.

* Отметим, что немного раньше, 27 декабря 1933 был арестован Оболдуев, а 28 декабря — Бобров. Мотивы обвинений были разными, но приговоры похожи — ссылка на три года — Оболдуева в Карелию, Боброва в Кокчетав (заключение Пулькина тоже было похоже на ссылку)

В Мариинском лагере, где я отбывал наказание, я проработал 15 месяцев в штабе ВОХР, был секретарем редакции газеты «Зоркий Страж». Также активно работал в общелагерной многотиражной газете «Сибирская перековка».

После перевода Упр. Зап.-Сиб. лагерей из Мариинска в Новосибирск, я был переведен в 1-й Мариинский дивизион ВОХР, где вел культурно-просветительную работу. Работая в 1-м дивизионе, я получил звание ударника (см. прилагаемый билет за № 54).

По отбытии срока наказания был освобожден с зачетом 275 рабочих дней.

Вернувшись из заключения, я до сих пор в течение полутора лет не могу получить никакой работы, а также не получаю разрешения на пропуск в пос. Перловка Сев. ж. д., где я имею жилплощадь и где проживает моя семья — родители, брат и сестра. Кроме того, в Москве живет моя жена.» Ниже приводятся упоминающиеся в стихах и подписям к ним топонимы: **Мариинск** — город в Кемеровской обл. на левом берегу реки Кия (приток Чулыма).

Кия — река в Кемеровской и Томской обл.

Чулым — река в Красноярском крае и Томской области, приток Оби.

Боготол — город в Красноярском кр.

Калининск — поселок в Томской обл.

поселок Чекист — в 1933 была создана молодежная трудовая коммуна «Чекист» (впоследствии — исправительно-трудовая колония № 1 Сиблага); ныне район закрытого города Северск к северу от Томска.

Тайга — город в Кемеровской обл.

КОГДА НАД ГОРОДОМ ВЗОЙДЕТ ЗАРЯ... (с. 56)

подожок — подог, палочка, трость для ходьбы (Даль).

[7] КОЛЫБЕЛЬНЫЕ (с. 63-66)

В МИ этот раздел назывался «Шесть колыбельных песен», мы сокр. до пяти и изменили название, что соотв. рук Сокр. «Баю-бай... Баю-бай...».

[8] ЗАБАВНЫЕ ПЕСНИ (с. 67-69)

I ПОЭТ ОТЩЕЛКАЛ, ОТСВИСТАЛ... (с. 67)

II ДВА ДРУГА УЕЗЖАЛИ... (с. 68)

«...стихотворение «Два друга уезжали», на котором написано, что оно посвящено Пушкину и Кюхельбекеру, на самом деле было посвящено брату и Валентину. Эти стихи мне передал сам Иван зимой 37-38 гг. в Ленинской библиотеке» — **Александр Гладков**. Дневник за 1969 год // Звезда 2015, 2. Лев Гладков и Валентин Португалов были в это время на Колыме; старший Гладков сумел передать стихотворение

[9] ПОЭТ СОЛОВЕЙ (с. 70-72)

Сокр. два ст-я: «Спустилась ночь давным-давно...» и «В небе тучи толкуются, дождь осенний сечет...»

ПОЛЗЕТ ПОЗЕМКА, ТИХАЯ КАК ТАТЬ... (с. 71)

копыл — деревянный стержень, вдолбленный в санный полоз

* ИП вернулся в конце апреля — нач. мая 1936; значит, заявление писалось в конце 1937

[10] **ПАМЯТЬ** (с. 73-76)

«Вот все, что осталось от счастья земного на старость...» — сокр.

МЕЖДУ ПРОЧИМ (Забавно, что не стал обузой...) (с. 74)

Однажды заходит ко мне Алексей Степаныч Молчалин... — «Современная идиллия»

Более ранний вариант от 25/II 1939 начинается так:

*И в этот год не видно славы, —
Вновь опозданным несть числа
Больным рукам, сердцам усталым
Весна покой не принесла...*

[11] **ТЕБЕ** (с. 77-85)

ПАН (с. 77-80)

1 часть датирована в другой маш. 27/IV 1936 Мариинск; вероятно, это последнее произв-е, написанное в заключении.

В рук другой конец.

*Ночь молчит, —
Что может сказать мне
Глухая сибирская ночь?..*

лейтенант Глан, Эдварда — герои романа Гамсуна «Пан».

УПРАЖНЕНИЕ НА ГЛАГОЛ (Когда б я не был сам собой...) (с. 81)

Это ст-е и другое с таким же названием (с. 510) связаны с преподавательской работой И. М. Вульфус.

[12] **ОСТРОВА** (с. 86-93)

ЖИВЁШЬ И ПРОХОДИШЬ МИМО... (с. 86)

Любимой и другу желанный — т. е. желанный любимой и другу.

ЖИЛ-БЫЛ БРОДЯГА СЕРЫЙ ВОЛК... (с. 93) — в ПО сопровождается примечанием «Песня о сером волке написана И. Пулькиным для пьесы в стихах, над которой он работал вместе с драматургом Александром Гладковым». Но, судя по дневникам А. Г., совм. работа над пьесой о 1812 г. относится к более позднему времени. Можно предположить, что написанное раньше ст-е предполагалось использовать в этой пьесе. 31 декабря 1940 А. Г. писал: «Вчерашний разговор с Пулькиным... Теперь он уже стал говорить, что пьеса «не его». С этим спорить трудно. Пять шестых сюжета я придумал один, наедине и еще одну шестую тоже я, в разговорах с ним, замысел мне принадлежит целиком, и вот я уже написал начерно текст почти 2-х актов, а он не написал ничего, кроме 8 строчек. Сотрудничество с Иваном мне было нужно, чтобы отважиться на такую большую работу, а сейчас я уже почувствовал свои силы и перестал робеть. Ну, посмотрим...» В черновых набросках ИП нам не удалось обнаружить строк, вошедших в пьесу «Давным-давно»; «Серый волк» тоже туда не вошел.

[13] **ЛИРИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ** (с. 94-102)

Ср. ст-е «Лирический пейзаж», с. 235.

VII СКВОЗЬ ДОЖДИК ВТЕКАЕТ БАХ... (с. 98)

Эпиграф из ст-я С. П. Боброва «Как вазочка было сердце...» (напр., в антологии Ежова и Шамурина, с. 202).

Сокращено «**X ДЕВУШКИ ПОЮТ ЗА ВОЛГОЙ...**» (БП, ПО и АП)
XV ЛУНА ПЛЫЛА ПО КАМЕ... (с. 102)

Конец напоминает:

*Бывает такое небо,
Такая игра лучей,
Что сердцу обида куклы
Обиды своей жалчей.*

(Анненский «То было на Валлен-Коски...»)

Раздел [14] **ПРЕДЧУВСТВИЕ** исключен.

«Письмо», «День, которому я очевидец», «Ночь повествует» — написаны в 1936 после возвращения из заключения; фрагменты см в статье Португалова (с. 557-558, 561-562).

Раздел [15] **ГРОЗА** исключен.

«Граждане, к оружию!», «Говорит мать» (опубл в БП и ПО) — написаны летом 1941.

[16] **ЯРОПОЛЬСКАЯ ВОЛОСТЬ** (с. 103-178)

— существовала как таковая как раз до 1929, когда ее территория вошла в состав Волоколамского района (ср. с. 175).

Эпиграф из романа Жана Жироду «Зигфрид и Лимузэн» (М — Л, 1927. Пер. С. Я. Парнок и З. А. Вершининой).

— *Вы русские?* — звучит похоже на «рузские»; Рузский уезд примыкал к Волоколамскому с юго-востока (а к северо-западу от Яропольца, в Лотошинском р-не, есть небольшая речка Русса или Русца)

Петр Дорошенко (1627—1698) (с. 110) — гетман Войска Запорожского на Правобережной Украине в 1665-1676. Осенью 1676 сдался войску Ромодановского и принес присягу Русскому царству. В 1677 он был отправлен в Москву; в 1679 назначен воеводой в Вятку (1679—1682) В 1684 указом царевны Софьи, бывшей регентом при царях Петре и Иване, получил в вотчину село Ярополец. Дорошенко прожил здесь до кончины в 1698 и был похоронен. Большая часть имения была продана его сыном Петром Григорию Чернышёву, родоначальнику графов Чернышёвых, выстроивших на этой земле усадьбу **Ярополец**.

клеиноди (с. 110; клейноды; от нем. kleinod — сокровище, драгоценность) — войсковые знаки или атрибуты власти руководителей казачьего войска.

Бучачский контракт (с. 111) — мирный договор между Речью Посполитой и Османской империей, заключенный 18 октября 1672

По поводу царя Фёдора Алексеевича (1661—1682) **Ломоносов** ошибался: он умер 20 лет (с. 114).

Но такое же счастье... (с. 116) — из стихотворения «Мастер!..», посвященного С. Боброву: **В. Моница**. Лирокрушенья дрожь. М · Летний сад, 2011 С. 67-68; другая пунктуация.

Я вел здесь свой невольный след... (с. 120) — из стихотворения Оболдуева «В нос пароходу хлещет иодом...» (15. X. 1928); после этих трех строк идет заключительная «И на товарищей нет».

Сентябрь завьяла (с. 120) = либо **Сентябрь-завьяла**, либо **Сентябрь завьяло**; ср. у Даля: «дорога не торена, давно завьяла».

богемское стекло [с. 122] — т. е. богемское, из Чехии.

стапиночки [с. 130] — тропинки, узкие дорожки; есть в Словаре говоров Подмосковья, Том 1. М., 1969.

покупать беек [с. 165] — бейки — узкие полоски ткани.

Богатый мир настал [с. 171] — ТрEDIAKовский, «Песнь на коронавание блаженныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы Всероссийския, сочиненная в Гамбурге 1730 года» [редакция, опубл. в 1752].

волесть-то аннулирована В 1924 году [с. 175] — возможно, ошибка в маш., д. б., вроде бы, 1929.

[17] **С. С. С. Р.** [с. 179-222]

Капсе! [с. 180] — рассказывай! (по-якутски).

Брынские леса [с. 181] — у реки Брынь, что впадает в приток Оки Жиздру; в этих лесах некогда укрывались в скитах раскольники, почему их называли последователями Брынской веры.

Общество «*Оргаметалл*» [с. 183] было создано в 1924 в структуре Наркоммаша.

РАЗДЕЛ I. МОСКВА [с. 185-222]

В сокр. виде было опубл. в ж. «Новый мир» 1930, №7, с. 127-131.

С Ломбардских высот [с. 185] — башни Кремля, строились по образцу замка Сфорца в Милане, столице Ломбардии.

первый поэт из крепостных [с. 189] — вероятно, имеется в виду разбойник Ванька-Каин (Иван Осипов, 1718 — после 1756), которому легенда приписывает авторство песни «Не шуми, мати, зеленая дубравушка».

Возник исторической одой... Карамзин [с. 189] — очевидно, речь идет об оде Александру I на восшествие на престол (1801).

проклевсматик, точнее проклевсматик [с. 197] — в античном стихосложении стопа, имеющая 4 моры, в данном случае 4 безударных слога подряд.

быркий [с. 201] — бойкий, быстрый.

Точок [с. 209] — место, на котором расставляются птицеловные сети.

[18] **СКАЗАНИЕ О ПОСТРОЕНИИ ВОУВ**

— исключено (опубл. в: Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. Грозный, 1979).

II

СТИХИ ИЗ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ 1920-Х И ПЕСНЯ

ПОКОСНЫЕ [с. 225]

Пулькин, «Молодой ленинец» № 108 (166), 23.10. 1924, с. 6.

Этот текст был позже использовал в ст-ии «Покос», опубл. в «Молодом ленинце» № 162 (828), 17.07. 1926, с. 3

ПРИКАЗ [с. 226]

Пулькин, «Молодой ленинец» № 227 (595), 4.10. 1925, с. 3.

ПАРА ТЕПЛЫХ СЛОВ ПРО ОСЛОВ [с. 227]

Ванька Клин, «Молодой ленинец» № 213, 16.09. 1926, с. 3.

О ГАРМОШКЕ [с. 228]

П., «Молодой ленинец» № 294 (951), 19.12. 1926, с. 4.

МАРТОВСКАЯ ЧЕХАРДА [с. 229]

«Комар» 1926. №5, стр. 2.

ВЕСЕННИЙ ВОПРОС (с. 229-231)

«Комар» 1926. №7, стр. 2.

ПРИВЕТ С МОРЯ (с. 231-232)

Иван Пулькин, «Молодой ленинец» № 230, 8.10. 1927, с. 3.

Яков Фрид — см ниже.

РЫБСИНДИКАТ (отрывок) (с. 232-233)

«Молодой ленинец», 25.02. 1928.

ВОЛГА ВСКРЫЛАСЬ (с. 234)

Иван Пулькин, «Молодой ленинец» № 121, 26.05. 1928, с. 3.

ЛИРИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ [Девятьсот кобыл...] (с. 235)

«Октябрь» 1928, № 12, с. 133 Эпиграф из ст-я Оболдуева, опубли. позже, в «Новом мире» 1929, №5.

В цикле «Лирический ветер» идет после «Романтики» (с. 266)

ЛЕСОРУБЫ (с. 236-237)

Иван Пулькин, «Московский комсомолец» № 10, 12.09. 1929, с. 3

II часть (всего их четыре) из поэмы «Северолес».

ДАРЬЯ — МАЛАНЬЯ (с. 238)

Слова Пулькина, муз. Мих. Красева (М.: Моно. Музторг, 1930; отд. изд.)

Зачин песни, вероятно, взят в историч. повести Д.Л. Мордовцева «Сидение раскольников в Соловках»; там: «Дарья, Маланья,/Степанида, Солмонида,/На улицу выходила,/Корогоды заводила!»

НАПИСАННОЕ ДО АРЕСТА В НАЧАЛЕ 1934

ВЕРЕЯ (с. 239-254)

делювий (с. 239; лат. deluo — смываю) — скопление рыхлых продуктов выветривания горных пород у подножия и у нижних частей возвышенностей.

Седатых пуд (с. 240) — непонятное выражение (*седатых* = седых, но в каком смысле *пуд*?).

Путивлит (с. 240) — это слово встречается еще только в ст-ии Т. Мачтета «Чалая могила» (опубл. 1926).

Конь копытом землю бьет — Воды достает (с. 241) — из песни «Как во поле-полюшке».

с конибей веку (с. 241) — ?

горлатные (с. 242) были шапки.

Как будто на свете одни сторожа и собаки (с. 245) — из стихотворения О. Мандельштама «Золотистого меду струя из бутылки текла...» (1917; опубл. в книге «Tristia», 1922).

Раточка (с. 245) — речка, правый приток Протвы.

Но время ночи иссякать... (с. 251-252) — с этим фрагментом частично пересекается такое ст-е:

*Без страсти сердца бой слышней!..
Бесстрастья дав обет,
Он совершает в тишине
Лирический набег..*

*Красавица не первых встреч
Томит его глаза
Как тишины густая речь
Тревожит как гроза.*

*За соловья грачиный гам
Провинция, что делать!
И связан страстью по ночам
Любви наездник смелый!*

*Рассвет... Отставку получа
Возлюбленной души
Со звоном первого луча
Бредет домой в тиши*

*Вдыхая томную печаль
Прохлады и росы
Он множит суммы всех начал
На взгляд и тень косы.*

Спарцет (с. 253) = эспарцет, трава кормовая и медоносная.

Костер безостый (с. 253) — ценная кормовая культура.

КОМЕДЬ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ (с. 254-257) — часть незаконченной композиции «О жизни и трудах св. Иосифа Волоколамского чудотворца». **Историк это пророк, / Предсказывающий наоборот** (с. 254) — ср. у Пастернака в первом варианте поэмы «Высокая болезнь» («Леф» 1924, № 1): «Однажды Гегель ненароком / И, вероятно, наугад / Назвал историка пророком, / Предсказывающим назад» (на самом деле, это сказал Фридрих Шлегель).

Василий (с. 256) — Василий Васильевич Тёмный (1415—1462), его сыновья: **Старшой Иван** (с. 256) — Иван III (1440—1505) — великий князь московский с 1462 по 1505.

Юрий (с. 257) — Юрий (Георгий) Молодой (1441—1472) — князь дмитровский, Можайский, Серпуховской.

Третий (с. 257) — Андрей Большой (1446—1493) — князь углицкий, Звенигородский, Можайский.

Четвертый (с. 257) — Борис (1449—1494) — князь волоцкий и рузский.

Пятый (с. 257) — Андрей Меньшой (1452—1481) — князь вологодский.

ЧЕТЫРЕ ПАРАГРАФА И ОДНО АПРОПО (с. 257-260) и примыкающее **II КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ** (фрагменты) (с. 260-263)

По белой рукописи; фрагменты по рукописям, среди которых встречаются части ЧПиОА. Дата ~ 1928.

Дяди Михайла и Гаврила (с. 262) — можно предположить, Ломоносов и Державин.

ЛИРИЧЕСКИЙ ВЕТЕР. 1928, ЛЕТО (с. 266-277)

Этот цикл даем целиком по рукописи за вычетом «Лирического пейзажа» (он здесь после «Романтики», см. выше с. 235).

ТРИ ПЕСНИ О ЛЮБВИ (Надежде) (с. 269-271)

II Ты из породы хищных птиц... (с. 269-270)

Ср. «Твое чудесное произношение — / Горячий посвист хищных птиц» (Мандельштам, 1918).

ЛИРИКА (с. 281-290; рукописная подборка, очевидно, 1929); содержание: Объяснительная записка (На меня некогда...) (с. 281)

Книга первая. Введение в область лирического

I Семь серенад 1927-1928 (целиком в I-2, с. 21-30).

II Лирические записочки 1928-1929 (с. 282-285)

I Лежишь, розовея, на бледной отдели...

II Каким соловьем заливался аховым...

III Я знаю, это ты подкарауливаешь мой сон... (с. 283)

(Есть маш. с назв. «Сквозь сон» и посв. И. М. Зусманович, дат. 26/IV 29, Москва.)

IV Я требую, чтоб над моей могилой..

V Трепетный малинник — заря... (I-4, с. 36).

VI Не велика птица... (I-4, с. 33).

VII Море еще причесывается...

VIII Не за себя прошу — за ночь... (I-4, с. 31).

IX Слушай-ка, ты, — девочка... (I-4, с. 34).

X Рань-то какая... (I-4, с. 35).

III ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ (с. 285-290)

Эти и некоторые другие вещи написаны в период участия ИП в «Союзе приблизительно равных» (СПР или ЭСПЕРО), который являлся, фактически, неофициальной группой поэтов. Другими его участниками были: **Аксенов Иван Александрович** (1884-1935) — до революции участник московской футуристической группы «Центрифуга».

Андреев Кирилл Константинович (1906-1968) — секретарь СПР, впоследствии сов. литературовед, специалист в обл. научной фантастики.

Монина Варвара Александровна (1894-1943) — в 1920-х была женой С. П. Боброва.

Оболдуев Георгий Николаевич (1898-1954) — при жизни практически не печатался.

Фрид Яков (Фридланд Я. Б.; 1908-2003) — впоследствии кинорежиссер и сценарист Ян Фрид.

кулугры (с. 285, также с. 180) — старообрядцы-беспоповцы.

Н. М. (с. 288) — очевидно, Надежда Ниловна Медведкова, первая жена ИП, «с октября 1925... по октябрь 1929»; впоследствии жена К. К. Андреева.

ПЕСНИ ШЕПОТОМ (с. 292-295)

Колыбельная

отточие в 13 стр. (с. 292) — так в маш., вероятно, неразобранное в неизв. нам рукописи слово (ср. с. 383).

Два ст-я на с. 296-297 («В апреле за городом» и «Март») были найдены С. В. Хализевым в ОР ГЛМ в коллекции Е. Ф. Никитиной (которой посвящен «Март») уже когда верстка стихов была сделана, поэтому вставлены вместе немного в нарушение хрон. порядка.

Не отвечает (Говоришь, что любви ни в одном глазу?..)

За, Зо, Зу (с. 304) — ищет тел. Зусманович.

СВИДАНИЕ ДРУЗЕЙ (с. 304-308)

В рук. сбоку от соотв. текстов приписаны имена тех, кому они посвящены; мы их даем в угл. скобках. Из них известны:

Звягинцева Вера Клавдиевна (1894-1972) — актриса, поэтесса, переводчик.

Ерофеев Александр Сергеевич (1887-1949) — инженер, служил в Наркомвнешторге, в книготорговых организациях; литературный работник, меломан. Муж В. К. Звягинцевой. **А. С. (42 года)** — это про него.

Марина Казимировна Баранович (1901-1975) — в молодости была актрисой, с 1924 года выступала в бригадах «Синей блузы» с чтением стихов; в домашних салонах читала стихи Цветаевой; переводчица, после войны близкая помощница Пастернака, участник неофициальной культуры.

Елизавета Тараховская (1891—1968) — поэтесса, родная сестра С. Парнок и В. Парнаха.

Евгения Константиновна Николаева (1902—1946) — поэтесса и прозаик
ТИШАЙШИЙ СВЕТ МЕСЯЦА... (с. 309)

Солнцеголовый/Сын на коленях — Герман Сергеевич Белевицкий (1923—1997), сын И. М. Вульфийс от первого брака, рыжеволосый.

ЛИРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК. Январь 1930 года (с. 310-314)

IV Говорят, — не разучиваются петь...

В рук. варианте, дат. Москва 2/1 30, еще неск. строк:

*Лишь глухонемой стих —
Невнятица ритмического движенья,
Приученный шепотком ползти,
Остается в моем распоряженьи!*

*Но ты ведь сама видишь, ну что он может
Сказать, вымолвить, произнести?
У него язык заплетается, он только улыбки множит,
Расплываясь в блаженном затуханье —
Никнет, захлебываясь в тишине
Твоего дыханья!*

Жили были дед и баба... (с. 315-316) — было опубл. в кн. **Георгий Оболдуев**. Стихотворения 20-х годов. — М.: Виртуальная галерея, 2009. С. 292.

«МАРТ С ВЕСНОЙ НАПЕРЕВЕС...», «О СМЕРТНЫЙ, ПРОЩЕ ГЛЯНЬ НА ЖИЗНЬ...» (с. 316-317) — части незаконченного цикла «Серп и Молот». **ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО/КУСКИ МОЕЙ БИОГРАФИИ I-III** (с. 323-327)

В рук. в начале: «Начато в январе 1931 г.».

ЭПИГРАФЫ (с. 331-332)

Третьим эпиграфом (из четырех) в оригинале был «Февраль. Снега хрустящий асбест...» (I-5, с. 48).

НЕОТЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР I (с. 335-338)

II ч. неокончена, речь там идет о будущем рождении ребенка и его счастливой жизни в СССР...

Пол третья года тому назад (с. 336) = 2,5 года.

ГОРБОВСКАЯ ХРОНИКА (с. 338-340)

Вероятно, не дописано; посл. строфа выбрана из вариантов.

кокоря (с. 338) — нижняя, комлевая часть ствола хвойного дерева, срубленного с ответвлением корня, образующим крюк.

«ТЕКУТ НАД МИРОМ ПРОВОДА...» и след. три сти-я (с. 340-344) — части неоконченного цикла «Спутник Запеваль».

ПРОИДЯ СКВОЗЬ ХОРОШУЮ ШКОЛУ... (с. 348)

А. И. Р. — Александр Ильич Ромм (1898—1943) — поэт, филолог, переводчик, ст. брат кинорежиссера Михаила Ромма. Ст-е нах. в его фонде в РГАЛИ.

НАПИСАННОЕ В СИБИРИ, 1934 — АПРЕЛЬ 1936

Стихи этого раздела публикуются в основном по белой рукописной книге (брпк), сшитой из неск. тетрадей. Сохраняем порядок разделов и порядок стихов в них. Эпиграф ко всей книге:

*Соловей мой соловей,
Голосистый соловей,
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночь пропоешь?*

А. Дельвиг

В произведениях этого времени упомянуты след. топонимы:

Боготол — город в Красноярском кр.

Калининск — поселок в Томской обл.

Мариинск — город в Кемеровской обл. на левом берегу реки Кия.

поселок Чекист — в 1933 была создана молодежная трудовая коммуна «Чекист» (впоследствии — исправительно-трудовая колония №1 Сиблага НКВД); ныне район закрытого города Северск к северу от Томска.

Чулым — река в Красноярском крае и Томской области, приток Оби

Кия — река в Кемеровской и Томской обл., приток Чулыма.

«**НЕСУТСЯ ТУЧИ КОНИ...**» и следующие два ст-я (с. 349-350) — из невошедших в брпк.

ЧИН ПОГРЕБЕНИЯ (с. 352-356)

Г. М. — Григорий Ильич Меклер (1912, Харбин — арестован 19 января, расстрелян 19 апреля 1934) — друг ИП, поэт.

II ПОСЛАНИЕ В ЗНАМЕНСКИЙ (с. 358-364)

Обращено к друзьям, собиравшимся у Гладковых в Б Знаменском пер., д. 8. [в д. 4 жила И. М. Вульфус с сестрой, детьми и первым мужем.]

Вежетьаль (с. 363) — жидкость на спирту с примесью парфюмерных веществ для смачивания волос.

«**Анри Брюлар**» (с. 363) или «Жизнь Анри Брюлара» — автобиографическая книга Стендаля; АП мог читать Т. 6 Собр. соч.: Анри Брюлар/Пер. Б. Г. Реизова. [Л., [1933]].

ДИКИЕ ПЕСНИ (с. 364-366)

Часть ст-й этого раздела вошла в одноим. раздел в I части книги (с. 50-62)

ВЕСЕЛЫЙ РАЗГОВОР (с. 372-375)

обласки (с. 372) — долбленные лодки

Марья — зажги снега (с. 377) — народное название дня памяти св. Марии Египетской, 1 апреля по ст. стилю.

«**А ТЫ НЕ ПОЙ, А ТЫ НЕ ПЛАЧЬ...**» и следующие два ст-я (с. 382-383) — из невошедших в брпк; написаны в посл. месяцы заключения.

ОПЫТ (Помнишь парк?..) (с. 382-383)

В маш. (очевидно, посмертной) точками (с. 383), видимо, обозначено неразобранное слово, а рукопись мы не обнаружили (ср. с. 292)

ЛИРИЧЕСКАЯ СЮИТА (с. 384-400)

I Обстоятельства, время и место действия (с. 384-389)

Посвящая: трем живым и памяти четвертого — в маш. приписка рукой Португалова: «Л. Гладков, И. Зубковский, В. Португалов/Г. Меклер».

Гладков Лев Константинович (1913—1949) — младший брат А. К. Гладкова, был арестован 16 июля 1937, погиб через несколько лет после возвращения в 1945 с Колымы. С 1931 печатался в центральных газетах и журналах как критик и очеркист. В 1934-1936 работал во Всесоюзном радиокomiteе литературным редактором и заведующим отделом.

Зубковский Игорь Сергеевич (1912—1942?) — в 1940-1941 сотрудничал в московских журналах «Безбожник» и «Антирелигиозник». В сентябре 1941 переехал из Москвы в Калугу, где жила его семья. 12 октября 1941 Калуга была

оккупирована немцами. И. З. сотрудничал в коллаборационистских изданиях в Калуге и Смоленске, а также писал корреспонденции в берлинское «Новое слово», в частности, 11 февраля 1942 опубликовал в нем очерк, в кот. сообщил о гибели М. И. Цветаевой, а также вспоминал о том, как «молодой поэт П.» читал ее поэму «Крысолов» в «знаменской обители» ок. 1933. По нек. сведениям, расстрелян немцами по подозрению в шпионаже в пользу СССР:***

Португалов Валентин Валентинович (1913–1969) — в 1934–1936 актер и режиссер сектора детского вещания Всесоюзного радиокомитета. Осенью 1935 принят студентом 2 курса Вечернего отд. литературного института. Дважды судим — в 1937 и 1946; отбывал срока на Колыме. Освобожден в 1952. В 1956 реабилитирован, жил в Магадане; с 1963 — в Москве. В последующие годы публиковал репрессированных поэтов — Оболдуева, Пулькина, Олейникова и др., безуспешно пытался издать книгу ИП.

Quidquid agis, prudenter agas et respice finem (с. 387) — Что бы ты ни делал, делай разумно и имей в виду результат.

II РАЗГОВОР С СОБОЙ (с. 389–399)

Эпиграфы «Проговорили до свету..» и «Я приду к нему и скажу ему» у Маяковского не находятся; возможно, это как бы парафразы — ср. «Болтали так до темноты» и «Разговор с товарищем Лениным».

«МОЕЙ СОСТАВНОЙ ЧАСТЬЮ...» (с. 389–390) — неск. изм. ст-е «Ссора» из цикла «Элегии и Послания И. М Вульфius» (1933).

«НЕ ПЫЛИТ ВДАЛИ ДОРОГА...» (с. 390) — вариация на тему первой строфы вольного перевода Лермонтова стихотворения Гёте «Ночная песня странника (III)».

Ниже «Дремлют вершины гор...» (с. 390) — здесь, фактически, ИП дает свой вариант перевода.

Как же быть мне твоим поэтом... (с. 395) — изм. цит. из «Лирического отступления» Асеева.

Саша Чибис (с. 398) — м. б. это Иосиф Уткин, ровесник ИП; ср. «Где ж о гитаре спеть нежней...», с. 263.

ОТШЕЛЬНИК (с. 410–416)

Арчикас (с. 410; сейчас пишут Арчекас) — гора около Мариинска.

4-6/VIII 1934 (с. 417–419)

бакан (с. 420) = бакен.

СОВЕРШЕННО ПРОСТО (с. 420–421)

«А уже, соколама припешали крыльца, поганных саблями!» — в Слове о полку Игореве.

ЛУГА (с. 422–470)

Упоминаются братья:

Сергей Иванович Пулькин (1912–1985), **Николай Иванович Пулькин** (1905–1982) и отец, **Иван Никитич Пулькин** (1881–1947).

Собранным со всех точек мира Глядящим ей в рот студентам (с. 423) — И М. Вульфius преподавала в Комм. университете трудящихся Востока.

бредина (с. 425) — ракета.

Лев (с. 427) — Гладков.

норот (с. 434) — разновидность верши, рыболовной снасти из ивовых прутьев.

*** См. Борис Равдин *На полях комментария // Псевдонимы русского зарубежья. М · НЛО, 2016. Полный текст очерка И. З. приводится в сети по адресу <https://e11enai.livejournal.com/52319.html>.*

дель (с. 434) — рыболовная сеть.
Есть еще вариант 6-й главы:

*Не шуми, крапива злая,
Не мешай грибам цвести.*

Облачно. Небосклон
Только глаза продрал.
Тишина, даже птицы — и те
Завороженно молчат..
Выйдешь.
Глянeshь на луг —
И ни одной тропинки
По росе не проторено,
Еще девственной белизной
Голубеет трава.

В Журихе — в двух-трех омуточках
Водицы —
 курице напиться...
Сенная —
 шелками водорослей выстав дно,
Сбежала к Кузяеву,
Приготовив постельку
К осеннему паводку.

Крупиху — насквозь!
Разве что на дорожке
Запнешься за подберезовик,
Высунувшийся точно кулак
Из бурого, неприкрытого грунта.

Пересекая привычный,
С детства знакомый
Перелесок Избушки, заглянешь
В уголочек на выходе —
Здесь белые издавна
Селятся семьями
По три, по пять,
Соберется десяток —
Широкошляпые, с проседью.

Перелесок спадает.
Опушка..
И солнечным просеком —
Луговина!..

В хмелевом окруженьи
Стоит Монастырский.
Крепкий настой тишины.
Воздух насыщен горячим дыханьем

Ночных фиалок,
Кашки и дытленки.
В тихих зарослях ольх —
Виноградные листья
Пряных дягилей;
Можжевеловых ягод
Солодёная просинь;
А выше —
Земляники ароматные волны,
Черники,
А выше —
Горьковатых брусник
Розоватые бусы рассыпаны...

Джиндау [с. 464] (1882–1936) — слониха из Московского зоопарка.

бырь [с. 465] — быстрина в потоке.

ТЕМА [с. 472–474]

Дата «1014/X 1937, Перловка» в рук. зачеркнута.

ИДИЛЛИЯ [с. 478–479] в рук. обозначена Идиллия I, но других мы не обнаружили.

НОЧЬ, ШИТАЯ ЗОЛОТОМ ПО БАРХАТУ... [с. 480–484]

В рук. на первой странице оставлено место вверху, как бы для заголовка.

ПАУЛИНО [с. 485–502]

Птичка-невеличка, а коготок востер, — Так вот за сердце и царапает!.. [с. 495] — ср. «Не велика птица, Да о твой коготок Оцарапал сердце...» [I–4, с. 33].

Будто черт по болотам [с. 496] — ср. «По нотам — что черт по болотам» (присказка народных музыкантов).

В ч. IV [с. 501–503] сокр. §§ 4 и 5 (последние), 117 строк сов. патриотизма...

ЛЕЗГИНКА [с. 503–505]

Видимо, единственная написанная часть задуманного цикла «Двенадцать песен о танцах» (план в рук.: «1 Лезгинка/2 Шахтерский/3 Русский/4 Белорусский/5 Казачок/6 Гопак/7 Матлот/8 Яблочко/9 Барыня/10 Тарантелла/11 Цыганочка/12».

ЗИМА — ЭТО УТРО В ОГНЯХ... [с. 507–508]

Есть другой вариант с датой 1938.

«СТУЧИТЕ И ОТВЕРЗЕТСЯ!»... [с. 512] — Мф 7, 7 и Лк 11, 9.

В ПРАБАБУШКИНЫХ ВАЛЕНКАХ... [с. 515]

Строка «Меж облаков», очевидно, не дописана.

ПРИДУРКОВАТАЯ ПРИРОДА... [с. 517–518]

Предпоследняя строка не написана.

ТВОРЦЫ БЕССМЕРТНОЙ ЕРУНДЫ... [с. 519]

Неоконч.; в тетради среди стихов 1938.

ДОРОГАЯ НАША ОЛЯ... [с. 523]

Обращено к Ольге Максимилиановне (1891–1968), старшей сестре жены ИП.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ [с. 530–533]

Датируется по содержанию: советско-финская война началась 30 ноября 1939, а дрейф «Георгия Седова» закончился 3 января 1940. Значит, декабрь 1939. Начато могло быть раньше, конечно.

(Попытка вытеснить честную депрессию натужным советским пафосом...)

УСАТЫЙ ЗАПЕВАЛО... (с. 535)

Ефим Никитич Пулькин (1883–1940?) — младший брат отца ИП. В 1937 был осужден на 10 лет по обвинению в а/с и к/р агитации. Очевидно, умер в заключении.

ГЛУША КУЗНЕЧИКОВ НЕЖНЫЙ ЗВОН... (с. 539)

Белопесоцкая слобода находилась у стен Троицкого Белопесоцкого монастыря, на берегу Оки (ныне в черте г. Ступино).

НОЧИ ПАПОЛОМА ОПУСКАЕТСЯ НА ЗЕМЛЮ... (с. 540)

паполома (с. 540; от греч. *páplwma* — платье, покрывало) — погребальное покрывало, обычно черного цвета, встр. в Слове о полку Игореве.

ПЕСНЯ О ЛЕБЕДЕ (с. 543–544)

Эпиграф из ст-я Оболдуева «Косые косы причесав...» (1926); там «реветь».

ДА! ШЛЯЛОСЬ, МОТАЛОСЬ, ГОРЕЛОСЬ... (с. 545)

Гладков Александр Константинович (1912–1976), драматург, театровед, поэт; в его дневнике неоднократно упоминается ИП. Это ст-е является ответом на присланное Гладковым 27 сентября 1940 (не публиковалось):

Бывало по разному. Пелось,
Не елось и не пилось,
Ходилось и не сиделось,
Свистелось и не спалось.

Бывало по всякому. Шлялось,
Бродилось и не ждалось,
Шумелось, шаталось, моталось,
Выматывалось, но жилось.

Не падалось, но спотыкалось,
Светилось, пылало, жглось,
Выдумывалось и мечталось —
Досталось и привелось...

Короче, — скажу напоследок,
Свои оглядев года: —
Бывало и так и эдак,
По разному — как когда...

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ИЮЛЯ... (с. 551–552)

Вот как те же события излагаются в документе, приведенном В. Португаловым в ПО:

«В ночь с 21 на 22 июля 1941 г. Ивана Ивановича Пулькина, проживающего в поселке Перловка Ярославской жел. дор., воздушная тревога застала в Москве, в доме № 4 по переулку Грицевец. Вместе с некоторыми жильцами этого дома Пулькин находился на чердаке корпуса № 1, у слухового окна. Около 24 часов (тревога была объявлена в 22 часа) Пулькин увидел, что на чердаке корпуса № 2 того же дома, где дежурил тринадцатилетний школьник Герашенко, горит. Опасаясь, что Герашенко один не сумеет затушить пожар, Пулькин через слуховое окно вылез на крышу, прошел по ней до чердачного окна второго корпуса и оказался возле бомбы.

Бомба горела синеватым пламенем. Не найдя вблизи песка и воды, Пулькин решил выбросить бомбу. В то время, когда он протянул за ней

руку (бомба находилась у самого карниза), бомба взорвалась. Взрывная волна ударила его по лицу, засыпала глаза песком и мелким щебнем.

Чувствуя сильную боль от ожога лица и глаз, но не растерявшись, Пулькин нашел бак с водой, вернулся на место разрыва бомбы, которая после взрыва расщепилась и образовала два очага, и залил их водой. После этого, ослепленный, уже ничего не видя, он по крыше, ощупью, добрался до поста, где дежурил Б. Ивантер****, и с его помощью спустился вниз.

У И Пулькина взрывом обожжено лицо. Особенно пострадал правый глаз и пробита осколком верхняя губа.

Так Пулькин, не являющийся постоянным жильцом данного дома, не задумываясь, после объявления воздушной тревоги встал на самый ответственный пост и, жертвуя собой, спас от гибели два больших корпуса с огромным населением».

**** *Беньямин Абрамович Ивантер (1904–1942; детский писатель, погиб на фронте) жил в д. 4.*

Именной указатель

Авербах	198
Аксенов И.А.	37, 239, 280, 568, 576
Александр I	189, 573
Андреев К.К.	266, 273, 298, 299, 576
Андрей (Васильевич) Большой	257, 575
Андрей (Васильевич) Меньшой	257, 575
Анненский	572
Антропов	189
Асеев	136, 579
Ахматова	4, 384, 558
Баженов	188
Байрон	26, 360-361, 398, 472
Баранович М.К.	305, 576
Бах	98, 202, 286, 287, 302
Бах Фридеман	287
Белевицкий Г.С.	577
Белинский	198
Бобров С.П.	98, 99, 331, 569, 571, 572, 576
Богдан Хмельницкий	111, 112
Боткин	198
Борис (Васильевич)	257, 575
Брыкин Н.В.	569
Бухарин	230
Ванька-Каин (Иван Осипов)	573
Василий II Тёмный	256, 575
Вольтер	507
Вульфийус (Пулькина) И.М.	309, 328, 347, 521, 561, 565, 568, 569, 571, 577, 578, 579, 581
Вульфийус О.М.	523, 578, 581
Гамсун	571
Гейне	372
Герцен	197, 198
Гёте	579
Гладков А.К.	545, 567, 570, 571, 578, 582
Гладков Л.К.	410, 427, 447, 465, 570, 578, 579
Гончаров И.А.	16, 17, 18, 19, 568
Гораций	260
Грановский	198
Григорьев А.	558
Гумилев	558
Дельвиг	67, 377, 578
Державин	122, 196, 285, 575
Джиндау	464, 581
Дмитриев И.И.	190

Додогорские В. и А.	133
Дорошенко П.	110, 112, 137, 572
Достоевский	394
Екатерина II	126-129, 138, 189
Емельянова (Пулькина) А.И.	6, 567
Ерофеев А.С.	307, 576
Есенин	558
Жаров А.	229
Жилярди	189
Жироду Ж.	103, 572
Жюль Верн	363
Звягинцева В.К.	299, 304, 305-306, 567, 576
Зубковский И.С.	578-579
Зусманович И.М.	304, 568, 576
Иван III	256, 575
Ивантер Б.А.	583
Иоанн Дамаскин	37
Кзаков	189
Карамзин	189, 573
Кваренги	189
Кетчер	198
Коровин К.	198
Крылов	300
Кюхельбекер	68, 570
Ленин	12, 556, 579
Лермонтов	22, 69, 579
Ломоносов	113, 130, 171, 572, 575
Луговской В.А.	279
Мандельштам О.Э.	3, 574, 575
Мачтет Т.	574
Маяковский В.В.	3, 202-204, 229, 359, 389, 579
Медведкова Н.Н.	269-271, 288-289, 298, 569, 576
Меклер Г.И.	352, 578
Монина В.А.	116, 572, 576
Мордовцев Д.Л.	574
Мур Фома (Томас)	360
Некрасов Н.А.	28, 169, 558
Никитина Е.Ф.	297, 567, 576
Николаева Е.К.	307, 577
Николай I	69, 211, 508
Новиков	189
Оболдуев Г.Н.	103, 120, 235, 273, 280, 285-288, 306, 315-316, 401, 403, 543, 544, 569, 574, 576, 577, 579, 582
Огарев	198
Павел I	190
Парни	506

Пастернак Б.Л.	575, 576
Петр I	114, 206, 211
Португалов В.В.	555-564, 565, 566, 567, 570, 579, 582
Пулькин Е.Н.	535, 582
Пулькин И.Н.	325, 447, 556, 563, 564, 579, 582
Пулькин Н.И.	441, 442, 443, 446, 464, 467, 579
Пулькин С.И.	422, 427, 446-448, 579
Пулькина А.Я.	165-166, 324, 325, 402, 475, 556, 563
Пушкин	3, 4, 24, 67, 116, 117-118, 120, 138, 140, 190, 195, 196, 506-507, 558, 563
Пуцин И.	68, 570
Радищев	126-127, 189
Растрелли	128
Ромм А.И.	348, 567, 577
Салтыков-Щедрин М.	74, 571
Сковорода Григорий	401
Станкевич	198
Стендаль	362-363, 578
Тараховская Е.	305, 577
Тельман	564
Третьяковский	171, 189, 573
Тютчев	468
Уткин И.	263, 579
Федор III Алексеевич	114, 572
Фет	166, 260, 394, 558
Фиораванти	187
Фрид Я.	231-232, 280, 289-290, 574, 576
Хвостов Д.И.	136
Хлебников	273
Хомяков	198
Цветаева	3, 576, 579
Чаадаев	190
Ширинский	190
Юрий (Васильевич) Молодой	257, 575

Указатель произведений

4-6/VIII 1934 <сокр.>	417
А знаешь что...	364
А ты не пой, а ты не плачь...	382
А что если и смерть, как ты... (Варьяции)	334
А я б и от любви сбежал...	546
Апрель морочит голову пургой...	376
Ах как удобно мартовские ночи... (Март)	297
Ашуг — седая голова... (Лезгинка)	503
Бе-бе! Шерстянная киска!..	307
Бегут заката кони... (Цикады I)	352
Без десяти двенадцать...	548
Без страсти сердца бой слышней!..	574
Беспомощные ветки верб — робкие руки весны...	97
Благодарственная (На жизнь из твоих рук гляжу...)	327
Благослови, отец Горащий...	
(Критика и библиография <фрагменты>)	260
Бор зелен и шумит. Как будто сказку... (Январский иней VII)	475
Буденовцы <фрагмент>	557
Будто с тонких хоботков...	509
Был мальчиком — копченым угрем... (Вступление)	310
Бьется в стекла тишина...	371
В апреле за городом (Корреспонденция)	
(Сплошное небо. Горизонт чистой воды...)	296
В версте от твоих губ...	32
В далекий путь уходят корабли...	89
В лицо ударил ветер молодой... (Отплытие II)	17
В моем стакане шип и звон... (Застольная)	88
В памяти не засорятся... (Объяснительная записка № 2)	319
В прабабушкиных валенках...	515
В решетку солнышко разграфлено...	58
В три метра слой тишины...	355
Варьяции (А что если и смерть, как ты...)	334
Ваш стих сбивается с такта...	280
Введение в область лирического <сокр.> (Лирическая сюита)	399
Вдоль полотна скача...	370
Великолепной подоплекой... (Возвышенная)	529
Веря	239
Верши (Луга 3)	439
Веселый разговор (Мы вечеряли у патефона...)	375
Весенний вопрос	229
Весна — это когда бежит с глаз сон...	332
Ветер полынный настойки свежей...	371
Ветер, — меня причесывал... (Ода)	322
Ветерок перелистывает ресницы...	305
Вечер (Песни шепотом)	294
Висит седое небо... (О нас с тобой И. М. В.)	347
Водой набухли небеса...	376
Возвышенная (Великолепной подоплекой...)	529

Волга вскрылась <сокр.> (Остатки северного льда...)	234
Волхов	9
Восстав из мертвых голос свой...	534
Вот лежу в могиле я...	354
Вот так откроют сиплый кран...	62
Вот только ветер бил крылом...	101
Все замерло. Время застыло...	94
Все скрепы неба колыхая...	477
Все это, кроме неба, понятно...	545
Всей памятью упругой...	521
Вспоминаю любимую (Отходя ко сну...)	302
Встав над сизою Окою... (Песня о лебедь)	543
Встреча у ручья (Паулино)	490
Вступление (Был мальчиком — копченым угрем...)	310
Вступление (Луга)	422
Вступление (О, как давно я не пил за белую скатертью чаю...)	51
Вступление (С. С. С. Р.)	179
Вступление (Семь серенад)	21
Вступление (Яропольская волость 1)	103
Вступление (Яропольская волость 2)	139
Всю ночь металась муза, как в огне...	539
Всю ночь над моей головой...	344
Вторая прогулка по волости (Яропольская волость)	147
Выписки из дневника	314
Выпорхнет из-под ворот...	516
Выпущенную ветром праздным...	49
Выьем на ты... (Георгию Николаевичу Оболдуеву)	285
Где ж о гитаре спеть нежней...	263
Георгию Николаевичу Оболдуеву (Выьем на ты...)	285
Герои (Деревня Шишково)	164
Глуша кузнечиков нежный звон...	539
Говоришь, что любви ни в одном глазу?.. (Не отвечает)	304
Говорят, — не разучиваются петь...	312
Голоса ночи (Луга 2)	435
Горбовская хроника	338
Город съеден травой...	54
Грач усаживается на сосну...	46
Грачи летят (Луга 1)	428
Гроб гвоздочками забили...	354
Гроб, выращенный в черный цвет... (Последняя поездка)	506
Гроза <сокр.> (Паулино)	500
Да! Шлялось, моталось, горелось...	545
Давно я не дарил тебе ни строки ни цветы...	538
Дай на прощанье поцелую в лоб...	84
Дарья — Маланья	238
Два друга уезжали...	68
Двадцать первого июля...	551
Две гитары... Фу ты чорт!.. (О гармошке)	228
Девятьсот кобыл... (Лирический пейзаж)	235
Дело было к весне...	52
День распускается ярким...	99

День, которому я очевидец <фрагмент>	563
Деревенский репертуар (Яропольская волость)	154
Деревня Шишково (Яропольская волость)	161
десятая пятница (Яропольская волость)	105
Десяток как твои глаз... (Неучтенная возможность)	267
Дневник I-III	328
Добра — весенняя оттепель!..	305
Добрый вечер, товарищи! (Паулино)	495
Должен оговориться...	41
Должно быть к хорошей погоде...	96
Дорогая наша Оля...	523
Досадно! Почти не осталось души...	524
Друг, накрепко, как заклиненный...	286
Его никто не величает необъятным... (Пролив детства I)	18
Есть на земной груди...	534
Жив ты или нет...	519
Живешь и проходишь мимо...	86
Жизнь всячиною богата...	550
Жила была на свете черепаха	541
Жил-был бродяга серый волк...	93
Жили были дед и баба...	315
За алой каемкой зари...	540
За милую душу!.. (Якову Фриду)	289
За серебряной рекою...	537
Забавно, что не стал обузой... (Между прочим)	74
Загуляли наши парни... (Пара теплых слов про ослов)	227
Закат на лыжах беговых... (Январский иней I)	475
Заклучение (Луга)	468
Заклучение (Рассвет)	30
Заклучение (Яропольская волость)	175
Застольная (В моем стакане шип и звон...)	
Звенит обрезком меди... (Под открытым небом)	349
Здоровье триста лет умерших... (Тост второй)	276
Здравствуй, смерть, как ты грустна... (Разговор)	374
Зима — это утро в огнях...	507
И что тебе не спится?..	528
Идиллия (Лес — тишина — прохлада...)	478
Из истории борьбы Украины за самостоятельность (Яропольская волость)	109
Избранные места из переписки с друзьями	285
История болезни (Люди жили на чеку...)	332
Как жаль, что нельзя на голос пропеть дорогу... (На разлуку)	300
Как хорошо проснуться на рассвете...	526
Каким соловьем заливался аховым...	282
Какое вздрагивающее дыханье!..	333
Когда б я не был сам собой... (Упражнение на глагол)	81
Когда выходит ночь на свет... (Лирическая компания)	273
Когда меня хоронили...	352
Когда над городом взойдет заря...	56
Когда-то друг друга любили...	45
Кое-что из русской истории (Яропольская волость)	125

Кое-что о русской поэзии (Яропольская волость)	116
Колыбельная (Песни шепотом)	292
Колыбельные	63
Комедь всемирной истории <сокр.>	254
Комсомольская метелица <фрагмент>	557
Конечно, я не плакал, — нет...	518
Корреспонденции с мест №8 В. К. Звягинцевой (У нас весна, у вас масленица...)	299
Корреспонденция с мест №3 К. К. Андрееву (Сват — брат, — по службе товарищ...)	299
Критика и библиография <фрагменты> (Благослови, отец Гораций...)	260
Крупные капли акаций...	287
Крылатый бог барахтается в луже... (Мифы II)	76
Кутя, Кисанька...	72
Лежит на подоконнике тень невысокой горы...	101
Лежишь, розовея, на бледной отмели...	282
Лезгинка (Ашуг — седая голова...)	503
Лес — он как бархатный, зелен и свеж...	100
Лес — тишина — прохлада... (Идиллия)	478
Лес под осень обдряб и замок...	59
Лесорубы <сокр.> (Тверяк широкоплеч и сух...)	236
Летел дождик и сел на ветку...	379
Лирическая интермедия (Пейзаж в порядке воспоминаний)	120
Лирическая компания (Ода в три тоста)	273
Лирическая сюита	
Лирический ветерок...	71
Лирический дневник. Январь 1930 года	310
Лирический пейзаж (Девятьсот кобыл...)	235
Лирическое обращение (Обрастаю загаром...)	268
Лицо в занозах. Мир прекрасен...	264
Луга. Календарь воспоминаний	422
Луна плыла по Каме...	102
Любимая ложится спать...	63
Любимая, хоть пой, хоть плачь... I-II	512
Люди жили на чеку... (История болезни)	332
Мало ли чего хочется...	547
Мальчишкой школьником, пересекая площадь... <Про дождь>	536
Мария, зажги снега...	377
Март (Ах как удобно мартовские ночи...)	297
Март с весной наперевес...	316
Мартовская чехарда <сокр.> (Февраль в отставку с первого...)	229
Между прочим (Забавно, что не стал обузой...)	74
Метафорическая загвоздка — дважды два — сто!..	308
Милая душно — тишины по уши!.. (Приложение №2)	321
Милые, какого все вы...	53
Мифы	75
Мне грустно, может быть, потому... (Так почему же?)	372
Мне жизнь большая, как смерть, дана...	368
Мне холодно. — Апрель не хочет греть...	383
Мое пожилое несчастье...	55

Мои возлюбленные дети...	513
Мой далекий тихий друг...	366
Море еще причесывается...	284
Москва	185
Москва-Тбилиси. Степи спят...	522
Мост и еще мост...	311
Моя любовь седеет...	365
Муза, бросим валять дурака...	61
Мы вечеряли у патефона... (Веселый разговор)	375
Н. М. [Сквозь бледную живопись тополей...]	288
На жизнь из твоих рук гляжу... (Благодарственная)	327
На крутолобом въезде над рекою...	538
На меня некогда... (Объяснительная записка)	281
На разлуку (Как жаль, что нельзя на голос пропеть дорогу...)	300
На родине просторный лес...	70
Навсегда потерявши надежду устроиться как-то с ночевкой...	472
Наглухо приложен к твоему плечу, к небесам приторочен...	313
Над Волгой синий звон повис...	101
Над моей головой...	53
Над моею могилою ветер...	356
Над самой речкой, на ветру...	514
Наполнив с краем наравне... (Тост первый)	275
Наполовину сед...	73
Не велика птица...	33
Не верю! <фрагмент>	562
Не дразни меня, подруга...	471
Не за себя прошу — за ночь...	31
Не знать души, что ноет и болит...	546
Не отвечает (Говоришь, что любви ни в одном глазу?..)	304
Не по сердцу мне простой...	345
Не шляйся по миру, юнец... (Четырехстопный ямб)	345
Небес просторной широты... (Свидетель моей любви (Надежде))	298
Нежно перелистывает пласты... (Портрет)	331
Нема михайловская глушь...	505
Немного застенчивый вечер...	95
Неотложный разговор I	335
Несутся тучи кони...	349
Неучтенная возможность (Десяток как твои глаз...)	267
Ни ветка не хрустнет, ни птица...	97
Ни голубая прохлада, ни болотистый зной...	525
Ни телеграф ко мне не достучится...	513
Никому не возбраняется, чать...	278
Нисходит вечер с облаков... (Приложение № 1)	320
Ночи кокон (О вдохновительница ночь...)	272
Ночи паполома опускается на землю...	540
Ночь (Песни шепотом)	295
Ночь 2-3 февраля 1934 года	
(Я пил эту ночь по глотку, осторожно и бережно...)	61
Ночь брела по пням и кочкам...	515
Ночь идет, стоят вагоны...	364
Ночь окрашена милой...	47

Ночь повествует <фрагмент>	563
Ночь, шитая золотом по бархату...	480
Ночь. Осень. Густой листопад... (Тема)	472
Ночь... Романтика... Нет отбою...	102
О вдохновительница ночь... (Ночи кокон)	272
О гармошке (Две гитары... Фу ты чорт!..)	228
О нас с тобой И. М. В. (Висит седое небо...)	347
О смертный, проще глянь на жизнь...	316
О, как давно я не пил за белую скатертью чаю... (Вступление)	51
О, муза, здесь не покидай... (Обращенье к музе)	274
Обидчиво похрустывал песок...	83
Облаками убаюкав грудь...	346
Обламывая ветви...	270
Обрастаю загаром... (Лирическое обращенье)	268
Обращенье к музе (О, муза, здесь не покидай...)	274
Обстоятельства, время и место действия (Лирическая сюита)	384
Объяснительная записка №2 (На меня некогда...)	281
Объяснительная записка №2 (В памяти не засорятся...)	319
Объяснительная записка №3 (Ты меня обнадежила...)	319
Обычно короток рассказ...	69
Огромные гроздья сирени... (Полуденный сон)	14
Ода (Ветер, — меня причесывал...)	322
Одни скончались в постели...	73
Одним миром мазаны...	307
Он в море выбыл!.. (Привет с моря)	231
Оно живет по-птичьи...	57
Определение (Я полдни пил, как трактор пьет горячее...)	357
Опровержение (Я только заикнулся о могиле...)	530
Опыт (Помнишь парк?..)	382
Оранжевая/Кружевная даль...	334
Осень. Тишина. Грустно...	350
Ослепла память — ласковая мать...	75
Остатки северного льда... (Волга вскрылась <сокр.>)	234
Острова Дружбы (Отплавав (отпылав)...))	
Острым взмахом ласточкинова крыла...	331
От жары, от едкой пыли...	90
От можжевельных веток...	520
От тайных происков природы...	517
От юности остались пыль и дым... (Отплытие I)	16
Отплавав (отпылав)... (Острова Дружбы)	87
Отплытие	
Отряд сквозь ночь шел напрямик <фрагмент>	555
Отряхивая прах и тлен...	40
Оттого мне так светло...	342
Отходя ко сну... (Вспоминаю любимую)	302
Отшельник	410
Очень просто (Самая живая повесть...)	524
Ощущаю, как собственное сердцебиенье...	318
Пан	77
Пара теплых слов про ослов (Загуляли наши парни...)	227

Паулино. Лирическое изложение 6 (пасторальной) симфонии Бетховена	485
Первая прогулка по волости (Яропольская волость)	140
Первое дыхание дня (Паулино)	485
Перехожу мост. Струйки будто сердце переплывают... (Выписки из дневника)	314
Песни моей памяти (Луга 5)	449
Песни шепотом	292
Песня о лебеде (Встав над сизою Окою...)	543
Письмо <фрагмент>	559
Плывет веселая луна...	48
По бронзовым соснам, по белым березам...	508
По грибы (Луга 6)	455
По грибы (Луга 6, вариант)	580
По проводам бежит огонь...	47
Повторение пройденного/Куски моей биографии I-III	323
Поговорим, старуха-жизнь...	537
Под открытым небом (Звенит обрезком меди...)	349
Подайте мелочи на полстихотворенья...	534
Подруга, не грусти...	511
Подруга, не плакай, и горе осядет... (Скоро пойдет дождь)	510
Подъемка (Деревня Шишково)	169
Пожалуйста не стучите...	547
Пока на свете место есть...	548
Покосные (Эх, люблю я деревенские места...)	225
Полдень (Песни шепотом)	293
Ползет поземка, тихая как тать...	71
Полуденный сон (Огромные гроздьи сирени...)	14
Помнишь парк?... (Опыт)	382
Порадую песенкой новой...	367
Поразговаривали (Я знавал тебя, скука...)	373
Портрет (Нежно перелистывает пласты...)	331
Посвящение (Пусть эта стайка нежных и пушистых...)	94
Посвящение (Я тысячу ночей не спал...)	50
Послание в Знаменский	358
Последняя поездка (Гроб, выкрашенный в черный цвет...)	506
Похрустывает под коловоротом...	516
Почетный гость и лучший член колхоза... <Про дождь>	536
Поэт отщелкал, отсвистал...	67
Поэт, постись и бедствуй...	524
При моем-то характере...	369
Привет с моря (Якову Фриду)	231
Придурковатая природа...	518
Приказ <сокр.>	226
Приказано завесить зеркала...	520
Приложение № 1 (Нисходит вечер с облаков...)	320
Приложение № 2 (Милая душно — тишины по уши!..)	321
Примечания к первой части (Яропольская волость)	136
<Про дождь>	536
Пробьют часы... Окончен день рабочий...	85
Пройдя сквозь хорошую школу...	348

Пролив детства	18
Простясь с остатками сердцебиенья...	295
Пусть эта стайка нежных и пушистых... (Посвящение)	94
Радоваться горам...	290
Разговор (Здравствуй, смерть, как ты грустна...)	374
Разговор с любимой	400
Разговор с собой (Лирическая сюита)	389
Разливанное небо...	315
Рань-то какая...	35
Расплескалась, как по песочку...	308
Романтика (Ты ветром на моем пути...)	266
Роняет муза слезы... (Мифы I)	75
Рощи, поля, болота...	534
Рыбалка (Луга 7)	462
Рыбсиндикат (отрывок) <сокр.>	232
С веткой в клюве золотая птица...	99
С вокзала двигали тюки... (Рыбсиндикат) <сокр.>	232
С рассветом шалуном подростком... <Про дождь>	536
С. С. С. Р. (Инвентаризация с примечаниями)	179
Самая живая повесть... (Очень просто)	524
Сват — брат, — по службе товарищ...	
(Корреспонденция с мест №3 К. К. Андрееву)	299
Свидание друзей	304
Свидетель моей любви (Надежде) (Небес просторной широты...)	298
Сельскохозяйственный календарь (Деревня Шишково)	167
Семь лет на разных посудицах...	549
Семь серенад	21
Сердце на выкате...	306
Серенада восьмая (единственная)	29
Серенада вторая (сентиментальная)	23
Серенада первая (романтическая)	22
Серенада пятая (лирическая)	26
Серенада седьмая (галантерейная)	28
Серенада третья (патетическая)	24
Серенада четвертая (сельская)	25
Серенада шестая (скромная)	27
Сечи (Луга 4)	445
Сквозь бледную живопись тополей... (Н. М.)	288
Сквозь дождик втекает Бах...	98
Скоро пойдет дождь (Подруга, не плакай, и горе осядет...)	510
Следующий день (Яропольская волость)	130
Слово за слово, рука об руку — сам с собой...	317
Слушай-ка, ты, — девочка...	34
Смешон ли соловей, когда картав...	310
Смотрел и в ее глаза — смутные...	306
Смуглое распластав тело...	380
Снега отцвели и сгорели...	378
Снова, отрываясь насильно...	37
Совершенно просто <сокр.>	420
Соловьи III (Горд соловей — туг на ухо...)	351
Соловьи VI (Прыгал соловей песенной дорожкой...)	351

Солнышко вороненое...	311
Спи спокойно, дорогая...	64
Спи, глазок, спи, другой...	65
Сплошное небо. Горизонт чистой воды... (В апреле за городом)	296
Спокойно, будто на поводу...	331
Спокойной ночи... Ночь... Темно...	63
Страда (Деревня Шишково)	171
Струится мрак давным-давно...	541
Стучит холодный молоток...	527
«Стучите и отвернется!»...	512
Стучится муза в низкое окно...	76
Сутулясь и как-то боком...	367
Так почему же? (Мне грустно, может быть, потому...)	372
Тверяк широкоплеч и сух... (Лесорубы <сокр.>)	236
Творцы бессмертной ерунды...	519
Текут над миром провода...	340
Тема (Ночь. Осень. Густой листопад...)	472
Течет слепая жижа...	550
Тихо-тихо приближаются небеса...	39
Тишайший свет месяца...	309
Топография (Деревня Шишково)	161
Тост второй (Здоровье триста лет умерших...)	276
Тост первый (Наполнив с краем наравне...)	275
Тост третий (Эввое!..)	277
Трепетный малинник — заря...	36
Три песни о любви (Надежде)	269
Ты ветром на моем пути... (Романтика)	266
Ты видела меня отпетым... (Ты знаешь меня насквозь)	521
Ты знаешь меня насквозь (Ты видела меня отпетым...)	521
Ты из породы хищных птиц...	269
Ты меня обнадежила... (Объяснительная записка №3)	319
Ты не приехала, — а жалко...	84
Ты обжигашь губы мне...	269
Ты спишь — щенок-щенком... (Пролив детства II)	19
Ты спишь, любимая? Пора...	66
У нас весна, у вас масленица...	
(Корреспонденции с мест №8 В. К. Звягинцевой)	299
Уж ты, галка-скакалка моя...	542
Упокой, господи, тело раба твоего...	43
Упражнение на глагол (Когда б я не был сам собой...)	81
Упражнение на глагол (Я еду степью. Меркнет день...)	509
Усатый запевало...	535
Утро (Песни шепотом)	293
Утро, поднявшееся на дыбки...	365
Февраль в отставку с первого... (Мартовская чехарда <сокр.>)	229
Февраль. Неба хрустящий асбест...	48
Хлебанул рассолу в лужах морей...	549
Цветет земли роскошный цвет...	341
Целое полугодье душно...	95
Чем жить...	373
Через окно — в форточку...	38

Четыре параграфа и одно апропо	257
Четырехстопный ямб (Не шляйся по миру, юнец...)	345
Чин погребения	352
Что грустишь, о чем тоскуешь... (Январский иней IV)	475
Шипит молодой кипяток...	304
Эввое!.. (Тост третий)	277
Эпиграфы	331
Эх, люблю я деревенские места... (Покосные)	225
Юности моей друзья: леса, луга...	525
Я был молодым да ярым...	343
Я вчера утоп...	381
Я еду степью. Меркнет день... (Упражнение на глагол)	509
Я еще не говорил о том...	42
Я знавал тебя, скука... (Поразговаривали)	373
Я значит снова буду быть...	514
Я знаю, это ты подкарауливаешь мой сон...	283
Я кажется не должен никому...	546
Я ни разу не видел моря...	15
Я обошел весь лес...	82
Я песню выдержал в тиши...	368
Я пил эту ночь по глотку, осторожно и бережно... (Ночь 2–3 февраля 1934 года)	61
Я подслушивал тихо дрожа...	60
Я покидаю город, — до свиданья...	527
Я полдни пил, как трактор пьет горячее... (Определение)	357
Я сам натешу досок на гроб...	353
Я стал твоей вещью, любимая...	526
Я только заикнулся о могиле... (Опровержение)	530
Я требую, чтоб над моей могилой...	284
Я тысячу ночей не спал... (Посвящение)	50
Якову Фриду (За милую душу!..)	289
Январский иней	475
Яропольская волость (Монография)	103

Содержание

<i>Екатерина Емельянова. Предисловие</i>	3
I (СТИХИ и ПОЭМЫ)	7
ПОЛДЕНЬ	
Волхов	9
Полуденный сон	14
Я ни разу не видел моря...	15
Отплытие	
От юности остались пыль и дым...	16
В лицо ударил ветер молодой...	17
Пролив детства	
Его никто не величает необъятным...	18
Ты спишь — щенок-щенком...	19
СЕМЬ СЕРЕНАД	
Вступление	21
Серенада первая (романтическая)	22
Серенада вторая (сентиментальная)	23
Серенада третья (патетическая)	24
Серенада четвертая (сельская)	25
Серенада пятая (лирическая)	26
Серенада шестая (скромная)	27
Серенада седьмая (галантерейная)	28
Серенада восьмая (единственная)	29
Заключение (Рассвет)	30
ЛИРИЧЕСКИЕ ЗАПИСОЧКИ	
Не за себя прошу — за ночь...	31
В версте от твоих губ...	32
Не велика птица...	33
Слушай-ка, ты, — девочка...	34
Рань-то какая...	35
Трепетный малинник — заря...	36
ТРЕБНИК АТЕИСТА	
Снова, отрываясь насильно...	37
Через окно — в форточку...	38
Тихо-тихо приближаются небеса...	39
Отряхивая прах и тлен...	40
Должен оговориться...	41
Я еще не говорил о том...	42
Упокой, господи, тело раба твоего...	43

РОМАНСЫ И ЭЛЕГИИ	
Когда-то друг друга любили...	45
Грач усаживается на сосну...	46
По проводам бежит огонь...	47
Ночь окрашена милой	47
Февраль. Неба хрустящий асбест...	48
Плывет веселая луна...	48
Выпущенную ветром праздным...	49
ДИКИЕ ПЕСНИ	
Посвящение (Я тысячу ночей не спал...)	50
Вступление	51
Дело было к весне...	52
Над моей головой...	53
Милые, какого все вы...	53
Город съеден травой...	54
Мое пожилое несчастье...	55
Когда над городом взойдет заря...	56
Оно живет по-птичьему...	57
В решетку солнышко разграфлено...	58
Лес под осень обдряб и замок...	59
Я подслушивал тихо дрожа...	60
Ночь 2-3 февраля 1934 года	61
Муза, бросим валять дурака...	61
Вот так откроют сиплый кран...	62
КОЛЫБЕЛЬНЫЕ	
Любимая ложится спать...	63
Спокойной ночи... Ночь... Темно...	63
Спи спокойно, дорогая...	64
Спи, глазок, спи, другой...	65
Ты спишь, любимая? Пора...	66
ЗАБАВНЫЕ ПЕСНИ	
Поэт отщелкал, отсвистал...	67
Два друга уезжали...	68
Обычно короток рассказ...	69
ПОЕТ СОЛОВЕЙ	
На родине просторный лес...	70
Ползет поземка, тихая как тать...	71
Лирический ветерок...	71
Кутя, Кисанька...	72
ПАМЯТЬ	
Одни скончались в постели...	73
Наполовину сед...	73
Между прочим (Забавно, что не стал обузой...)	74
Ослепла память — ласковая мать...	75

Мифы	
Роняет муза слезы...	75
Крылатый бог барахтается в луже...	76
Стучится муза в низкое окно...	76
ТЕБЕ	
Пан	77
Упражнение на глагол (Когда б я не был сам собой...)	81
Я обошел весь лес...	82
Обидчиво похрустывал песок...	83
Дай на прощанье поцелую в лоб...	84
Ты не приехала, — а жалко...	84
Пробьют часы... Окончен день рабочий...	85
ОСТРОВА	
Живешь и проходишь мимо...	86
Острова Дружбы	87
Застольная	88
В далекий путь уходят корабли...	89
От жары, от едкой пыли...	90
Жил-был бродяга серый волк...	93
ЛИРИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ	
Посвящение (Пусть эта стайка нежных и пушистых...)	94
Все замерло. Время застыло...	94
Немного застенчивый вечер...	95
Целое полугодье душно...	95
Должно быть к хорошей погоде...	96
Ни ветка не хрустнет, ни птица...	97
Беспомощные ветки верб — робкие руки весны...	97
Сквозь дождик втекает Бах...	98
С веткой в клюве золотая птица...	99
День распускается ярким...	99
Лес — он как бархатный, зелен и свеж...	100
Вот только ветер бил крылом...	101
Над Волгой синий звон повис...	101
Лежит на подоконнике тень невысокой горы...	101
Луна плыла по Каме...	102
Ночь... Романтика... Нет отбою...	102
ЯРОПОЛЬСКАЯ ВОЛОСТЬ (Монография)	
Вступление	103
Часть первая	
Глава I (десятая пятница)	105
Глава II (Из истории борьбы Украины за самостоятельность)	109
Глава III (Абзац I) (Кое-что о русской поэзии)	116
Лирическая интермедия (Пейзаж в порядке воспоминаний)	120
Глава III (Абзац II) (Кое-что из русской истории)	125
Глава IV (Следующий день)	130
Глава V (Примечания к первой части)	136

Часть вторая	
Вступление	139
Глава I (Первая прогулка по волости)	140
Глава II (Вторая прогулка по волости)	147
Глава III (Деревенский репертуар)	154
Глава IV (Деревня Шишково)	
Абзац I (Топография)	161
Абзац II (Герои)	164
Абзац III (Сельскохозяйственный календарь)	167
Абзац IV (Подъемка)	169
Глава V (Страда)	171
Заключение	175

С.С.С.Р. (Инвентаризация с примечаниями)	
Вступление	179
Москва	185

II	223
-----------	-----

СТИХИ ИЗ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ 1920-Х И ПЕСНЯ

Покосные	225
Приказ (сокр.)	226
Пара теплых слов про ослов	227
О гармошке	228
Мартовская чехарда (сокр.)	229
Весенний вопрос	229
Привет с моря (Якову Фриду)	231
Рыбсиндикат (отрывок) (сокр.)	232
Волга вскрылась (сокр.)	234
Лирический пейзаж (Девятьсот кобыл...)	235
Лесорубы (сокр.)	236
Дарья — Маланья	238

НАПИСАННОЕ ДО АРЕСТА В НАЧАЛЕ 1934

ВЕРЕЯ	239
Комедь всемирной истории (сокр.)	254
Четыре параграфа и одно апропо	257
II Критика и библиография (фрагменты)	260
Где ж о гитаре спеть нежней...	263
Лицо в занозах. Мир прекрасен...	264
ЛИРИЧЕСКИЙ ВЕТЕР. 1928, лето	
Романтика (Ты ветром на моем пути...)	266
Неуценная возможность	267
Лирическое обращение (Обрастаю загаром...)	268

Три песни о любви (Надежде)	
Ты обжигает губы мне...	269
Ты из породы хищных птиц...	269
Обламывая ветви...	270
Ночи кокон	272
Лирическая компания (Ода в три тоста)	
Когда выходит ночь на свет...	273
Обращенье к музе	274
Тост первый (Наполнив с краем наравне...)	275
Тост второй (Здоровье триста лет умерших...)	276
Тост третий (Эввое!..)	277
Никому не возбраняется, чать...	278
Ваш стих сбивается с такта...	280
ЛИРИКА	
Объяснительная записка (На меня некогда...)	281
Лирические записочки 1928-1929	
Лежишь, розовея, на бледной отмели...	282
Каким соловьем заливался аховым...	282
Я знаю, это ты подкарауливаешь мой сон...	283
Я требую, чтоб над моей могилой...	284
Море еще причесывается...	284
Избранные места из переписки с друзьями	
Георгию Николаевичу Оболдуеву (Выпьем на ты...)	285
Друг, накрепко, как заклиненный...	286
Крупные капли акаций...	287
Н. М. (Сквозь бледную живопись тополей...)	288
Якову Фриду (За милую душу!..)	289
Радоваться горам...	290
Песни шепотом	
Колыбельная	292
Утро	293
Полдень	293
Вечер	294
Ночь	295
Простясь с остатками сердцебиенья...	295
В апреле за городом (Корреспонденция)	296
Март (Ах как удобно мартовские ночи...)	297
Свидетель моей любви (Надежде)	298
Корреспонденция с мест №3/К. К. Андрееву	299
Корреспонденции с мест №8/В. К. Звягинцевой	299
На разлуку	300
Вспоминаю любимую (Отходя ко сну...)	302
Не отвечает	304

Свиданье друзей	
Шипит молодой кипяток...	304
Ветерок перелистывает ресницы...	305
Добра — весенняя оттепель!..	305
Сердце на выкате...	306
Смотрел и в ее глаза — смутные...	306
Одним миром мазаны...	307
Бе-бе! Шерстянная киска!..	307
Метафорическая загвоздка — дважды два — сто!..	308
Расплескалась, как по песочку...	308
Тишайший свет месяца...	309
Лирический дневник. Январь 1930 года	
Вступление	310
Смешон ли соловей, когда картав...	310
Солнышко вороненое...	311
Мост и еще мост...	311
Говорят, — не разучиваются петь...	312
Наглухо приложен к твоему плечу, к небесам приторочен...	313
Выписки из дневника	
Перехожу мост. Струйки будто сердце переплывают...	314
Разливанное небо...	315
Жили были дед и баба...	315
Март с весной наперевес...	316
О смертный, проще глянь на жизнь...	316
Слово за слово, рука об руку — сам с собой...	317
Ощущаю, как собственное сердцебиенье...	318
Объяснительная записка № 2	319
Объяснительная записка № 3	319
Приложение № 1	320
Приложение № 2	321
Ода	322
Повторение пройденного/Куски моей биографии I-III	323
Благодарственная	327
Дневник I-III	328
Портрет	331
Эпиграфы	
Острым взмахом ласточкинова крыла...	331
Спокойно, будто на поводу...	331
Весна — это когда бежит с глаз сон...	332
История болезни (Люди жили на чеку...)	332
Какое вздрагивающее дыханье!..	333
Варьяции (А что если и смерть, как ты...)	334
Оранжевая/Кружевная даль...	334
Неотложный разговор I	335
Горбовская хроника	338
Текут над миром провода...	340

Цветет земли роскошный цвет...	341
Оттого мне так светло...	342
Я был молодым да ярим...	343
Всю ночь над моей головой...	344
Четырехстопный ямб	345
Не по сердцу мне простой...	345
Облаками убаюкав грудь...	346
О нас с тобой/И. М. В.	347
Пройдя сквозь хорошую школу...	348

НАПИСАННОЕ В СИБИРИ, 1934 — АПРЕЛЬ 1936

Несутся тучи кони...	349
Под открытым небом	349
Осень. Тишина. Грустно...	350

СОЛОВЬИ

Горд соловей — туг на ухо...	351
Прыгал соловей песенной дорожкой...	351

ЦИКАДЫ

Бегут заката кони...	352
----------------------	-----

ЧИН ПОГРЕБЕНИЯ

Когда меня хоронили...	352
Я сам натешу досок на гроб...	353
Гроб гвоздочками забили...	354
Вот лежу в могиле я...	354
В три метра слой тишины...	355
Над моею могилою ветер...	356

ОТРЫВКИ ПОСЛАНИЯ ПОСВЯЩЕНИЯ

Определение	357
Послание в Знаменский	358

ДИКИЕ ПЕСНИ

А знаешь что...	364
Ночь идет, стоят вагоны...	364
Утро, поднявшееся на дыбки...	365
Моя любовь седеет...	365
Мой далекий тихий друг...	366

БЕЗ НАЗВАНЬЯ

Порадую песенкой новой...	367
Сутулясь и как-то боком...	367

ОБЕЩАНЬЕ

Мне жизнь большая, как смерть, дана...	368
--	-----

ПЕСНИ О ПЕСНЕ	
Я песню выдержал в тиши...	368
ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ	
При моем-то характере...	369
Вдоль полотна скача...	370
Бьется в стекла тишина...	371
Ветер полынный настойки свежей...	371
ВЕСЕЛЫЙ РАЗГОВОР	
Так почему же?	372
Поразговаривали	373
Чем жить...	373
Разговор (Здравствуй, смерть...)	374
Веселый разговор (Мы вечерали у патефона...)	375
ВЕСЕННИЙ КВАРТАЛ	
Водой набухли небеса...	376
Апрель морочит голову пургой...	376
Мария, зажги снега...	377
Снега отцвели и сгорели...	378
Летел дождик и сел на ветку...	378
РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ	
Смуглое распластав тело...	380
Я вчера утоп...	381
А ты не пой, а ты не плачь...	382
Опыт (Помнишь парк?..)	382
Мне холодно. — Апрель не хочет греть...	383
ЛИРИЧЕСКАЯ СЮИТА	
Обстоятельства, время и место действия	384
Разговор с собой	389
Введение в область лирического (сокр.)	399
РАЗГОВОР С ЛЮБИМОЙ	400
ТРИ ПОЭМЫ	
Отшельник	410
4-6/VIII 1934 (сокр.)	417
Совершенно просто (сокр.)	420
ЛУГА.	
<i>Календарь воспоминаний</i>	
Вступление	422
Глава первая. <i>Грачи летят</i>	428
Глава вторая. <i>Голоса ночи</i>	435
Глава третья. <i>Верши</i>	439
Глава четвертая. <i>Сечи</i>	445
Глава пятая. <i>Песни моей памяти</i>	449

Глава шестая. <i>По грибы</i>	455
Глава седьмая. <i>Рыбалка</i>	462
Заключение	468

НАПИСАННОЕ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ, 1936-1941

Не дразни меня, подруга...	471
Навсегда потерявши надежду устроиться как-то с ночевкой...	472
Тема (Ночь. Осень. Густой листопад...)	472

Январский иней	
Закат на лыжах беговых...	475
Что грустишь, о чем тоскуешь...	475
Бор зелен и шумит. Как будто сказку...	475

Все скрепы неба колыхая...	477
Идиллия	478
Ночь, шитая золотом по бархату...	480

ПАУЛИНО

<i>Лирическое изложение 6 (пасторальной) симфонии Бетховена</i>	
Первое дыхание дня	485
Встреча у ручья	490
Добрый вечер, товарищи!	495
Гроза (сокр.)	500

Лезгинка (Ашуг — седая голова...)	503
Нема михайловская глушь...	505
Последняя поездка	506
Зима — это утро в огнях...	507
По бронзовым соснам, по белым березам...	508
Упражнение на глагол (Я еду степью...)	509
Будто с тонких хоботков...	509
Скоро пойдет дождь (Подруга, не плачай...)	510
Подруга, не грусти...	511
Любимая, хоть пой, хоть плачь... I-II	511
«Стучите и отверзется!»...	512
Ни телеграф ко мне не достучится...	513
Мои возлюбленные дети...	513
Над самой речкой, на ветру...	514
Я значит снова буду быть...	514
В прабабушкиных валенках...	515
Ночь брела по пням и кочкам...	515
Выпорхнет из-под ворот...	516
Похрустывает под коловоротом...	516
От тайных происков природы...	517
Придурковатая природа...	517
Конечно, я не плакал, — нет...	518
Творцы бессмертной ерунды...	519

Жив ты или нет...	519
От можжевельных веток...	520
Приказано завесить зеркала...	520
Ты знаешь меня насквозь	521
Всей памятью упругой...	521
Москва-Тбилиси. Степи спят...	522
Дорогая наша Оля...	523
Досадно! Почти не осталось души...	524
Очень просто	524
Поэт, постись и бедствуй...	524
Ни голубая прохлада, ни болотистый зной...	525
Юности моей друзья: леса, луга...	525
Я стал твоей вещью, любимая...	526
Как хорошо проснуться на рассвете...	526
Я покидаю город, — до свиданья...	527
Стучит холодный молоток...	527
И что тебе не спится?..	528
Возвышенная	529
Опровержение	530
Восстав из мертвых голос свой...	534
Подайте мелочи на полстихотворенья...	534
Рощи, поля, болота...	534
Есть на земной груди...	534
Усатый запевало...	535
<Про дождь>	
Мальчишкой школьником, пересекая площадь...	536
С рассветом шалуном подростком...	536
Почетный гость и лучший член колхоза...	536
За серебряной рекою...	537
Поговорим, старуха-жизнь...	537
На крутолобом взезде над рекою...	538
Давно я не дарил тебе ни строки ни цветы...	538
Глуша кузнечиков нежный звон...	539
Всю ночь металась муза, как в огне...	539
За алой каемкой зари...	540
Ночи паполома опускается на землю...	540
Струится мрак давным-давно...	541
Жила была на свете черепаха	541
Уж ты, галка-скакалка моя...	542
Песня о лебеде (Встав над сизою Окою...)	543
Все это, кроме неба, понятно...	544
Да! Шлялось, моталось, горелось...	545
Не знать души, что ноет и болит...	546
Я кажется не должен никому...	546
А я б и от любви сбежал...	546
Пожалуйста не стучите...	547
Мало ли чего хочется...	547
Без десяти двенадцать...	548
Пока на свете место есть...	548

Хлебанул рассолу в лужах морей...	549
Семь лет на разных посудинах...	549
Течет слепая жижа...	550
Жизнь всячиною богата...	550
Двадцать первого июля...	551

Приложения

<i>Валентин Португалов. Поэт Иван Пулькин</i>	555
<i>От составителя</i>	565
<i>Комментарии</i>	567
<i>Именной указатель</i>	584
<i>Указатель произведений</i>	587
<i>Содержание</i>	597

Иван Пулькин
Лирика и эпос

Корректор

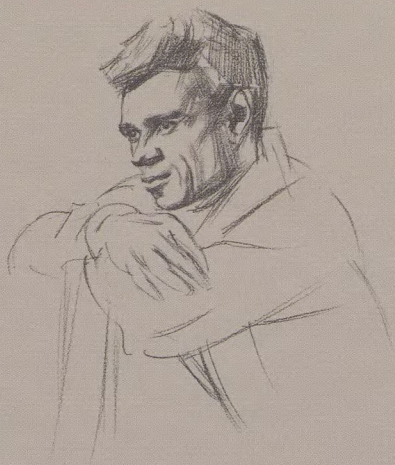
И.А. Ахметьев

Оформление и макет

А.М. Дмитриев

Издательство «Виртуальная галерея»
parkculture@gmail.com

Формат 84x100/32. Бумага офсетная №1
Печать офсетная. Тираж 500 экз.



Иван Пулькин
25/IV

Иван Иванович Пулькин (1903–1941) начинал как комсомольский поэт, в конце 1920-х участвовал в «Союзе приблизительно равных» (И. Аксенов, Г. Оболдуев и др.), в 1934–1936 находился в заключении в Западной Сибири, с 1939 работал библиографом в ИФЛИ; в конце 1941 рядовой Пулькин, находясь на фронте, пропал без вести под Москвой.

Так сложилось, что это первая книга замечательного русского поэта. Большинство произведений публикуются впервые.

ISBN 978-5-98181-120-3



9 785981 811203